

Справочный материал для участников слета Союзного Государства (конкурс краеведов)

1. На территории Москвы и Подмосковья известны древнейшие неолитические стоянки, а также стоянки фатьяновской культуры, относящиеся ко II тысячелетию до нашей эры (бронзовому веку) — предположительно праславян.

К середине I тысячелетия до нашей эры она сменяется дьяковской культурой железного века, оставившей ряд городищ на территории Москвы, в том числе на Боровицком холме. Городища устраивались на берегах рек, укреплялись частоколами и рвами. Жилищами были полуземлянки, а также бревенчатые срубы и столбчатые каркасные дома. Этнически население местности относилось к финно-угорской языковой группе, предположительно к исчезнувшему племени меря.

Затем это место становится ареной продвижения на восток двух больших групп славянских племён: вятичей с юго-запада и кривичей с северо-запада. Мы едва ли узнаем подробности отношений язычников-славян с такими же язычниками-меря. Однако замечено, что наиболее значительные топонимы сохранили в основном дославянское звучание (Москва, Яуза, Руза, Истра, Пахра и др.), менее значимые имеют явные славянские корни. Как отмечает М. Н. Тихомиров, это объясняется устным общением славянского и финно-угорского населения в течение некоторого времени^[5].

Земли за Окой (земли вятичей и кривичей) были в первые века существования Древнерусского государства далёкой северо-восточной окраиной («Залесьем»). Вероятно, этим объясняется отсутствие в летописях подробных сведений о городах вятичей до XII века. Тем не менее археологические данные говорят о существовании поселений на территории Москвы в конце I тысячелетия нашей эры.

По мнению И. Е. Забелина, река Сходня (ранее Восточная) служила для перевалки судов на Клязьму и соединяла реку Москву с Волгой^[6]. Москва, находясь вблизи путей «из варяг в греки», а также на Волгу, в арабские страны Востока, имела все шансы стать региональным торговым центром. Высокая плотность гидрологической сети обеспечивала зимой хорошее передвижение по замёрзшим рекам.

По Дьякову городищу у села Дьяково (ныне в Москве, в черте музея-заповедника Коломенское)^[4] название получила дьяковская культура. Носителей дьяковской культуры обычно считают предками племён мери и веси, тогда как племена родственной ей городецкой культуры были предками муромы, мещеры и мордвы. Обе культуры были потомками культуры текстильной (иначе сетчатой) керамики района Волго-Окского междуречья и Верхней Волги, существовавшей в эпоху поздней бронзы; отсюда дьяковцы (а ранее их предки — носители текстильной керамики) двинулись по берегам рек на запад^[1]. Хотя вполне обоснованной выглядит версия о славянском происхождении, как минимум, части дьяковских памятников — главным образом, на Верхней Волге. Двигаясь на запад, дьяковцы сменили абашевскую и остатки фатьяновской культуры, причём археологические источники свидетельствуют об ожесточённой борьбе между дьяковцами и последними фатьяновцами^[12]. Вытеснение финскими пришельцами раннескотоводческих (очевидно индоевропейских по языку) племён объясняется, возможно, тем, что у пришельцев были более гибкие формы хозяйства с использованием земледелия, тогда как раннескотоводческие племена переживали кризис из-за неблагоприятных для скотоводства климатических изменений^[7].

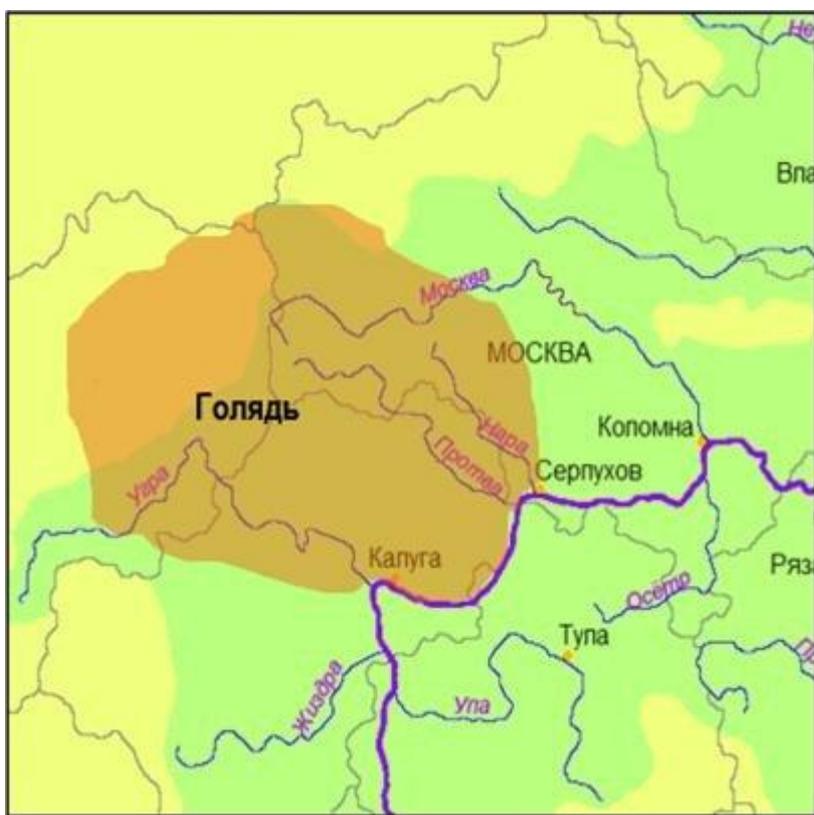
Носителей Дьяковской (или часть этой полиэтнической культуры) ранее отождествляли с иирками древнегреческого историка Геродота (Б. А. Рыбаков). Современные исследователи видят в них, скорее всего, восточный вариант Городецкой культуры.

2. Народы, переселяясь с западной части Балтийского побережья в Северо-Восточную Русь, входили на новых местах своего поселения в этногенез с аборигенами-индоарийцами. В северных частях данной территории в формировании новых народностей участвовали и финно-угры. Они проникали сюда двумя потоками. Древним, который представлял собой северные народы самодийского происхождения: саамов, лопарей, корелов и т.д. Предками данных народов были охотничьи племена, с глубокой древности продвигающиеся по лесной части Евразии из Восточной Сибири на запад. В Европе они наткнулись на аборигенные племена охотников-индоарийцев, поэтому вынуждены были продвигаться в сторону Скандинавии по приполярным областям. Из Финляндии и Корелии данные племена проникали в Прибалтику, где поучаствовали в этногенезе литовцев, латышей и русских. Ещё один финно-угорский поток сформировался в 9 веке нашей эры, когда изгнанные из степей Зауралья мадьярские племена частично осели в лесной зоне Восточной

Европы, проникнув вдоль Волги вплоть до Суздаля. Тем не менее князь государства вятичей Алып в письме к Святославу Игоревичу не упомянул ни одного финно-угорского племени, участвовавшего в формировании вятичей. Из чего можно предположить, что самодийские племена (первая финно-угорская волна) на территорию Центральной России не проникали вообще, а наследники мадьярских племён расселились в основном за пределами территории государства Кучковичей.

Многие из таких новообразованных племён упоминаются в русских источниках. Среди таковых я бы выделил голядь, кривичей, литву, вятичей.

О голяди летописных сведений совсем мало. Первое сообщение в ПВЛ умещается в полстрочки: «В лѣто 6566 (1058). Побѣди Изяславъ голядь»). На голядь ходил в 1147 году и черниговский князь Святослав Ольгович. Территория проживания голяди оказалась в самом центре расселения мурдасов. Судя потому, что в дальнейшем наши летописи уже не выделяют это племя, называя всех проживающих на этих территориях общим термином – вятичи, голядь была ассимилирована мурдасами. Археологически голядь ассоциируется с Мощинской культурой. Данное племя проживало в верховьях реки Протвы, на территории Московской, Смоленской и Калужской областей.

Нет ничего удивительного в том, что современные ученые относят голядь к балтоязычным народам. К этому их побуждает игнорирование того факта, что основу всего населения Северо-Восточной Руси составляли переселившиеся сюда западные славяне. Откуда ученые берут свои утверждения о балтоязычии голяди? Я вынужден вновь повторить это слово. Ниоткуда. Им так хочется верить. Наши летописи не оставили ни письменных свидетельств о принадлежности голяди к тому или иному народу, ни имен собственных, ни топонимов, достоверно принадлежащих им. То есть для вывода о балтоязычии голяди нет совершенно никаких оснований. А вот с чем я согласен, так это с выводами историков и лингвистов о том, что данный этноним генетически связан с этнонимом «галинды», зафиксированным Птолемеем (2 век н. э.). Птолемей помещает галиндов (*Galíndai*) вместе с судинами рядом с устьем Немана (**Рудона** на древних картах, также эта река называлась **Русой**, именно поэтому Ломоносов предполагал, что варяги вышли из Пруссии (Поруссии)).

Единственным научным обоснованием балтской принадлежности галиндов и голяди является общая для этих племён топонимия. Согласен, топонимия у них общая, так как племена эти сформированы одним и тем же народом. Только причём здесь их балтоязычие? Сходная топонимия галиндов и голяди вовсе не подталкивает к выводам о балтоязычии этих двух племён. Скорее даже наоборот, она связывает их с балтийскими славянами. Тем не менее, теория о балтском происхождении голяди и галиндов сегодня является общепринятой. По ней голядь – это

отколовшийся от галиндов осколок, который мигрировал с низовий Немана на реки Протву и Москву.

Только все куски этой теории о переселении балтских племён и о балтоязычии галиндов и голяди шиты белыми нитками.

3. Основными племенами были Вятичи!

Вятичи – одно из крупных славянских племён, обитавшее в бассейне реки Оки и её притоков. Были включены Святославом в состав Киевской Руси, однако до конца 11 в. Практически сохраняли свою политическую независимость. До конца 13 в. Вятичи сохраняли многие языческие обряды и традиции, например, кремация умерших и возведение над местом погребения небольших курганных насыпей. После проникновения в среду вятичей христианства обряд кремации постепенно исчез. Вятичи дольше всех славян сохраняли свое племенное имя. Они жили без князей, у них было самоуправление и народовластие. В последний раз названы летописью по своему племенному имени в 1197 г. Название вятичи произошло от имени родоначальника племени – Вятко.

ВЯТИЧИ, древнерусское племя, жившее в бассейне Оки. Родоначальником вятичей летопись считает легендарного Вятко: “А Вятко еде с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи”. Вятичи занимались земледелием и скотоводством; до X-XI вв. у вятичей сохранялся патриархально-родовой строй, в XI-XIV вв. развивались феодальные отношения. В IX-X вв. вятичи платили дань хазарам, позже — киевским князьям, но до н. XII в. Вятичи упорно отстаивали свою независимость. Кн. Владимир Всеволодович Мономах упоминает свой поход в землю вятичей на их князька Ходоту и его сына в перечне крупнейших военных предприятий. В XI-XII вв. на земле вятичей возник ряд ремесленных городов — Москва, Колтеск, Дедослав, Неринск и др. Во 2-й пол. XII в. Земля вятичей в результате междоусобной борьбы была поделена между суздальскими и черниговскими князьями. В связи с развитием феодальных отношений племенные различия стираются, и в XIV в. Вятичи в летописях больше не упоминаются.

Ранние курганы вятичей, содержащие трупосожжения, известны по верхней Оке и на верхнем Дону. Они содержат по нескольку погребений родичей. Языческий обряд погребения сохранялся до XIV в. От XII-XIV вв. дошли многочисленные небольшие курганы вятичей с труположениями. В мужских погребениях иногда находят орудия труда (нож, топор, скобель); в женских — серпы и часто обильные наборы украшений. Некоторые из них являются племенным признаком вятичей: семилопастные височные кольца, решетчатые перстни и др.

Южнее вятичей жили древляне и поляне, но это уже ближе к берегам Днепра.

4. Москва

"Приди ко мнѣ, брате, въ Москов!"...

"Буди, брате, ко мнѣ на Москву!"

Таково первое и самое достопамятное летописное слово о Москвѣ. Съ тѣмъ словомъ первый же устроитель древне-суздальской земли, Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, посылалъ звать къ себѣ на честный пиръ дорогого своего гостя и союзника, Сѣверскаго князя Святослава Ольговича, того самаго Святослава, сынъ котораго Игорь прославился въ послѣдующее время несчастнымъ походомъ на Половецъ (въ 1185 г.) и воспѣтъ въ знаменитой пѣснѣ о полку Игоревѣ.

Достопамятный зовъ на честный пиръ въ Москву, случайно записанный летописцами въ повѣствованіи о событіяхъ 1147 года, служить въ своихъ выраженіяхъ какъ бы провозвѣстникомъ послѣдующей исторіи, которая послѣ безконечныхъ усобицъ и всяческой земской розни только въ Москвѣ нашла себѣ доброе пристанище для устойчиваго, сосредоточеннаго и могущественнаго развитія Русской народности.

"Приди ко мнѣ въ Москову! Буди ко мнѣ на Москву!"

Въ этихъ немногихъ словахъ какъ бы пророчески обозначилась вся исторія Москвы, истинный смыслъ и существенный характеръ ея исторической заслуги. Москва тѣмъ и стала сильною и опередила другихъ, что постоянно и неуклонно звала къ себѣ разрозненныя Русскія земли на честный пиръ народнаго единства и крѣпкаго государственнаго союза.

Въ то время оба князя, и Юрій, и Святославъ, вели горячую усобицу со своими же родными князьями, Кіевскими Мстиславичами и Черниговскими Давыдовичами, за раздѣлъ волостей, за Кіевскій великокняжескій столъ, особенно за Святославова брата Игоря Ольговича, которому по порядку наслѣдованія доставалось Кіевское старшинство, а этому особенно и противились и Мстиславичи, и Давыдовичи. Оба князя помогали другъ другу и оба не всегда были счастливы въ кровавой борьбѣ.

На этотъ разъ особенно не посчастливилось Святославу Ольговичу. Онъ прибѣжалъ въ Лѣсную Суздальскую землю безпріютнымъ изгнанникомъ, ограбленнымъ и разореннымъ до нитки. Князья родичи, злѣйшіе его враги, изъ конца въ конецъ опустошили его Новгородсѣверскую волость.

Въ Путивлѣ они разграбили собственную его усадьбу, гдѣ запасовъ всякаго товара было столько, что не можно было двигнуть, т.-е. забрать все разомъ на возы. Одного меду въ погребахъ грабители достали 500 берковцевъ, да 80 корчагъ вина, да захватили въ плѣнъ 700 человекъ княжеской дворни и многое множество товару и всякаго имущества. И церковь княжескую, какъ выразился лѣтописецъ, облупили дочиста, пограбили, какъ простую кладовую. Въ стадахъ Святослава и брата его Игоря враги забрали кобылъ стадныхъ 3.000 и 1.000 коней. Напали и на Игореву усадьбное сельцо, гдѣ этотъ нестастный князь, вскорѣ потомъ убитый въ Кіевѣ возмущившимися Кіевлянами, на славу устраивалъ свое хозяйство. Было тамъ готовизны (всякихъ запасовъ) много, въ бретяницахъ и въ погребахъ вина и медовъ, и всякаго тяжелаго товару, и желѣза и мѣди, говоритъ лѣтописецъ. И здѣсь грабители не знали, какъ управиться съ награбленнымъ добромъ, не могли всего вывезти и велѣли потомъ зажечь княжій дворъ, и церковь и княжее гумно, на которомъ оставалось 900 стоговъ жита. Такъ богато бывало хозяйство древнихъ князей и такъ обыкновенно они воевали другъ съ другомъ, распространяя безъ конца свои усобицы и поднимая ненависть и месть на цѣлыя поколѣнія.

Ограбленный и разоренный до конца, Святославъ не зналъ, куда и какъ скрыться отъ нападавшихъ враговъ, и едва успѣлъ захватить съ собой жену и дѣтей. Съ остаткомъ дружины онъ прибѣжалъ къ Суздальской Окѣ на устьѣ Поротвы, куда Юрій выслалъ ему почетную встрѣчу и богатые дары для всѣхъ прибывшихъ съ нимъ, и для семьи его, и для дружины--паволокою и скорою, т.-е. разнообразными дорогими тканями и дорогими мѣхами. Такъ какъ Смоленскіе князья и Новгородъ держали сторону ихъ общихъ враговъ, то Юрій, чтобы не оставаться безъ дѣла, тутъ же рѣшилъ, по послѣднему зимнему пути, Святославу воевать Смоленскую волость вверхъ по Поротвѣ, а самъ ушелъ воевать Новгородскія волости, гдѣ взялъ Новый Торгъ и повоевалъ всю Мсту, самую богатую изъ Новгородскихъ волостей. Святославъ въ то же время дошелъ до верха Поротвы, гдѣ взялъ городъ Людогощъ {Такъ, мы полагаемъ, слѣдуетъ читать это сомнительное слово лѣтописи, гдѣ выраженіе "Взя люди голядь" суть явная описка, ибо слово езя можетъ относиться къ городу или къ волости, но едва ли къ людямъ. Первый издатель Ипатскаго списка Лѣтописи, въ которомъ это слово написано слитно: Людиголядь, отмѣтилъ при этомъ: "Не имя ли города, находившагося въ верховьѣ Поротвы"? П. С. Р. Л. т. II, стр. 29. Въ Никоновскомъ и въ другихъ спискахъ Лѣтописи вмѣсто слова Люди стоитъ: градъ Голеди. У Татищева, II, 299, градъ Голядь. Въ послѣдующее время на верху Поротвы существовалъ Вышгородъ, который въ древнее время могъ именоваться Людогощемъ или Людогощью. Въ древнемъ Новгородѣ одна удица прозывалась Людгоща и сокращенно Люгоща и Легоща. Древнія названія поселковъ съ обозначеніемъ гощенія, то-есть гостыбы-торга, встрѣчаются нерѣдко. Таковы, напр.: Домо-гощъ, Видо-гощъ, Вель-гощъ, Диво-гощъ, Иро-гощъ, Утро-гощъ, Угоща, Чадо-гоща и др. Если чтеніе Людогощъ окажется правильнымъ, то всѣ толки объ особомъ племени Голядовъ на верху Поротвы будутъ излишни тѣмъ болѣе, что древняя Прусская область Голиндовъ слишкомъ далека отъ нашихъ мѣстъ. Она существовала поблизости Балтійскаго моря. Въ нее, быть можетъ, ходилъ в. к. *Изяславъ* въ 1058 г., когда онъ побѣди Голяди, Голядь, Голяды. Лавр. 70.}, захватывая по пути множество плѣнныхъ.

Достаточно было одного мѣсяца, и союзники натворили не мало бѣдъ мирному населенію упомянутыхъ волостей въ месть за то самое, что ихъ враги точно также безъ всякой пощады

опустошили волости Святославова княжества. Такова была обычная внутренняя политика разрозненной древней Руси: князья ссорились и дрались, а неповинный народ должен был отвечать за их ссоры и драки своим разорением.

Возвращаясь с богатою добычею из Нового Торга домой, в Суздаль, Юрий шел через Волок Ламской, откуда, вероятно, и посылал звать доброго союзника в Москву, на первый Суздальский стан, в свою княжескую усадьбу.

Святослав приехал в малой дружинѣ и с дѣтями своимъ, малюткою Олегомъ, который посланъ былъ впередъ и когда явился къ Юрию, то на радостяхъ приѣзда получилъ в даръ пардусъ, вероятно, пестрый красивый мехъ барса, употреблявшійся в походахъ в видѣ полости или ковра {Карамзинъ пишетъ, что Олегъ подарилъ Юрию рѣдкаго красотою парда. Такъ можно понять изъ словъ Ипатской Лѣтописи, рассказывающей это обстоятельство не совсемъ опредѣленно. Воскресенскіи списокъ той же Лѣтописи опредѣленно выражается, что - "да ему (Олегу) Юри пардусъ" }.

Это было 4 апрѣля 1147 г., в пятницу на пятой недѣлѣ Великаго поста, наканунѣ праздника Похвалы Богородицы. Князья радостно встрѣтились, любезно цѣловались и были веселы, "и тако возвеселишася вкупѣ". На утро Юрий повелѣлъ устроить обѣдъ силенъ и сотворилъ честь великую дорогимъ гостямъ, одарилъ ихъ всѣхъ, и князей, и дружину, многими дарами. Тутъ же по всему вероятно дитя Олегъ былъ сосватанъ отцами на дочери Юрия, такой же малюткѣ, и былъ обвѣнчанъ с нею спустя три года, в 1150 году.

Сильный обѣдъ, пиръ великій, долженъ свидѣтельствовать, что Москва уже в это время представляла такое поселеніе, которое в избыткѣ могло доставить всѣ хозяйственныя удобства для княжескаго пиროванья. Какъ видно, это было княжеское хозяйственное село, составлявшее личную собственность князя, его вотчину, а потому можемъ с большою вероятностью предполагать, что княжеское хозяйство этой первичной Москвы было столько же обширно и богато, какъ оно бывало богато и полно и у другихъ владѣющихъ князей в такихъ же ихъ собственныхъ селахъ. Мы упомянули о хозяйственныхъ городскихъ и сельскихъ запасахъ Святослава Ольговича и его брата Игоря, именно объ Игоревомъ разграбленномъ сельцѣ. Нельзя сомнѣваться, что такимъ же княжескимъ вотчиннымъ сельцомъ была Юрьева Москва, в которую онъ звалъ Святослава словами: "Приди ко мнѣ в Москову", ясно тѣмъ обозначая, что Москва была его собственнымъ хозяйственнымъ селомъ, исполненнымъ всѣми надобными запасами.

В действительности Московская мѣстность представляла в первое время много сельскихъ удобствъ для основанія широкаго сельскаго хозяйства. Такъ называемый Великій Лугъ Замоскворѣчья, лежавшій противъ Кремлевской горы, доставлялъ обширное пастбище для скота и особенно для княжескихъ конскихъ табуновъ. Окружные луга, поля и всполя с пересѣкавшими ихъ рѣчками и ручьями служили славными угодами для хлѣбопашества, огородничества и садоводства, не говоря о тучныхъ сѣнокосахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прилегавшее къ Кремлевской горѣ Кучково поле было покрыто пашнями.

Итакъ, княжеская Исторія Москвы начинается отъ перваго упоминанія о ней лѣтописи в 1147 году. Но Московскій и именно Кремлевскій поселокъ существовалъ гораздо прежде появленія в этихъ мѣстахъ княжескаго Рюрикова племени.

Глубокая древность здѣшняго поселенья утверждается больше всего случайно открытыми в 1847 году, при постройкѣ зданія Оружейной Полаты и неподалеку отъ первой по древности в Москвѣ церкви Рождества Іоанна Предтечи, теперь не существующей, нѣсколькими памятниками языческаго времени. Это двѣ большія серебряныя шейныя гривны или обручи, свитые в веревку, и двѣ серебряныя серьги-рясы, какія обыкновенно находятъ в древнихъ курганахъ.

Другой поселокъ, столь же древній, находился за Неглинною на мѣстѣ новаго храма Спасителя, гдѣ былъ прежде Алексѣевскій монастырь, тоже на береговой горѣ и при устьѣ потока Черторыя. На этой мѣстности при рытьѣ земли для фундаментовъ новаго храма в числѣ другихъ предметовъ найдены два серебряныхъ арабскихъ диргема, одинъ 862 г., битый в городѣ Мервѣ,

другой 866 г. {Савельевъ: Мухамеданская нумизматика. Спб., 1847 г., стр. 162.--Ж. М. Н. II. 1847, мартъ, стр. 267.}.

Эти находки должны относиться, по всему вѣроятію, къ концу 9 или къ началу 10-го столѣтія. Кромѣ того, шейныя гривны и серьги по достоинству металла и по своей величинѣ и массивности выходятъ изъ ряда всѣхъ такихъ же предметовъ, какіе доселѣ были открыты въ курганахъ Московской области, что можетъ указывать на особое богатство и знатность древнихъ обитателей Кремлевской береговой горы.

При этомъ должно замѣтить, что форма упомянутыхъ серегъ-рясь о семи лепесткахъ составляетъ отличительный признакъ древняго женскаго убора, находимаго только въ Московской сторонѣ чуть не въ каждомъ курганѣ и очень рѣдко въ другихъ болѣе отдаленныхъ отъ Москвы мѣстностяхъ, такъ что по этимъ серьгамъ мало-по-малу можно выслѣдить границы собственно примосковнаго древняго населенія, имѣвшаго, какъ видно, особый типъ въ уборѣ, указывающій на особенность культуры этого племени.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ памятникамъ курганной эпохи, мы получаемъ достовѣрнѣйшее свидѣтельство не только о тысячелѣтней древности Кремлевскаго поселка, но и о бытовыхъ особенностяхъ окружавшаго его населенія.

Однако такихъ древнѣйшихъ поселковъ, подобныхъ Кремлевскому, въ видѣ городищъ, разсѣяно по Русской землѣ и даже въ Московской сторонѣ великое множество. Всѣ они исчезли и составляютъ теперь только предметъ для археологическихъ изысканій.

Торговые пути къ началу XIII столѣтія направлениемъ Итальянской (Генуэзской) торговли стали переходить съ устья Днѣпра къ устью Дона, изъ древняго Корсуна въ новую Тану, въ мѣстности древняго Танаида, вслѣдствіе чего и княжескія, и татарскія разоренія были столько губительны для упадавшаго города, у котораго уже не оставалось силъ возродиться въ прежней славѣ. Но это же самое перенесеніе торговыхъ путей къ устью Дона въ значительной степени способствовало возвышенію и обогащенію Москвы, какъ средоточія торговыхъ путей внутри Русской страны отъ Запада на Востокъ, почему и самыя безпощадныя разоренія и опустошенія Москвы не въ силахъ были истребить возникавшее гнѣздо великаго Государства: оно тотчасъ же устраивалось и укрѣплялось въ новой силѣ и славѣ, помощью неразрывныхъ торговыхъ и промысловыхъ связей и сношеній.}

Но если эти потребности остаются попрежнему дѣятельными и живыми, то ихъ узель-городъ, несмотря на жестокія историческія случайности, остается тоже всегда живымъ и дѣятельнымъ. Разрушать, сожгутъ, истребятъ его, сотрутъ съ лица земли,--онъ мало-по-малу зарождается снова и опять живетъ и еще въ большей красотѣ и славѣ. Истребятъ его на одномъ мѣстѣ, онъ переноситъ свою жизнь на другое, но все въ тѣхъ же окрестностяхъ, гдѣ двигается создавшій его промыслъ и торгъ.

Городъ, такимъ образомъ, и своимъ зарожденіемъ, и своимъ богатствомъ, и процвѣтаніемъ всегда является только выразителемъ проходящихъ въ этой мѣстности торговыхъ и промысловыхъ народныхъ сношеній и связей, и само собой разумѣется, что бойкій перекрестокъ такихъ связей и сношеній особенно способствуетъ возникновенію даже не одного, но многихъ городовъ.

Прошло два тысячелѣтія, древніе города и цѣлыя государства исчезли, а между тѣмъ потребности торга и промысла въ этихъ мѣстахъ остаются въ своей силѣ, и вотъ причина, почему если не прямо на развалинахъ, то поблизости, здѣсь же, создавались новые города. Вмѣсто древнѣйшаго греческаго Танаида въ устьяхъ Дона теперь здравствуетъ Ростовъ-на-Дону, всего въ 12-ти верстахъ отъ прежняго; вмѣсто древнѣйшей Пантикапеи на ея же развалинахъ существуетъ Керчь; вмѣсто древнѣйшей Ольвіи въ устьяхъ Буга и Днѣпра и существовавшаго послѣ нея византійскаго Херсониса-Корсуна (у Севастополя) теперь является ихъ наслѣдницею Одесса, да, вѣроятно, такими же наслѣдниками явятся и Николаевъ, и Севастополь, и Феодосія (Кафа).

Смоленскіе Кривичи, такимъ образомъ, являются сильными промышленниками того времени, что вполне подтверждается и многочисленными находками различныхъ вещей въ ихъ курганахъ, наприм., поблизости самага Смоленска, гдѣ при селѣ Гнѣздовѣ (12 верстъ отъ города) найдены не

только предметы. такъ называемаго Скандинавскаго стиля, но и цареградская, если не сассанидская, поливная чашка, которую можно видѣть въ одной изъ витринъ 4 залы Историческаго Музея, въ своемъ родѣ единственный памятникъ, при чемъ были найдены и арабскіе диргемы X-го вѣка.

Болгарская ярмарка, а теперь Нижегородская, находившаяся, какъ мы упомянули, въ тамошнемъ главномъ городѣ, называемомъ Болгарь, привлекала къ себѣ не однихъ Кривичей, но и все населеніе Балтійскаго побережья и Славянское, и Литовское, и Скандинавское. Дороги оттуда пролегали по Нѣману и Виліѣ, съ переволокомъ въ Березину, и по Западной Двинѣ и сосредоточивались у Кривичей въ Смоленскѣ. Отсюда по Днѣпру шель торговый путь къ Корсуно и Царьграду, возродившій на своемъ мѣстѣ городъ Кіевъ; отсюда же торговый путь направлялся и къ Болгарской ярмаркѣ къ устью Камы {Подробнѣе о тѣхъ путяхъ см. нашу Исторію Русской Жизни, II, 34, 53.}.

Изъ Смоленска къ этому Болгару можно было идти и по Окѣ, спустившись рѣкою Угрою, и по Волгѣ, спустившись рѣкою Вазузою. Но это были пути не прямые, очень обходистые, и притомъ, особенно по Окѣ, очень дикіе, потому что нижнее теченіе Оки было заселено мордовскими племенами, Мещерою и Муромою.

Отъ Смоленска прямо на востокъ къ Болгару существовала болѣе прямая и въ то время, быть можетъ, болѣе безопасная дорога, именно по Москвѣ-рѣкѣ, а потомъ черезъ Переволокъ по Клязьмѣ, протекающей прямо на востокъ по самой срединѣ Суздальской страны. По этому пути въ Суздаль и Ростовъ изъ Кіева хаживали князья въ XII ст., напр., Андрей Боголюбскій, когда переселялся совсѣмъ на житѣе во Владиміръ, а изъ Чернигова и не было другой дороги въ эти города, какъ черезъ Москву.

Надо перенестись мыслью за тысячу лѣтъ до нашего времени, чтобы понять способы тогдашняго сообщенія. Вся Суздальская или по теперешнему имени Московская сторона такъ прямо и прозывалась Лѣсною землею, глухимъ Лѣсомъ, въ которомъ однѣ рѣки и даже рѣчки только и доставляли возможность пробраться куда было надобно, не столько въ полныя весеннія воды или лѣтомъ, но особенно зимою, когда воды ставились и представляли для обитателей лучшую дорогу по льду, чѣмъ даже наши шоссеыя дороги, когда, несомнѣнно, по тѣмъ же причинамъ, еще по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, и начиналось изъ Кіева особое торговое движеніе во всей нашей равнинѣ {См. нашу Исторію Русской Жизни, II, гл. VII.}.

По сухому пути и лѣтомъ прокладывались дороги, теребились пути, какъ выражаются лѣтописи, т.-е. прорубались лѣса, по болотамъ устраивались гати, мостились мосты, но въ непроходимыхъ лѣсахъ и въ лѣтнее время цѣлыя рати заблуждались и, идя другъ противъ друга, расходились въ разныхъ направленіяхъ и не могли встрѣтиться. Такъ именно случилось однажды въ началѣ іюня между Москвою и Владиміромъ во время княжеской усобицы въ 1176 г. Князь Михалко Юрьевичъ съ Москвы шель съ полкомъ къ Владиміру, а Ярополкъ, его соперникъ, такимъ же путемъ ѣхалъ на Москву и "Божіимъ промысломъ минустаня въ лѣсѣхъ", отмѣчаетъ лѣтописецъ, сердечно радуясь этому обстоятельству что не случилось кровопролитія.

Зато зимою въ темномъ лѣсу безъ всякихъ изготовленныхъ дорогъ легко и свободно можно было пробираться по ледяному рѣчному руслу, по которому путь проходилъ, хотя и большими извивами и перевертами, но всегда неотмѣнно приводилъ къ надобной цѣли. Очень многія и большія войны, особенно съ Новгородомъ, происходили этимъ зимнимъ путемъ и вдобавокъ, если путь лежалъ вверхъ рѣкѣ, почти всегда по послѣднему зимнему пути, съ тѣмъ намѣреніемъ, что съ весеннею полою водою можно было на лодкахъ легко спуститься къ домамъ.

Какъ мы сказали, древнѣйшій и прямой путь отъ Смоленска или собственно отъ вершинъ Днѣпра къ Болгарской ярмаркѣ пролегалъ сначала долиною Москвы-рѣки, а потомъ долиною Клязьмы, которыхъ потоки направлялись почти въ прямой линіи на востокъ. Изъ Смоленска ходили вверхъ по Днѣпру до теперешняго селенія Волочекъ, откуда уже шло сухопутье--волокомъ верстѣ на 60 до верховъ Москвы-рѣки. Такъ путешествовалъ Андрей Боголюбскій (Сказ. о чудесахъ Владим. иконы Богоматери). Но болѣе древній путь могъ проходить изъ Смоленскаго Днѣпра рѣкою Устрою, переволокомъ у города Ельни въ Угру, потомъ изъ Угры вверхъ рѣкою Ворею, вершина

которой очень близко подходит къ вершинѣ Москвы-рѣки, даже соединяется съ нею озеромъ и небольшою рѣчкою. Затѣмъ дорога шла внизъ по Москвѣ-рѣкѣ, начинающейся вблизи города Гжатска и текущей извилинами, какъ упомянуто, прямо на востокъ. Приближался къ теперешней Москвѣ-городу, рѣка дѣлаетъ очень крутую извилину на сѣверъ, какъ бы устремляясь подняться поближе къ самому верховью Клязьмы, именно у впаденія въ Москву-рѣку рѣки Восходни, гдѣ теперь находятся село Спасъ и знаменитое Тушино, столица Тушинскаго вора. Изъ самой Москвы-города рѣка направляется уже къ юго-востоку, все болѣе и болѣе удаляясь отъ потока Клязьмы. Такимъ образомъ Московская мѣстность, какъ ближайшая къ потоку Клязьмы, являлась неизбѣжнымъ переволокомъ къ Клязьминской дорогѣ. Этотъ переволокъ, съ западной стороны отъ города, въ дѣйствительности существовалъ вверхъ по рѣкѣ Восходнѣ, несомнѣнно такъ прозванной по путевому восхожденію по ней въ долину Клязьмы и притомъ, какъ упомянуто, почти къ самой вершинѣ этой рѣки {*Н. П. Барсовъ* въ своихъ Очеркахъ Русской Исторической Географии отмѣтилъ уже вѣроятность такого сообщенія, упомянувъ, что "въ область Клязьмы отъ Москвы-рѣки шли пути вѣроятно по р. Сходнѣ и по Яузѣ" (стр. 30). Вѣроятность такихъ сообщеній во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сближаются рѣки и рѣчки, особенно въ ихъ верховьяхъ, сама собою раскрывается, какъ скоро будемъ слѣдить это по гидрографической картѣ, и надо замѣтить, что такая предположительная вѣроятность почти вездѣ оправдывается самымъ дѣломъ, т.-е. указаніями памятниковъ на существовавшее сообщеніе или письменныхъ, а еще болѣе наземныхъ, каковы, напримѣръ, городища и курганы--явные свидѣтели древней населенности мѣста.}.

Всходнею, повидимому, именовалась мѣстность, составляющая обширный поемный лугъ Москвы-рѣки, версты на полторы въ квадратѣ, вверхъ по теченію, съ отлогимъ, постепенно возвышающимся берегомъ, который подъ деревнею Пенягиною раздѣленъ доломъ и ближе къ стоявшей церкви, подъ ея горою, прорѣзанъ глубокимъ оврагомъ и рѣчкою Борушихою. По этому долу, который впадаетъ въ цѣлую систему далѣе идущихъ доловъ, возможно было восходить къ руслу Восходни, минуя ея устье, отстоящее отъ Пенягинскаго дола болѣе чѣмъ на три версты, и сокращая путь по извилистому руслу рѣки еще верстъ на семь. Здѣсь-то собственно по всему вѣроятію и находилась Восходня, то-есть мѣсто, съ котораго начинался Восходъ, Восходъ по рѣкѣ Восходнѣ, дабы прямѣе достигнуть потока Клязьмы. Эти всходные долы, сокращая значительно рѣчной путь, приводили въ мѣстность теперешняго села Братцева, откуда уже дорога шла по руслу рѣки вверхъ до перевала у села Черкизова на Петербургскомъ шоссе, гдѣ вблизи теперь существуетъ полустанокъ желѣзной дороги Сходня. Около этой Восходни, на высотахъ берега Москвы-рѣки и упомянутаго ручья Борушихи, расположено нѣсколько группъ древнихъ кургановъ, которыхъ въ одномъ мѣстѣ на той же высотѣ, гдѣ стоялъ монастырь Восходня, въ полуверстѣ противъ него, насчитывается до 40, что вообще указываетъ на значительное поселеніе, когда-то здѣсь существовавшее, быть можетъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии основался монастырь Спаса. Восходный поемный лугъ Москвы-рѣки ограничивается еще выше по ея теченію рѣчкою Банею, которая на этомъ же лугу и впадаетъ въ Москву-рѣку. Здѣсь также по рѣкѣ, по ручьямъ и доламъ могли существовать особые всходы къ руслу Восходни, а потому и здѣсь встрѣчается немало древнихъ кургановъ, особенно при впаденіи въ Баню широкаго Русинскаго оврага у старой Волоколамской дороги.

Имя рѣки Яузы въ древнемъ топографическомъ языкѣ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ означать то же, что означаютъ имена Вязьма, Вязема, Вяземка, Вазуза, Вязь, Уза, т.-е. вообще вязь или связь, со-юзъ одной мѣстности съ другою, или вѣрнѣе одного пути съ другимъ, хотя бы и по очень узкому потоку, какой на самомъ дѣлѣ представляетъ потокъ Яузы.

Такъ рѣка, а по ней и городъ Вязьма Смоленская, текущая отъ верхней Угры въ верхній Днѣпръ, связывала путь изъ Днѣпра въ долину Оки посредствомъ Угры. Вблизи этой Вязьмы къ сѣверу течетъ и Вазуза, связывавшая вершину Днѣпра съ Волгою. Въ свой чередъ та же Вазуза связывала съ Волгою и пути Московской стороны. Въ нее впадаетъ рѣка Гжать, въ которую отъ

сѣвера течеть рѣка Яуза, соединяющая пути съ вершинами Москвы-рѣки и рѣки Рузы. Другая Яуза въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губ., течеть отъ востока въ рѣку Ламу, а отъ ея истоковъ къ западу течеть третья Яуза, впадающая въ 7 верстахъ отъ города Клина къ сѣверу въ рѣку Сестру, Волжскій притокъ, гдѣ былъ проектированъ каналъ для соединенія Волги съ Москвою-рѣкою посредствомъ соединенія рр. Сестры и Истры. Эти послѣднія двѣ Яузы имѣють теченіе одна на западъ, другая на востокъ на одной широтѣ градуса.

Такимъ образомъ, всѣ эти и подобныя имена, а въ томъ числѣ и имя Яузы обозначали связь древнихъ путей. Надо замѣтить, что именно рѣки Яузы за 1000 лѣтъ тому находились въ глухихъ, непроходимыхъ болотахъ и лѣсахъ, остатки которыхъ и доселѣ еще совсѣмъ не истреблены и покрываютъ Клинскій уѣздъ въ значительной силѣ. Рѣчной потокъ въ непроходимомъ лѣсу самъ собою долженъ былъ представлять своего рода узилище, узкій, тѣсный проходъ, отъ чего имя Яуза могло обозначать также и узину пути, при чемъ первая буква составляла только приставку, дававшую извѣстный, но намъ пока невѣдомый смыслъ слову Уза. Простое имя Уза, Узкая, также нерѣдко встрѣчается въ топографическомъ языкѣ {См. у Ходаковского, Русскій Историческій Сборникъ, т. VII, стр. 325.}.

По Яузѣ, по восточной дорогѣ отъ Москвы, поднимались или опять также восходили вверхъ по теченію этой рѣки глухимъ лѣсомъ (Сокольники, Лосинный Островъ) до села Танинскаго и далѣе до самой вершины Яузы, затѣмъ слѣдоваль переволокъ у теперешняго села Большихъ Мытищъ на село Большево и древнее Городище, находящееся уже на Клязьмѣ. Или по другому направленію отъ вершины Яузы по болотамъ Лосиннаго Острова, которыя и теперь даютъ превосходную воду всей Москвѣ, а за 1000 лѣтъ назадъ могли заключать въ себѣ цѣлое значительное озеро, еще болѣе способное для пути. Здѣсь у переволока въ свое время явились также свои Мытищи, которыя въ XV стол. прямо и называются Яузскимъ Мытищемъ въ значеніи цѣлаго округа мѣстности {Грамоты XIV и XV вв. изсл. Д. Мейчика, 113.}. Множественное Мытищи можетъ указывать на два упомянутыя направленія дороги къ Клязьмѣ. Въ Татарскую эпоху здѣсь явились и Баскаки, какъ именовалось одно здѣшнее уже несуществующее селеніе на той сторонѣ Клязьмы. Присутствіе Баскаковъ еще болѣе удостовѣряетъ о промысловой значительности этого мѣста. Возникновеніе этого Яузскаго пути можно относить къ глубокой древности. Должно предполагать, что когда еще не было города-- первое здѣшнее поселеніе гнѣздилося около устья Яузы, гдѣ луговая мѣстность (занятая нынѣ Воспитательнымъ домомъ) еще въ XV стол. именуется Пристанищемъ {Собр. Госуд. Грамотъ I, 190.}, а по ту сторону Яузы на горахъ упоминается существовавшее гдѣ-то Городище {Акты Археогр. Экспед. I, 87.}. На этой сторонѣ рѣки береговая высота, господствующая надъ луговиною и доселѣ носить имя Гостиной горы (Никола Воробино), служившей, быть можетъ, поселеніемъ для торговыхъ пріѣзжихъ гостей. Впослѣдствіи, когда образовалось Суздальское княжество и его сношенія и связи съ Кіевомъ и Черниговомъ стали усложняться, особенно при Суздальскомъ в. князѣ Юріи Долгорукомъ, эта мѣстность получила, кромѣ торговаго, и политическое, то-есть, въ сущности, стратегическое значеніе, какъ первая открытая дверь въ Суздальскую область, которую необходимо было укрѣпить для всякой опасности въ междукняжескихъ отношеніяхъ.

Вотъ почему существовавшая здѣсь, вблизи упомянутаго Пристанища, на Кремлевской горѣ, Княжеская усадьба подъ именемъ Москвы или Кучкова, вскорѣ устроивается городомъ, который былъ срубленъ въ 1156 году, именно въ то время, когда на Клязьмѣ основалось Андреемъ Боголюбскимъ новое княжество Владимірское.

Для новаго княжества такой городокъ былъ необходимъ: онъ служилъ сторожевою защитою со стороны входа въ Суздальскую область, и отъ Смоленска, и отъ Новгорода, и отъ Сѣверскихъ, а слѣд. и отъ Кіевскихъ, и отъ Рязанскихъ князей. Москва, такимъ образомъ, въ качествѣ города является крѣпкими воротами Владимірскаго княжества на самой проѣзжей дорогѣ. Какъ княжескій городъ она прямая дочь Владиміра, какъ и Владиміръ былъ прямой сынъ Суздаля и внукъ Великаго Ростова. Таково было историческое родство и преемство этихъ городовъ, оставившихъ впослѣдствіи все свое богатое историческое наслѣдство одной Москвѣ.

Начало и судьбы Города Москвы принадлежать уже истории летописной. Мы в этом изыскании о первом ее поселении или о первом ее селѣ пытались только собрать указания, гдѣ в действительности возрождалось это поселение в незапамятные для истории времена. Какъ видѣли, оно гнѣздилося на перекрестномъ очень бойкомъ пути всѣхъ внутреннихъ, такъ сказать, срединныхъ сношеній древняго Зальскаго населенія Русской Земли,--у перевала изъ рѣчной долины Москвы-рѣки въ рѣчную же долину рѣки Клязьмы, вблизи двухъ небольшихъ рѣкъ: Восходни, нынѣ именуемой Сходнею, и Яузы, вершины которыхъ достигали этого перевала и потому служили самою удобною дорогою въ лѣсныхъ непроходимыхъ дебряхъ, съ одной стороны отъ Западныхъ торговыхъ путей, съ другой--отъ торговаго Юга. Политическія причины уже летописной междукняжеской истории указали мѣсто теперешнему городу Москвѣ у воротъ не отъ Запада, у древней Восходни, а отъ Юга къ упомянутому перевалу, вблизи устья Яузы. Отъ этого Юга берега Москвы рѣки, въ дальномъ и близкомъ отъ нихъ разстояніи, точно такъ же, какъ и у Восходни, были сравнительно густо населены, на что указываютъ многочисленные курганы, разбѣянные въ мѣстностяхъ сель Царицына, Борисова, Братѣева, Сабурова, Котлы и др.

5. СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ МОСКВЫ-ГОРОДА.

Когда и какъ исперва произошло начало Москвы, когда и какъ она зародилась на своемъ мѣстѣ, объ этомъ книжные люди стали гадать и разсуждать только съ той поры, когда Москва явилась сильною и славною, царствующимъ великимъ городомъ, крѣпкимъ и могущественнымъ государствомъ, когда у книжныхъ людей, изъ сознанія этого могущества, сами собою стали возникать вопросы и запросы, какъ это случилось, что Москва-городъ стала царствомъ--государствомъ?

Наши московскія доморощенные гаданія о происхожденіи города Москвы ограничивались очень скромными домыслами и простыми здравыми соображеніями, согласно указаніямъ летописи, существенная черта которой описание лѣтъ всегда служила образцомъ и для составленія произвольныхъ полусказочныхъ вставокъ. Такъ самое скромное домышленіе присвоило основаніе города Москвы древнему Олегу, несомнѣнно, руководясь летописнымъ свидѣтельствомъ, что Олегъ, устроившись въ Кіевѣ, нача города ставити и устави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери. Если Олегъ уставлялъ дани Мерянамъ и города сооружалъ, то въ области Мери (Ростовъ, Суздаль) онъ долженъ былъ изъ Кіева проходить мимо Москвы и очень немудрено, что могъ на такомъ выгодномъ для селитьбы мѣстѣ выстроить небольшой городокъ, если такой городокъ не существовалъ еще и до времени Олега. И вотъ въ позднѣйшихъ летописныхъ записяхъ появляется вставка: "Олегъ же нача грады ставити многіе и прииде на рѣку глаголемую Москву, въ нея же прилежать рѣки Неглинная и Яуза, и постави градъ не малъ и прозва его Москва и посади на княженіе сродниковъ своихъ".

Впрочемъ, съ такимъ же вѣроятіемъ можно было постройку города Москвы присвоить и Святославу, который ходилъ на Оку и на Волгу и затѣмъ побѣдилъ Вятичей, жившихъ на Окѣ; но о Святославѣ начальный летописецъ не сказывалъ, что онъ города ставилъ. Объ Олегѣ же догадка вполнѣдствіи пополнилась новымъ свидѣтельствомъ, что древній князь, построивъ Москву, посадилъ въ ней княжить своего сродника, князя Юрія Владиміровича. Здѣсь выразилась еще неученая деревенская простота въ составленіи догадокъ, далекихъ еще отъ явнаго вымысла. Она не въ силахъ была удалиться отъ летописной правды и позволила себѣ только нарушить эту правду невѣрнымъ, но весьма существеннымъ показаніемъ о князѣ Юрьѣ, все-таки прямою основателѣ города Москвы. Въ народной памяти хронологія отсутствуетъ.

Но вскорѣ къ деревенской простотѣ собственно Московскихъ гаданій пришла на помощь Кіевская, то-есть въ сущности Польская историческая ученость въ лицѣ Θεодосія Софоновича, составившаго въ 1672 г. цѣлую "Хронику зъ Лѣтописцевъ стародавнихъ, зъ Нестора Печерскаго и иныхъ, также зъ хроникъ Польскихъ о Русіи, отколь Русь ночалася", а вмѣстѣ съ тѣмъ и особую статью "Отколь Москва взяла свое названіе". Потомъ въ лицѣ Иннокентія Гизеля, повидимому, сократившаго это сочиненіе въ своемъ знаменитомъ Синописѣ или "Краткомъ (собраніи) описаніи о началѣ Словенскаго народа" съ нѣкоторыми своими прибавками въ томъ же родѣ {Словарь

Писателей Духовнаго чина. М. 1827, т. I, 199, т. II, 288.}; затѣмъ и въ лицѣ дьякона Холопьяго на Мологѣ монастыря, Тимоѳея Каменевича-Рвовскаго 1684--1699 гг., который хотя и былъ Москвичемъ, но по прозванію, несомнѣнно, принадлежалъ къ ученымъ Кіева; который поэтому въ сочинительствѣ, какъ и когда произошли Словены и Руссы, превзошелъ своихъ ученыхъ братьѣ богатствомъ фантазіи и необыкновенною смѣлостью вымысла. Конечно, его трудъ былъ только сборникомъ тѣхъ литературныхъ измышлений, какія въ то время появлялись въ Кіевскихъ школахъ по указанію и подъ вліяніемъ Польской учености.

А эта ученость, разыскивая и объясняя, откуда взялась Москва-народъ, очень усердно и съ обширною начитанностью (у Стрыйковскаго) толковала, еще съ конца XVI ст., что "Мосохъ или Мезехъ, шестой сынъ Іафетовъ, внукъ Ноевъ, есть отецъ и прародитель всѣхъ народовъ Московскихъ, Россійскихъ, Польскихъ, Волынскихъ, Чешскихъ, Мазовецкихъ, Болгарскихъ, Сербскихъ, Карватскихъ, и всѣхъ, елико есть Славенскій языкъ; что у Моисея Мосохъ, Московскихъ народовъ праотець, знаменуется (упоминается) такожде и у Іосифа Флавія въ Древностяхъ; что ни отъ рѣки, ни отъ града Москвы Москва именованіе получила, но рѣка и градъ отъ народа Московскаго имя воспріяли; что имя сіе: Мосохъ, Мокусъ, Моска, Моски, Москорумъ, Московитарумъ, Модокорумъ и проч. всѣ древніе историки, Еврейскіе, Халдейскіе, Греческіе и Латинскіе и новѣйшіе Мосоха, Москвы праотца и областей того имени, во многихъ мѣстахъ непрестанно и явно поминаютъ; что третій братъ Леха и Чеха, Русь, истинный наслѣдникъ Мосоховъ отъ Іафета, великія и пространныя полуночныя и восточныя и къ полудню страны размножилъ и населилъ народами Русскими..." и такъ далѣе.

"И тогда же той Мосохъ князь Іафетовичъ сотворилъ убо себѣ и всему роду своему, иже суть съ нимъ пришедшему, первобытную селитву свою и основаніе начальное жительства своего, -- патріархъ бо онъ бывъ первый той и отецъ нашъ, князь великій Мосохъ Іафетовичъ, и господарь всѣмъ намъ.

"Начать же селиться на семь предъизбранномъ и предлюбезномъ его и пренадвысочайшемъ и всепрекрасномъ мѣстѣ своемъ Московскомъ, надъ двѣма рѣкама, на немъ же и нынѣ есть мѣстѣ всепреславномъ, святой и предцарствующій и славою предъименитою предъвозсіятельствующій и предпреименованный всепревеликій градъ Москва по имени рѣки тоя Москвы, подъ нимъ сушія и текушія, стоитъ. Сію же рѣку тогда сушую безымениту бывшую отъ исперва, онъ Мосохъ князь, во пришествіи своемъ къ ней и поселеніи прекрасномъ и излюбленномъ, преименовалъ ю Мосохъ князь по имени своему, самага себя и жены своея княгини прекрасныя и предлюбезныя, нарицаемыя Квы. И тако по сложенію общекупному именъ ихъ, князя нашего Моса и княгини его Квы красныя преднаречеса тогда рѣка та до нихъ самихъ изначала безыменитая предбывшая, Москва рѣка прозваніемъ ихъ и отъ тогда, даже убо и до днесъ тако зовома она есть. Вторую же меншую рѣку, впадшую и текущую въ ту же въ Москву рѣку, преименовалъ ю Мосохъ вмѣсто чадородій своихъ честныхъ, сына своего первороднаго, именуемаго сице Я, именовемъ и прозваніемъ своимъ такъ зовома Я, тогда же съ нимъ предприбывшаго, и во имя дочери своея Вузы прекрасныя и прелюбезныя, тако предзовома, съ нимъ же тогда предприбывшія. И тако же назва ю, рѣку ту безыменитую вторымъ прозваніемъ, и тѣхъ же дѣтей своихъ общекупнымъ ихъ именованіемъ Явуза рѣка. И та рѣка Явуза, даже и до нынѣ такожде звашеса.

"И созда же тогда Мосохъ князь и градецъ себѣ малый надъ предвысоцѣй горѣ той, надъ устіи Явузы рѣки, на мѣстѣ ономъ первопробытномъ своемъ имено Московскомъ, идѣже и днесъ стоитъ на горѣ оной церковь каменная святаго и великаго мученика Никиты, бѣсовъ мучителя и отъ вѣрныхъ чловѣковъ тѣхъ прогонителя, иже которіи отъ оныхъ зло страдаютъ и имя мученика святое призываютъ съ вѣрою...

"Сей же Мосохъ князь Московскій бысть и началородный намъ и первый отецъ не токмо же Скиѳо-Москво-Славено-Россійскимъ людемъ, но и всѣмъ нашимъ своероднымъ государствамъ премногимъ и народамъ и землямъ и племенамъ и колѣнамъ Скиѳскимъ..."

Разыскивалъ о происхожденіи имени Москвы и ученѣйшій академикъ нѣмецъ Байеръ. Не зная русскаго языка, онъ толковалъ, что имя Москвы происходитъ отъ мужского монастыря -- Moscoi

отъ Mus (мужь) и Music (мужикъ) (Кар. II, пр. 301). Кромѣ того, Татищевъ утверждалъ, что "имя Москва есть Сарматское, значить крутящаяся или искривленная, отъ того, что течениемъ весьма излучины дѣлаеть, да и внутрь Москвы ихъ не скудно" (Исторіи Россійской кн. 2, стр. 478).

Приведенныя наивныя сказки о Мосохѣ, составляющія полную характеристику Кіевской исторической учености, были приняты Москвичами съ тѣмъ довѣріемъ, какое внушала имъ эта почтенная ученость и въ особенности ея печатная книга (Синописи), почему и были внесены въ разные лѣтописные сборники, какъ начало древнѣйшихъ лѣтъ Руси. Однако неученые и невѣжественные Москвичи, какъ ихъ чествуютъ и упрекаютъ Мосохомъ иные историки, и тогда уже почитали все это вздорною ложью. Въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ конца XVII ст., принадлежащемъ нашей библиотекѣ, есть небольшое разсужденіе по этому предмету, озаглавленное такъ: "Написаніе бысть о Мосохѣ Аѳетовѣ сынѣ". Авторъ затѣмъ говоритъ: "Бысть о семъ сумнѣніе, како положилъ (и напечаталъ) Иннокентій (Гизель) въ Печерской обители въ Кіевѣ въ лѣто 7182 (1674). Ничто же о семъ разумѣющимъ книжное писаніе требно и полезно есть, но ложь обрѣтается въ писаніи его... Это у него въ лѣтописцѣ напечатано не противъ божественнаго писанія и старыхъ древнихъ лѣтописцевъ, своимъ изволомъ, къ похвалѣ Мосоха и Москвѣ рѣцѣ. Буди то отъ его (Мосоха) родовъ вся Словенская и Русская (земля) распространилася, нѣсть сіе полезно и не праведно... А о селѣ Мосохѣ ничто же бысть въ писаніи... ни о части его въ Русійскіе Земли... о семъ въ писаніи въ Словенскихъ и Греческихъ лѣтописцехъ не бысть написано до 182 года" (т.-е. до перваго изданія Синописиса).

"Въ лѣто 6714 (1206 г.) князь великій Данило Ивановичъ. послѣ Рюрика короля Римскаго 14 лѣто пришелъ изъ Великаго Новгорода въ Суздаль, и въ Суздаль родился ему сынъ князь Георгій и во имя его созда и нарече градъ Юрьевъ Польскій и въ томъ градѣ церковь велѣнную созда во имя св. Георгія каменную на рѣзи отъ подошвы и до верху. И по созданіи того храма поѣхалъ князь Данила Ивановичъ изыскивати мѣста, гдѣ ему создати градъ престольный къ Великому Княженію своему и взялъ съ собою нѣкоего гречина именемъ Василья, мудра и знающа зѣло и вѣдающа чему и впредь быти. И вѣхалъ съ нимъ въ островъ (лѣсъ) темень, непроходимъ зѣло, въ немъ же бѣ болото велико и топко и посреде того острова и болота узрѣлъ князь Великій Данила Ивановичъ звѣря превелика и пречудна, троеглава и красна зѣло... и вопросиша Василія гречанина, что есть видѣніе сіе пречуднаго звѣря? И сказа ему Василіи гречинъ: Великій княже! на семъ мѣстѣ созиждется градъ превеликъ и распространится царствіе треугольное и въ немъ умножатся различныхъ ордь люди... Это прообразуетъ звѣря сего троеглаваго, различные на немъ цвѣта, то есть отъ всѣхъ странъ учнутъ въ немъ люди жити... Князь же Данила Ивановичъ въ томъ острову наѣхалъ посреде болота островецъ малъ, а на немъ поставлена хижина мала, а живетъ въ ней пустынникъ, а имя ему Букаль и потому хижина словеть Букалова, а нынѣ на томъ мѣстѣ царскій дворъ {Въ 1615 г. мая 31 упоминается церковь Воскресенія Христова, что на Букаловѣ. А. О. П. Л No 896. Но видимо, что это урочище ошибочно написано вмѣсто Булгаково, какъ обыкновенно обозначалась эта церковь -- строеніе Булгаковыхъ. Она стояла на Варварскомъ Крестцѣ.}. И послѣ того князь Данило Ивановичъ съ тѣмъ же гречиномъ Василіи спустя 4 дни наѣхалъ горы (крутицы), а въ горахъ тѣхъ стоитъ хижина мала, и въ хой хижинѣ (хизинѣ) живетъ человекъ римлянинъ имя ему Подонъ... Возлюби, Князь Великій мѣсто сіе, восхотѣ домъ себѣ устроити... Той же Подонъ исполненъ Духа Святаго и рече говоритъ: Княже! не подобаетъ тебѣ здѣсь вселиться, то мѣсто Домъ Божій: здѣсь созиждутъ Храмъ Божій и пребудутъ архіереи Бога Вышняго служители. Князь же Данило Ивановичъ въ шестое лѣто на хизинѣ Букаловѣ заложилъ градъ и нарече имя ему Москва, а въ седьмое лѣто на горахъ Подонскихъ на хизинѣ Подоновѣ заложилъ церковь Всемилоствигаго Спаса и устроилъ свѣтолѣпну. И въ 9 лѣто родися у него два сына князь Алексѣй и князь Петръ. Онъ же князь великій Данило Ивановичъ вельми любя сына Алексѣя Даниловича, во имя его созда градъ къ Сѣверу и нарече имя ему Олексинъ и тамъ обрете въ островѣ мужа именемъ Сара земли Иверскія свята и благоговѣйна зѣло и на его хижинѣ заложилъ градъ Олексинъ (сравн. Кар. II, пр. 301). И по девятомъ лѣтѣ приде изъ Грекъ

Епископъ Варлаамъ къ князю Данилу Ивановичу и многія чудотворныя мощи съ собою принесетъ; и князь Данило Ивановичъ приметъ его съ великою честью и любовью и повелѣтъ ему освятити храмъ на горахъ Подонскихъ и да ему область Крутицкую и нарекома его владыкою Сарскимъ и Подонскимъ: тако нарекошася Крутицы".

Очень явственно, что это сказаніе сочинено на Крутицахъ какимъ-либо досужимъ миряниномъ или церковникомъ, однакожь не совсѣмъ знакомымъ съ тогдашнею ученостію, которая могла бы пространнѣе рассказать о зачатѣ Москвы съ непремѣннымъ упоминаніемъ о Мосохѣ. Къ тому же сочинитель указываетъ, что онъ былъ родомъ или житіемъ отъ города Алексина.

Неученые Москвичи не умѣли складывать сказки по вольному замыслу, какъ составлена эта Крутицкая сказка, и держались въ своихъ литературныхъ опытахъ стараго обычая лѣтописцевъ, приставляя непремѣнно къ своему разсказу и лѣта событій. Единственнымъ образцомъ для ихъ писательства была именно не чужая, а своя родная лѣтопись. Другихъ образцовъ они не знали и, подражая лѣтописцамъ, вносили въ свои повѣсти ходившія въ народѣ преданія и несомнѣнные остатки уже забытыхъ пѣсенныхъ былинъ.

Такимъ характеромъ отличается самая обстоятельная по составу повѣсть "О зачатѣ Московскаго Княженія, како--зачало бысть, а нынѣ великій пресловущій и преименитый царствующій градъ сіяетъ".

Еще Карамзинъ замѣтилъ, что эта повѣсть писана размѣромъ старинныхъ русскихъ сказокъ и изобрѣтена совершеннымъ невѣждою, то-есть не согласно съ достовѣрными лѣтописцами, что, конечно, и подтверждаетъ ея сказочное былинное происхожденіе. Она внесена между прочимъ въ лѣтописный Сборникъ, принадлежащій нашему собранію рукописей и составленный главнымъ образомъ изъ Новгородскихъ лѣтописцевъ позднѣйшаго состава.

"Были на этомъ мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села красныя, хорошія, боярина Кучки. У того жъ боярина были два сына красны зѣло; не было такихъ красныхъ юношъ ни во всей Русской Землѣ. И свѣдалъ про нихъ князь Данила Александровичъ Суздальской и спросилъ у Кучка боярина двухъ сыновъ его къ себѣ во дворъ съ великимъ прещеніемъ. И сказалъ ему: если не дашь сыновъ своихъ мнѣ во дворъ и я на тебя войною приду и тебя мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу. И бояринъ Кучко Степанъ Ивановичъ, убояся страха отъ князя Данила Суздальскаго и отдалъ сыновъ своихъ обоихъ князю Данилу Александровичу Суздальскому. И князю Данилу полюбились оба Кучкова сына. И началъ ихъ князь Данила любить и жаловати, и пожаловалъ одинаго въ стольники, а другого въ чашники. И полюбились тѣ два юноши Даниловѣ княгинѣ Улитѣ Юрьевнѣ; и уязви ея врагъ на тѣхъ юношъ блудною яростію, возлюбилъ бо красоту лица ихъ, и діаволимъ разженіемъ смѣсися любезно.

"Умыслили они со княгиною, какъ бы имъ предати князя Данила смерти. И начали звать князя Данила въ поле ѣздить ради утѣшенія, смотрѣть звѣрскаго уловленія зацеви. И бысть ему на полѣ. И егда въѣхали въ дебри и начали они Кучковичи предавать его злой смерти. И князь Данила ускочивъ отъ нихъ на конѣ своемъ въ чашу лѣса. И бѣжалъ отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. Они же злые челоуѣки и убійцы, аки волки лютые, напрасно (нежданно) хотяху восхитить его. И сами были въ ужасѣ многомъ, искавши его и не обрѣтоша, но только нашли коня его.

"Князь же добѣжалъ съ трудомъ до перевоза. Не имѣлъ онъ что отдать перевознику за перевозъ, только былъ у него на рукѣ золотой перстень; и тотъ перстень давалъ перевознику. А перевозникъ говорилъ ему. "Лихи де вы люди оманчивы, какъ де васъ перевезу рѣку, и вы, не давъ, такъ и уходите не отдавъ", а познавъ его, что онъ князь Данилъ Александровичъ.

"Князь обѣщаль ему тотъ золотой перстень вдать, если перевезетъ его Оку рѣку. Первозникъ, приѣхавъ близко къ берегу отъ другой стороны Оки рѣки и бывъ противъ князя, протянулъ весло къ нему и говоритъ: "Подай перстень на весло, перевознаго (отдай) впередъ и я перевезу Оку рѣку. Князь Данило мнилъ, что онъ правдивый челоуѣкъ, мнилъ, что не солжетъ и положилъ ему перстень на весло. Первозникъ, взявъ на веслѣ перстень, отвалилъ отъ берега въ перевознѣ (лодкѣ) за Оку рѣку и не перевезъ его.

"Князь Даниль побѣжалъ подлѣ рѣки Оки, бояся за собою погони людей его. И прошелъ тотъ день къ вечеру темныхъ осеннихъ ночей. И не имѣлъ князь гдѣ прикрыться; пусто было мѣсто въ дебри; и случайно нашель онъ въ томъ дебри струбець малъ стоящъ; подъ нимъ же погребень былъ нѣкоторый мертвый человѣкъ. Князь влезъ въ тотъ струбець и закрылся въ немъ и забылъ страхъ мертвыхъ. И почилъ тое ночь темную осеннюю до утрѣя.

"А сыновья боярина Кучка Степана Ивановича были въ сѣтованіи и въ печали и въ скорби великой, что упустили князя Данила живаго отъ рукъ своихъ, ранена. И пришли въ раскаяніе и рѣша въ себѣ: "Лучше было благо и не мыслити и не творити надъ княземъ такого дѣла смертнаго, потому что утече отъ насъ князь Данило раненъ во градъ Владимиръ къ брату своему князю Андрею Александровичу. И придетъ намъ за то зло князь Андрей съ воинствомъ и будетъ намъ отъ нихъ злая казнь и смерть различная и лютая; а княгинѣ Улитѣ повѣшеной быть на вратахъ и злѣ--растлѣнной; или въ землю до плечъ живой закопаной быть, что мы напрасно умыслили зло на князя несправедно.

"И злая княгиня Улита, наполнилъ дьяволъ ея сердце злой мысли на мужа своего князя Данила Александровича, аки лютую змѣю ядовитую. Распалися сатанинскимъ наважденіемъ блудныя тоя похоти, возлюбивъ бо окаянная малодобрыхъ наложниковъ Кучковыхъ дѣтей любовниковъ своихъ; исповѣдала имъ всѣ тайны мужа своего, сказала: "Есть у мужа моего песъ выглець. И какъ онъ князь Данила ѣздилъ противъ враговъ своихъ на грозныя побоища на Татарь, или Крымскихъ людей, приказываетъ мнѣ, отъѣзжая, когда де я отъ Татарь или Крымскихъ людей убить буду, или какимъ янымъ случаемъ придетъ смерть мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупахъ человѣческихъ сыскать и познать меня не можно, или въ плѣнъ буду взять отъ Татарь; и которымъ путемъ въ которую землю свезутъ меня живого и въ которую страну, --и ты пошли на взысканіе меня дворянъ своихъ съ тѣмъ псомъ и вели имъ пустить того пса предъ собою просто, а самимъ ѣхать за псомъ и гдѣ будетъ живъ свезенъ и песъ тою дорогою дойдетъ до меня; или на полѣ буду мертвъ безвѣстно или на бою убить и во многомъ трупіи человѣческомъ, образъ отъ кровавыхъ ранъ пременился, или не познають меня, --и тотъ лесъ отыщеть не ложно, и мертвому мнѣ начнетъ радоваться и тѣло мое лизать начнетъ радостно.

"И на утро княгиня Улита того пса отдала тѣмъ своимъ любовникамъ и твердо имъ приказываетъ, гдѣ бы князя съ тѣмъ псомъ не нашли, тамъ его скорой смерти и предайте безъ милости. Они же злые убійцы, злого ума той злоядницы княгини Улиты наполнившись, пустили того пса скорѣй. Пріѣхавши на то мѣсто, гдѣ вчера князя Данила ранили и съ того мѣста пса пустили напередъ себя... Песъ бѣжитъ передъ ними, они за нимъ скоро ѣдутъ. И бѣжалъ песъ по берегу Оки рѣки и набѣжалъ оной струбець, гдѣ ухоронился князь Даниль, и увидѣлъ князя Данила и началъ шею своею махати, радуяся ему. Тѣ же искатели его, увидѣвъ пса радующагося и хвостомъ машущаго, скоро вскочивши, скрываютъ струбець и находятъ тутъ князя Данила Александровича. И скоро князю смерть даютъ лютую, мечами и копьями прободоша ребра ему и голову отсѣкоша, и опять въ тотъ струбець покрыли тѣло его.

"И собралъ князь Андрей во градъ Владимиръ своего войска 5000 и поиде ко граду Суздалью. И слышатъ во градъ Суздальцы и боярина Степана Ивановича Кучка дѣти, что идетъ съ воинствомъ; и взявъ ихъ страхъ и трепеть, что напрасно пролили кровь неповинную. И не возмogli они стать противъ князя Андрея ратоваться; и бѣжали къ отцу своему боярину Степану Ивановичу Кучку. А князь Андрей пришелъ въ Суздаль градъ. Суздальцы не воспротивились ему и покорились ему, государю князю Андрею Александровичу: "Мы не были совѣтниками на смерть князя своего, твоего брата князя Данила, но мы знаемъ, что жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичами и мы можемъ тебѣ Государю пособствовать на тѣхъ злыхъ измѣнниковъ".

"Князь Андрей повелѣлъ княгиню Улиту поимать и казнить всякими муками и предать ее смерти лютой, понеже она, злая таковая княгиня Улита, безстудная дѣла содѣлала и не устрашилася Бога Содѣтеля, и вельможъ, и великихъ людей не устрашилася, и отъ добрыхъ женъ укоризны и посмѣху не постыдилась, своего мужа предала злѣй смерти, и сама окаянная княгиня ту же злую смерть приняла.

"И собрали Суздальцы 3000 войска, князь Андрею въ помощь пошли. Князь Андрей со всемъ воинствомъ идетъ на боярина Степана Ивановича Кучка. И не было у Кучка боярина кругомъ красныхъ его сель ограды каменныя, ни острога древянаго; и не возможе Кучко боляринъ противъ князя Андрея боемъ битися. И вскорѣ князь Андрей всею силою и емлетъ приступомъ села и слободы красныя, и самого Кучка боярина и съ его дѣтьми въ плѣнъ; и повелѣлъ ихъ оковать желѣзы крѣпкими, и потомъ казнилъ боярина Кучка и съ дѣтьми его всякими казнями различными и лютыми. И тутъ Кучко боляринъ и съ дѣтьми своими лютую смерть принялъ.

"Въ лѣто 6797 (1289) марта въ 17 день князь Андрей Александровичъ отметилъ кровь брата своего, побѣдилъ Кучка боярина и злыхъ убійцовъ, что убили князя Данила брата его. И все ихъ имѣніе и богатство разграбивъ. А сель и слободъ красныхъ не пожесть. И воздалъ славу Богу въ радость и препочилъ тутъ. И на утріе возставъ, и посмотрѣлъ по всѣмъ краснымъ селамъ и слободамъ и вложилъ Богъ въ сердце князю Андрею, и тѣ красныя села ему князю полюбились и рассмотрѣвъ, помышлялъ въ умѣ своемъ на томъ мѣстѣ градъ построить, видѣвъ бо мѣсто прилично, еже граду быти. И вздохнувъ изъ глубины сердца своего, воздѣвъ руки на небо моляся Богу со слезами и сказали: Боже Вседержитель Творецъ всѣмъ и создатель! Прослави Господи мѣсто сіе и подаждь Господи помощь хотѣнія моего устроить градъ и создать святыя церкви. И оттолѣ князь Андрей сѣлъ въ красныхъ тѣхъ селлахъ и слободахъ, началъ жительствовать. А во градѣ Суздаль и во Владимирѣ посадилъ державствовать сына своего Георгія. А племянника своего, братня сына, князя Іоанна Даниловича къ себѣ взялъ и воспиталъ его до возраста въ добромъ наказаніи.

"Тотъ же благовѣрный князь Андрей Александровичъ воздвигъ церковь древяну Пречистыя Богородицы Честнаго Ея Благовѣщенія и невелику сущу... Также повелѣлъ градъ основати около тѣхъ красныхъ сель по Москвѣ рѣкѣ и имянованіе граду тому положилъ. "А въ то время былъ во Владимирѣ Максимъ Митрополитъ всеа Русіи, его благословеніемъ. Ему же способствовали Суздальцы, и Владимирцы и Ростовцы и всѣ окрестныя. И такъ совершиша градъ Божіею помощію. А состроенъ градъ въ лѣто 6799 (1291) іюля въ 27 день. И оттолѣ нача именоватись граду Москвѣ.

"Пожилъ тотъ благовѣрный князь Андрей во градѣ Москвѣ и устроилъ Божія церкви многія и преставился въ лѣто 6813 (1305). Оставляетъ градъ Москву и приказываетъ державствовать племяннику своему князю Іоанну Даниловичу. А сынъ Андреевъ Георгій, нарицаемый Юрій, Суздальской и Владимирской, преставился прежде смерти отца своего Андрея Московскаго за одно лѣто; но только у него остался наслѣдникъ по немъ, сынъ его Дмитрій Юрьевичъ, еще младъ, четырехъ лѣтъ и двухъ мѣсяцовъ. А тотъ князь Іоаннъ Даниловичъ, дошелъ полного возраста. И даровалъ ему Богъ добрый разумъ и премудрость и былъ благодарственъ и вѣренъ, благочестивъ и нищелюбивъ, аки златой сосудъ исполненъ добраго и честнаго бисера. И взялъ къ себѣ Дмитрія Юрьевича Суздальскаго, сродича своего и воспиталъ его въ добромъ наказаніи. Подъ сію же Московскую область принялъ державствовать грады и Суздаль и Владимиръ".

"Два убо Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не были. По истинѣ градъ Москва именуется Третій Римъ, понеже и надъ симъ было вначалѣ то же знаменіе, какъ надъ первымъ и вторымъ. И если оно и различно, но въ сущности одно и то же, -- это кровопролитіе.

"Первый Римъ созданъ отъ Рома и Ромила... Начали копать, Аліанъ (aula -- дворецъ, палаты) здати, обрѣтоша главу только что убитаго челоуѣка, свѣжая теплая кровь текла изъ нея, и лице являлось, какъ живое. Волхвы--мудрецы, искусныя толкователи подобныхъ знаменій, сказали: "Сей градъ глава будетъ многимъ, но не вскорѣ, а по времени, послѣ многихъ убійствъ (закланій) и пролитія кровей многихъ.

"Такъ и второму Риму, *т. е. Константинополю* основаніе и зачало было не безъ крови же, но по убійствѣ и по пролитіи кровей многихъ.

"Точно такъ и нынѣшнему, сему третьему Риму, Московскому Государству зачало было не безъ крови же, но по пролитіи, и по закланіи и убійствѣ" {Эти сказанія о какомъ-то созидательномъ значеніи кровопролитія при постройкѣ славныхъ городовъ, повидимому совпадаютъ съ господствовавшимъ въ средніе вѣка (на Западѣ) народнымъ повѣрьемъ, по которочу при сооруженіи

какого-либо здания, в особенности болѣе значительнаго, требовалось заклать живое существо и на его крови положить основной камень, отчего здание никогда не будет разрушено. (Соч. Гейнс, изд. Маркса, т. III, стр. 365).}

А что нѣкоторые отъ окрестныхъ странъ, враждуя и понося (Московское Государство), говорятъ: Кто чаяль, или кто когда слышалъ, что Москвѣ граду царствомъ слыть, и многими царствами и странами обладать, такъ это говорятъ, не разумѣя Божіей силы и пророческихъ рѣченій, ибо Всемогущъ Господь и отъ несуществующаго въ существующее привести, какъ искони Вселенную.

"Быль на Великомъ Княженіи въ Кіевѣ сынъ Владиміра Мономаха князь Юрій. Онъ старшаго своего сына Андрея посадилъ въ Суздаль. Въ лѣто 6666 (1158) ѣхалъ князь Юрій изъ Кіева во Владиміръ къ сыну Андрею и наѣхалъ по дорогѣ мѣсто, гдѣ теперь градъ Москва по обѣ стороны рѣки. Стояли тутъ села, а владѣль ими нѣкій зѣло богатый бояринъ, имя ему Кучко Степановъ (Ивановъ, по другому списку). Тотъ Кучко встрѣтилъ Великаго князя зѣло гордо и не дружелюбно. Возгордѣвся зѣло и не почтилъ в. князя подобающею честію, а къ тому и поносилъ ему. Не стерпя той хулы в. князь повелѣлъ того боярина ухватить и смерти предать. Такъ и было. Видѣвъ же сыновей его, млада суще и лѣпы зѣло и дочь едину, такову-же благообразну и лѣпу, в. князь отослалъ ихъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею. Самъ же князь Юрій взыде на гору и обзрѣ съ нея очима своима, сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюбилъ села оныя и повелѣлъ вскорѣ сдѣлати градъ малъ, древянъ, по лѣвую сторону рѣки на берегу и прозва его званіемъ рѣки Москва градъ". Потомъ князь идетъ во Владиміръ къ сыну Андрею, женить его на дочери Кучковой, заповѣдуетъ ему градъ Москву людми населити и распространити и возвращается въ Кіевъ и съ сыномъ Андреемъ. Затѣмъ рассказывается исторія Андрея Боголюбскаго, какъ онъ изъ Кіева принесъ во Владиміръ икону Богородицы, какъ былъ благочестивъ и какъ потомъ убить злодѣями Кучковичами въ союзѣ съ его княгинею, которая негодовала на него за то, что пересталъ раздѣлять съ ней брачное ложе, отдавшись посту и молитвѣ. Въ лѣто 6684 (1176) пришелъ изъ Кіева во Владиміръ братъ Андрея князь Михайло Юрьевичъ, избилъ убійць и ввергъ ихъ въ озеро (въ коробѣхъ), а жену его повелѣлъ повѣсити на вратахъ и разстрѣлять изъ многихъ луковъ.

Затѣмъ идетъ краткій перечень послѣдующихъ князей включительно до Ивана Калиты, выбранный изъ лѣтописцевъ и не содержащій ничего особеннаго.

Въ заключеніе упомянуто, что отъ сыновей Калиты по степенямъ дошло и до сего послѣдняго великаго и приснопамятнаго и святопрожившаго Государя Царя Феодора Ивановича, при которомъ, слѣдовательно, и была составлена эта лѣтописная повѣсть.

Повидимому, эта повѣсть сочинена, какъ упомянуто, книжнымъ человѣкомъ съ цѣлью въ точности приравнять Москву -- Третій Римъ къ двумъ первымъ Римамъ, именно по поводу пролитія крови при ихъ основаніи. Если Москва явилась Римомъ, то и характеръ ея первоначалія долженъ быть такой же, вполне Римскій, то есть кровавый. Поэтому надо было отыскать, сочинить обстоятельство, которое могло бы доказывать надобное совпаденіе случаевъ кровопролитія въ древнѣйшемъ Римѣ и въ новой Москвѣ.

Если легенда о казни или убійствѣ боярина Кучка и идетъ изъ народнаго преданія, то сказаніе о третьемъ Римѣ наводитъ большое сомнѣніе въ народномъ происхожденіи этой легенды и указываетъ больше всего на прямое сочинительство событія съ бояриномъ Кучкомъ. По наслѣдству отъ перваго Рима явилась кровь и для основанія Третьяго Рима.

Карамзинъ замѣтилъ, что эта сказка, вѣроятно, основана на древнемъ истинномъ преданіи. Дѣйствительно, несомнѣнные свидѣтельства лѣтописей указываютъ, что бояре Кучковичи существовали и именно въ большемъ приближеніи у князя Андрея Боголюбскаго. Въ 1155 г. они переманили его переѣхать изъ Кіева въ Залѣсскій Владиміръ "безъ отча повелѣнія, лестію подыаша"; а въ 1174 г. они являются главными руководителями заговора противъ Андрея и его убійцами. Тверская лѣтопись рассказываетъ нѣсколько иначе это событіе. Она говоритъ, что Андрей былъ убитъ отъ своихъ боярь отъ Кучковичевъ, по наученію своей жены, которая однако жъ была не

Кучковна, какъ говорить приведенная легенда и позднѣйшія лѣтописи, а Болгарка родомъ, и держала на князя злую мысль особенно за то, что онъ много воевалъ Болгарскую землю "и сына своего посылалъ туда (Мстислава, въ 1172 г.) и много зла учини Болгарамъ",-- такъ что она является мстительницею за разореніе своей родины, что весьма вѣроятно. Княгиня жаловалась на князя втайнѣ Петру, Кучкову зятю, слѣдовательно, она была въ томъ же злодѣйскомъ заговорѣ противъ князя. Ближайшею причиною заговора и злодѣйства лѣтопись обозначаетъ то, что Андрей велѣлъ казнить одного изъ Кучковичей, именно брата возлюбленнаго своего слуги, Якима Кучковича {Иначе Кучковитина (Лѣт. Воскр. 89, и Степ. Книга I, стр. 305), что можетъ указывать на его землячество изъ Кучкова, рекше изъ Москвы.}. Якимъ и рѣшаетъ дѣло. На пиру у Петра, Кучкова зятя, онъ поднимаетъ всѣхъ рѣчью: "Какъ намъ быть съ княземъ? вчера онъ брата моего казнилъ, а нынче, пожалуй, казнить и насъ. Промыслимъ о своей жизни". Такимъ образомъ, Якимъ Кучковичъ, упоминаемый въ легендѣ, является мстителемъ за смерть своего брата, имени котораго (Петръ по легендѣ) лѣтопись не называетъ, но указываетъ, что месть совершена въ Петровъ день, на другой день послѣ казни.

Если по лѣтописи существовали двое Кучковичей, указанныхъ легендою, то могло случиться и событіе, въ ней описанное: невѣренъ только годъ. Въ 1158 году Юрія уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ 1157 г. {Впрочемъ, по Ипатской лѣтописи Юрій померъ въ 1158 г., мая 15, въ среду, что по днямъ и числамъ оказывается невѣрнымъ и относится именно къ 1157 году.}. Но зато въ Тверской же лѣтописи находимъ весьма любопытное свидѣтельство. Въ 1156 г. "Князь великій Юрій Володимеричъ заложилъ градъ Москву на устниже (на устьи, ниже) Неглинны, выше рѣки Аузы" {П. С. Р. Л. XV, 225.}.

Ошибка въ годъ незначительна, но весьма значительно обстоятельство, что Кучковичи (по легендѣ, млада суши, въ годъ построения Москвы, т.-е. въ 1156 г.) еще въ 1155 г. переманиваютъ Андрея во Владиміръ, дѣйствуя противъ воли его отца.

Московскія преданія и былины, ходившія въ народѣ въ теченіи вѣковъ и дававшія матеріалъ для сочинительскихъ сказаній, должны были хорошо помнить имена первыхъ героевъ Москвы, ея основателей и устроителей, князей Юрья, особенно Андрея (Боголюбскаго), Данилу, Ивана и бояръ Кучковичей.

Былины и преданія не могли помнить только года, не могли послѣдовательно разставить событія, перепутали ихъ, какъ перепутали имена, и вспоминали одно главное, что при основаніи Москвы произошелъ романъ, совершено убійство, пролита кровь. Но очень видимо, что главнымъ источникомъ для этихъ сказаній и былинь послужили обстоятельства убійства Андрея Боголюбскаго, гдѣ главными героями являются именно Кучковичи.

Зерно разсматриваемаго сказанія заключается въ томъ, что основаніе или построение города Москвы связано съ убійствомъ ея прежняго владѣльца,--изъ-за женщины, изъ-за любовныхъ сязей, какъ стали сказывать о томъ болѣе поздніе сочинители. У Татищева (Исторія, кн, II, 300) находимъ основанное на этой же легендѣ романическое повѣствованіе.

"Юрій, говоритъ историкъ, хотя имѣлъ княгиню любви достойную и ее любилъ, но при томъ многихъ женъ поданныхъ своихъ часто навѣщалъ и съ ними болѣе, нежели съ княгинею, веселился, ночи сквозь на скомонѣхъ (музыка) проигрывая и пія, препроводилъ... Между всѣми полюбовницами жена Тысяцкаго Суздальскаго Кучка наиболѣе имъ владѣла и онъ все по ея хотѣнію дѣлалъ".

Когда Юрій пошелъ къ Торжку (въ 1147 г.), Кучка не послѣдовалъ за нимъ, а возвратился въ свое село, посадилъ свою жену въ заточеніе и самъ хотѣлъ бѣжать къ врагу Юрья, Изяславу. Услыхавши объ этомъ, Юрій въ ярости воротился изъ похода на Москву-рѣку въ Кучково жилище и тотчасъ убилъ Кучку, дочь его выдалъ за сына своего Андрея и, облюбовавши мѣсто, заложилъ здѣсь городъ. По случаю Андреева брака онъ и позвалъ къ себѣ на веселье Святослава Ольговича. Рассказывая эту повѣсть, Татищевъ ссылается на свой раскольническій манускриптъ или лѣтопись, полученную имъ отъ раскольника. Повѣсть потомъ была внесена и въ Записки касательно Россійской

Исторіи Императрицы Екатерины II (часть II, 112) и повторена у Стриттера въ его Исторіи Росс. Государства, ч. I, стр. 253, какъ повторялась и у многихъ другихъ писателей.

Можно было бы повѣрить этому сказанію, если бы не приводили къ сомнѣнію другія совсѣмъ подобныя же повѣсти, рассказанныя историкомъ про другихъ князей. Такъ, на стр. 242 того же тома своей Исторіи Татищевъ такими же чертами, какъ горячаго сластолюбца, рисуеъ и вел. князя Мстислава Великаго, который точно также отъ жены не скупю чужихъ женъ посѣщаль...

Приводимъ это повѣствованіе по разсказу Карамзина (II, пр. 256), много смягчившаго подлинный циническій разсказъ.

"Одинъ евнухъ--такъ повѣствуетъ нашъ Историкъ, хотя и другими словами, говоритъ Карамзинъ, -- сказалъ Мстиславу: "Ты, князь, воюешь, занимаешься дѣлами или веселишься съ друзьями, а не знаешь, что дѣлается у твоей княгини: съ нею видится наединѣ Прохоръ Васильевичъ". Мстиславъ отвѣчалъ съ улыбкою, какъ философъ: "я любилъ свою первую жену, Христину; однако жъ, будучи молодъ, любилъ и другихъ красавицъ; она видѣла и молчала. Теперь моя очередь видѣть и молчать на старости, совѣтую и тебѣ не говорить о томъ". Однако жъ Тиунъ Прохоръ былъ сосланъ въ Полоцкъ и скоро умеръ. Наши Лѣтописцы не выдумывали такихъ непристойныхъ басенъ. Сія сказка взята изъ Длугоша (Hist. Pol., стр. 463); но тамъ дѣло идетъ о королѣ Польскомъ".

Такимъ образомъ, сочиненіе Татищева о похожденияхъ великаго князя Юрья Долгорукаго при основаніи Москвы города есть чистѣйшій вымыселъ, представляющій попытку украсить Исторію о зачатѣ Москвы новымъ, наиболѣе любопытнымъ сказаніемъ.

Надо замѣтить, что всѣ печатныя сказанія, поступившія въ оборотъ исторической литературы, когда требовалось говорить о началѣ царствующаго города, пользовались, по преимуществу, только тѣмъ сказаніемъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Писатели сокращали повѣствованіе, прибавляли нѣкоторыя подробности въ объясненіе темныхъ или недосказанныхъ мѣстъ и, заимствуя другъ у друга вкратцѣ содержаніе повѣстп, по мѣстамъ искажали его подлинныя указанія.

Обстоятельнѣе всѣхъ другихъ воспользовался этимъ старымъ сказаніемъ, какъ и другими, изложенными выше, знаменитый Сумароковъ. Въ своей Трудолюбивой Пчелѣ (Генварь 1759 г.) онъ напечаталъ небольшую статью "О первоначалии и созиданіи Мо>сквы", гдѣ, съ нѣкоторыми своими домышленіями изложивъ содержаніе упомянутаго сказанія, передаетъ и Крутицкія Сказанія о пустынный Букалѣ, Подонѣ, Сарѣ, епископѣ Варлаамѣ и пр. Затѣмъ вкратцѣ слѣдуетъ Исторія созиданія города включительно до царя Ѳедора Ив.

Въ другой статьѣ "Краткая Московская Лѣтопись" онъ слово въ слово помѣстилъ свой пересказъ помянутаго сказанія съ тѣмъ же добавленіемъ именъ Кучковыхъ сыновей -- Петръ, Іоакимъ и дочери Улита. А въ новомъ пересказѣ добавилъ имена Кучковыхъ сель: "Селенія Кучки были Воробьево на Воробьевой горѣ; Симоново, гдѣ Симоновъ монастырь; Высоцкое, Петровскій монастырь; Кудрино и Кулижки, тако и по нынѣ именуемыя; Сухошаво отъ пересыханія рѣчки, нынѣ Сушово; Кузнецкая Слободка, гдѣ Кузнецкій Мостъ. И тамо были еще селенія, гдѣ Вшивая горка, Андроніевъ монастырь, тамо гдѣ Красный прудъ и гдѣ былъ Чистый прудъ. А жилище Кучково у Чистаго пруда было".

Прибавимъ также, что Москва рѣка прежде называлась Смородиною, по всему вѣроятію, заимствуя это свѣдѣніе изъ народной пѣсни о злосчастномъ добромъ молодцѣ, какъ это увидимъ въ нижеслѣдующемъ изложеніи. "Имя Москвы, рассуждаетъ авторъ, производятъ нѣкоторые отъ Мосоха; однако, того ни какимъ доводомъ утвердить невозможно и кажется то вѣроятнѣе, что Москва имѣетъ имя отъ худыхъ мостковъ, которые на семь мѣстѣ по болотамъ положены были... Въ семь, отъ чего сей городъ воспріалъ свое имя, преимущество есть равное, отъ Мосоха ли или отъ мостковъ; но то удивительно, что худые мостки цѣлому великому Государству дали имя". О худыхъ мосткахъ авторъ въ другомъ мѣстѣ рассуждаетъ, что Москва-рѣка, протекая чрезъ Московскія воды,

имѣла мостки, гдѣ ломались оси, колеса и дроги, ради чего при мосткѣ чрезъ Неглинную поселилися и кузнецы, отчего и понынѣ мостъ черезъ ту рѣку называется Кузнецкимъ мостомъ. Отъ сихъ мостковъ главная рѣка получила наименованіе, а отъ рѣки и городъ {Полное собраніе сочиненій А. П. Сумарокова, часть VI, М. 1781 г., стр. 163, 240, 303.}.

Сама Императрица (Екатерина II), повидимому, очень желала знать наиболѣе достовѣрную и обстоятельную исторію о первоначаліи города и потому именнымъ указомъ повелѣла Надворному Совѣтнику Михаилу Ильинскому написать Историческое описаніе о началѣ города Москвы, какъ и по какимъ причинамъ она основалась, кѣм и когда Престоль туда перенесенъ? И отчего сей городъ получилъ тогда свое возвышеніе. Пребываніе въ немъ митрополита, (вообще) дѣла по церкви, въ Москву стекаясь, не были ли главнѣйшею причиною какъ умноженія силы сего города, такъ и соединенія княжествъ?"

Въ отвѣтъ на эти вопросы сочинитель представилъ "Опытъ историческаго описанія о началѣ города Москвы", небольшую книжку въ 100 стр. въ 1/8 д. л. М. 1795 г., въ которой, основавшись на исторіяхъ Татищева и Щербатова и на нѣкоторыхъ лѣтописцахъ, изобразилъ собственно политическую Исторію города, довольно разсудительно очерченную. За свой трудъ онъ получилъ Всемиловитѣйшую награду--тысячу рублей, которые были препровождены княземъ Потемкинымъ къ митрополиту Платону для передачи автору.

Между тѣмъ, писанія Сумарокова повторялись во всѣхъ сочиненіяхъ, касавшихся этого предмета, конечно, съ различными вариантами и новыми домыслами.

Тогдашній не менѣ знаменитый критикъ историческихъ сочиненій генераль-маіоръ Болтинъ, разбирая Исторію кн. Щербатова, сказавшаго, что кн. Святославъ Ольговичъ былъ призванъ кн. Юрьемъ въ Москву, писалъ слѣдующее:

"Святославъ Ольговичъ пріѣзжалъ къ Георгію въ село Кучково, а не въ Москву, и не для свиданія, но яко званый гость на свадьбу къ его сыну. На семь мѣстѣ, гдѣ нынѣ Москва, было тогда село Кучково, прозванное такъ по имени его владѣльца, Тысяцкаго кн. Юрія, Кучки. Въ самое сіе время кн. Юрій пріѣхалъ въ село Кучково, онаго Кучку за нѣкоторое его преступленіе казнилъ, жену жъ его (уже не дочь) выдалъ за сына своего Андрея, приглася на свадьбу и сказаннаго Святослава Ольговича, бывшаго на то время въ области Смоленской. Между тѣмъ кн. Юрій, полюбя мѣстоположеніе села Кучкова, опредѣлили быть тутъ городу и при себѣ положили ему основаніе, однако жъ сей новозаложенный градъ остался при старомъ имени и долго потомъ назывался Кучковымъ".

Въ другомъ мѣстѣ Болтинъ пишетъ, что кн. Юрій, построивъ городокъ, "однако жъ отъ дѣтей Кучковыхъ его не отнялъ, и они владѣли имъ до самага того времени, какъ за убійство кн. Андрея, у котораго супругою была ихъ сестра, они были казнены. И во все то время городокъ сей назывался прежнимъ своимъ именованіемъ Кучково. Послѣ казни дѣтей Кучковыхъ переименованъ по имени рѣки Москвою и болѣе, можетъ быть, для того, чтобъ названіе царевубійць Кучковъ изъ памяти истребить, подобно, какъ Яикъ прозванъ Ураломъ" (Критическія примѣчанія на первый томъ, стр. 190, на второй томъ, стр. 183).

Подобныя, уже отъ учености, сказанія продолжались и въ новѣйшее время. Бѣляевъ (Ив. Дм.) по поводу разсматриваемыхъ здѣсь старыхъ сказаній представилъ цѣлую обстоятельную не малаго объема повѣсть "О борьбѣ земскихъ боярь съ княжескою властію".

Онъ говоритъ, что "Кучко былъ богатый бояринъ и могущественный землевладѣлецъ въ здѣшнемъ краѣ, по словамъ преданія, не только не думавшій признавать княжеской власти, но и прямо въ глаза поносившій князя Юрія Влад. Долгорукаго. Таковое отношеніе Кучка къ Юрію прямо говоритъ, что Кучко былъ не дружинникъ князя, а старинный земскій бояринъ, по всему вѣроятію, древній колонистъ Новгородскій, принадлежащій къ роду первыхъ насельниковъ здѣшняго края, пришедшихъ сюда изъ Новгорода еще до приглашенія Рюрика съ братьями" {Свое мнѣніе о Новгородскомъ происхожденіи боярина Кучки и отомъ, что Москва первоначально была построена въ Новгородской землѣ, авторъ основываетъ на томъ обстоятельстве, что въ Переписной

Новгородской Книгѣ 1500 г. упомянута деревня Кучково и ея поселяне Сидорка да Ондрейка Тимошкины дѣти Кучкова, въ лицѣ которыхъ онъ видитъ, родъ изстаринныхъ новгородскихъ вотчинниковъ Лучковичей" (Временникъ *О. И. и Др.*, Кн. II, стр. 216 и Смѣсь, стр. 29). Это примѣчаніе усвоено и Снегиревымъ (Москва. Подробное Историческое и Археологическое описаніе города. М. 1865 г., стр. 1 и 103), который подкрѣплялъ его и своими соображеніями и указаніями все-таки недостаточно основательными. Съ такою же вѣроятностію можно выводить Кучково и Кучковичей не только изъ Новгорода, но даже и отъ Поморскихъ Славянъ, у которыхъ существовали имена мѣсть Cuchow, Cuckevitz, Kuckevitz. А также необходимо припомнить и одно изъ именъ Игоревыхъ пословъ къ грекамъ Куци, такъ какъ Кучково именуется и Куцковымъ.}. Далѣе рассказываетъ авторъ, что пришелъ въ этотъ край кн. Юрій и началъ заводить новые, собственно княжескіе порядки, "началъ строить города и приглашать поселенцевъ изъ Приднѣпровья и другихъ краевъ Русской Земли и тѣмъ стѣснять полное приволье здѣшнихъ старожильцевъ, особенно богатыхъ земскихъ бояръ, изстаринныхъ Новгородскихъ колонистовъ. На эти стѣсненія и новости, вводимыя поселившимся здѣсь княземъ, земскіе бояре, не привыкшіе ни къ чему подобному, конечно, отвѣчали или глухимъ неповиновеніемъ, или явнымъ сопротивленіемъ и даже оскорбленіемъ князя...

"Народное преданіе, конечно, не безъ причины указало на села и слободы боярина Кучка, какъ на главное гнѣздо боярскаго сопротивленія княжеской власти, и олицетворило это сопротивленіе и боярскую надменность въ миѣѣ боярина Кучки.

"Но здѣшніе бояре, слишкомъ самонадѣянныя и гордые, не были въ силахъ дать надлежащее сопротивленіе князю и даже не имѣли достаточныхъ укрѣпленій, за которыми бы могли успѣшно обороняться; и потому, какъ и слѣдовало ожидать, при первой же встрѣчѣ они потерпѣли пораженіе, и Степанъ Ивановичъ Кучко за свою дерзость заплатилъ головой; а князь Юрій Влад., управившись съ неожиданнымъ противникомъ, въ самыхъ имѣніяхъ Кучка построилъ княжій городъ, чюбы такимъ образомъ утвердить за собой и своимъ потомствомъ ту самую мѣстность, гдѣ встрѣтилъ сильнѣйшее сопротивленіе своей власти". Вотъ въ чемъ заключалась вся борьба земскихъ бояръ съ княжескою властью! (Русскій Вѣстникъ 1868 г. Мартъ).

И это баснословіе также поступило въ оборотъ сказаній о первоначаліи Москвы. Въ книгѣ "Москва. Историческій очеркъ" (М., 1883 г.) оно помѣстилось въ сокращеніи на первыхъ страницахъ.

Къ числу новѣйшихъ сказаній должно отнести и увѣреніе историка *Д. И. Иловайскаго*, что Москва-городъ основалась именно тамъ, гдѣ на Москвѣ-рѣкѣ существовалъ нѣкогда каменистый порогъ. "Около середины своего теченія (ближе къ устью?), говоритъ авторъ, извилистая рѣка Москва въ одномъ изъ своихъ изгибовъ преграждается небольшимъ каменистымъ порогомъ. Вода съ шумомъ бѣжитъ по этому порогу и только въ полуую воду покрываетъ его на значительную глубину. Этотъ-то небольшой порогъ (нынѣ подлѣ храма Спасителя, подъ бывшимъ Каменнымъ мостомъ) и послужилъ первоначальною причиною къ возникновенію знаменитаго города. Выше порога рѣка по своему мелководью только сплавная, а ниже его она судоходна". Описывая далѣе судоходство по рѣкамъ въ Москву, авторъ указываетъ, что "Окою суда спускались до устья Москвы, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ и доходили до помянутаго порога. Здѣсь путники опять покидали суда и сухопутьемъ отправлялись въ стольные города Ростовъ, Суздаль и Владиміръ..." {Исторія Россіи, II, стр. 2 и 3; Моск. Вѣд. 1890 г., No 22.}.

Этотъ порогъ въ дѣйствительности существуетъ и донинѣ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ деревянныхъ свай, набитыхъ въ разное время по случаю устройства Каменнаго моста. Русло Москвы-рѣки на самомъ дѣлѣ течетъ надъ сплошнымъ пластомъ горнаго известняка, который въ иныхъ мѣстахъ обнаруживается на днѣ рѣки, но пороговъ нигдѣ не устраиваетъ. Если возможно было набить въ дно рѣки деревянные, хотя бы и короткія по длинѣ, сваи, то это прямо указываетъ, что до пласта горнаго известняка остается еще значительный слой песковъ и глинъ, лежащихъ надъ этимъ пластомъ.

По поводу всѣхъ изложенныхъ выше рукописныхъ преданій и печатныхъ домышлений можно сказать словами автора книги: Москва или Историческій Путеводитель (М., 1827 г., ч. I, стр. 1), что "Достовѣрныя лѣтописи не сообщаютъ намъ никакихъ точныхъ извѣстій ни объ основателѣ Москвы, ни о времени ея начала, почему важное сіе событіе и остается подъ завѣсою темныхъ догадокъ, основанныхъ на разныхъ сохранившихся до нашихъ временъ "невѣрныхъ повѣстьяхъ", не говоримъ о новѣйшихъ повѣствованіяхъ, въ родѣ повѣсти о земскихъ боярахъ, или о томъ, что у Каменнаго моста существовалъ каменистый, а на самомъ дѣлѣ только деревянный порогъ.

Самое событіе, передаваемое рукописною легендою, что князь Юрій казнилъ боярина Кучку, подвергается большому сомнѣнію, такъ какъ оно явилось для доказательства, что и Третій Римъ, Москва, тоже основанъ на пролитой крови. По всѣму вѣроятію, это такой же вымыселъ, какъ и борьба земскихъ бояръ съ княжескою властью.

Такимъ образомъ, остается болѣе цѣннымъ народное преданіе о князѣ Даніилѣ, которое въ сущности есть спутанный пересказъ истиннаго событія--убійства Кучковичами князя Андрея Боголюбскаго.

О Москвѣ -- Третьемъ Римѣ стали толковать, что эту легенду придумали сами Москвичи, вдохновляемые своею нѣвежественною гордынею. Это такъ же вѣрно, какъ и сказаніе о происхожденіи имени Москвы отъ Мосоха, которымъ упрекали Москвичей тоже въ качествѣ ихъ непомѣрной гордыни и круглаго деревенскаго невѣжества.

Легенда, а вѣрнѣе сказать, народная мысль въ Москвѣ, какъ о Третьемъ Римѣ, возникла и стала распространяться во всемъ Православномъ мірѣ еще со времени Флорентинскаго Собора (1439 г.), когда второй Римъ, знаменитый Царьградъ, въ лицѣ своего императора и главныхъ своихъ представителей, промѣнялъ свое православное первенство на чечевичную похлебку врагу Восточной церкви, Риму первому, а теперь папскому Риму, и когда этотъ папскій Римъ узналъ, что Православная крѣпкая сила еще существуетъ, именно въ далекой и дотолѣ почти совсѣмъ неизвестной Москвѣ, непоколебимо отринувшей недостойную Флорентинскую сдѣлку, на которую второй Римъ - Царьградъ такъ безславно согласился.

Всѣ православные народности Востока, Греки и Славяне, въ это же время узнали, что единственнымъ защитникомъ и поборникомъ Православія явилась далекая Москва, прославленная на соборѣ уже могущественнымъ государствомъ, о чемъ для своей же пользы долженъ былъ рассказывать и самый измѣнникъ Православію, Исидоръ, хотя сама по себѣ Москва еще только зарождалась настоящимъ Государствомъ. Затѣмъ погибель Второго Рима отъ завоеванія Турками уже окончательно утвердила въ понятіяхъ Православныхъ народностей, что далекая Москва остается единственнымъ могучимъ Государствомъ, способнымъ охранять Восточную вѣру отъ всякихъ находящихся напастей.

Первоначальное Кремлевское поселеніе города Москвы въ незапамятныя времена основалось на крутой береговой горѣ, на мысу Кремлевской высокой площади, которая нѣкогда выдвигалась къ устью рѣчки Неглинной крутымъ обрывомъ у теперешнихъ Кремлевскихъ Боровицкихъ воротъ.

На такихъ излюбленныхъ мѣстностяхъ, на крутыхъ высокихъ мысахъ, при сліяніи рѣкъ и рѣчекъ или глубокихъ овраговъ основывались всѣ древніе Русскіе города, какъ и малые городки, находившіе въ этомъ расположеніи мѣстности не малую защиту и оборону въ опасныхъ случаяхъ. Теперь Московской крутой угловой горы не существуетъ. Въ теченіи вѣковъ она постепенно теряла свой первоначальный видъ и окончательно была скрыта и уравнена пологимъ скатомъ уже на нашей памяти, въ 1847 году, по случаю постройки новаго Кремлевскаго дворца, лицевая сторона котораго стоитъ именно на томъ высокомъ уровнѣ площади, какой нѣкогда высылся и у Боровицкихъ воротъ.

Отъ древняго времени осталось неизмѣннымъ только одно имя горы, сохраняемое и донинѣ помянутыми *Боровицкими* воротами. Вся гора была *боровая*, покрытая въ древнее время, конечно, дремучимъ боромъ.

На это указываетъ и другой свидѣтель, стоящій неподалеку, древній храмъ Спаса *на Бору* во дворѣ Новаго дворца.

Урочище *Борь*, стало быть, обозначало всю площадь древнѣйшаго помѣщенія Москвы.

Повидимому, къ этому Бору относится и древнее замоскворѣцкое урочище церковей Іоанна Предтечи *подъ Боромь* и Черниговскихъ Чудотворцевъ тоже *подъ Боромь*. Выраженіе *подъ Боромь*, а не на Бору, вѣрнѣе всего указываетъ, что обозначенная мѣстность, лежащая хотя бы и за рѣкою, въ дѣйствительности находилась *подъ* сѣнью Кремлевскаго бора. Часть этого бора, вѣроятно, произростала и по замоскворѣцкому берегу, но главный сплошной боръ все-таки простирался по Кремлевской нагорной сторонѣ рѣки, почему и явилось урочище *подъ Боромь*. Это урочище, какъ мѣстность древняго поселенія, должно относиться къ той же отдаленной древности, какъ и Кремлевское урочище *на Бору* {Существовало и еще урочище *подъ Боромь*, какъ обозначалась церковей Іоанна Предтечи въ Ивановскомъ монастырѣ (Доп. Акт. Истор. I, 210). Любопытно, что съ именемъ Бора въ этихъ трехъ случаяхъ соединяются и имена церковей Іоанна Предтечи. Быть можетъ, постройкою храмовъ этого воима руководила какая либо религіозная мысль, освящавшая боровую лѣсистую мѣстность святымъ именемъ Предтечи соотвѣтственно народному вѣрованію.}

Упомянутыя прозванія "на бору" и "подъ боромь" и прозваніе воротъ--*Боровицкія* остаются древнѣйшими памятниками Московской топографіи, а прозваніе воротъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить свидѣтельствомъ, что самыя ворота на томъ же мѣстѣ существовали отъ того времени, какъ была выстроена первая ограда для здѣшняго поселка. По всему вѣроятію, въ начальное время они открывали путь не прямо на гору, а только на Подоль Кремля, какъ это замѣтно и теперь по закладенной аркѣ въ Боровицкой башнѣ, проводившей и въ позднее время къ тому же Подолу.

Надо также упомянуть, что прозваніе воротъ неподвижно сохранялось въ теченіи вѣковъ именно только памятью Московскаго народа. Царь Алексѣй Мих., слѣдуя своимъ благочестивымъ побужденіямъ, указомъ 17 апрѣля 1658 г., повелѣлъ эти ворота *писать и называть* Предтечинскими, во имя стоявшей передъ ними церкви Іоанна Предтечи; однако не только народъ, но и канцелярскія офиціальныя записи не всегда слѣдовали этому указу и по прежнему прозывали ворота Боровицкими.

Какая же была ограда у перваго Кремлевскаго поселка? На это даютъ отвѣтъ во множествѣ разсѣянные въ близкихъ и дальнихъ окрестностяхъ Москвы такъ называемые городки и *городища*, то-есть древнія мѣста такихъ же поселковъ, каковъ былъ и первый Кремлевскій. Они также устраивались на мысахъ или угловыхъ высокихъ мѣстахъ при слияніи рѣкъ, рѣчекъ и овраговъ, въ лѣсной глуши, и всегда были укрѣплены валомъ и рвомъ. На валу, конечно, ставился еще деревянный частоколь, тынъ, или *острог* изъ бревень, стоямя, остро отесанныхъ вверху. Такъ, несомнѣнно, былъ укрѣпленъ и первый поселокъ Кремля. Остатки его вала и рва были найдены близъ юго-западнаго угла церкви Спаса на Бору при постройкѣ Новаго дворца {Гастева: Статистическое Описаніе Москвы. М., 1841 г. Объясненіе плановъ стр. 4, Но 55.}, при чемъ оказывается, что церковей Спаса стояла внѣ окопа или ограды этого первичнаго поселка.

Городокъ и до постройки деревянныхъ стѣнъ могъ именоваться *Кремником*, *Кремлемъ* и *Кремлевникомъ*, такъ какъ это имя въ коренной формѣ *Кремь* и доселѣ въ сѣверномъ областномъ языкѣ обозначаетъ тотъ же *боръ* или крѣпкій и крупный строевой хвойный лѣсъ въ завѣтномъ бору, растущій среди моховыхъ болотъ {Отеч. Записки 1844 г., Но 2, Смѣсь, стр. 84 и 85.}, которые и у Кремля оставили свое имя въ улицѣ *Моховая*.

У Ивановскаго монастыря *Кулижки* также обозначали болотистую мѣстность.

Въ 1394--5 году онъ съ Симеономъ Чернымъ и учениками росписалъ церковей Рождества Богородицы у хоромъ вел. княгини: въ 1399 г. соборъ Архангельскій; въ 1405 была росписана Благовѣщенская церковей на Великокняжескомъ дворѣ, а въ 1408 г. соборъ во Владимірѣ мастерами Данииломъ иконникомъ и Андреемъ Рублевымъ.

Очень любопытно и то обстоятельство, что Новгородъ и Псковъ, при своемъ богатствѣ и при постоянныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, не успѣли водворить у себя надобныя художества и по нуждѣ обращались все-таки въ Москву. Псковскій лѣтописецъ разсказываетъ такой случай. Въ 1420 г. Псковичи наняли мастеровъ Ѳедора и дружину его "побивати церковей Св. Троицы свинцомъ, и не

обрѣтоша Псковичи такова мастера во Псковѣ, ни въ Новгородѣ, кому лити свинчатыя доски. Къ Нѣмцемъ посылали въ Юрьевъ, поганіи не даша мастера. И пріѣхаль мастеръ изъ Москвы отъ Фотія митрополита и научилъ Ѳедора мастера Св. Троицы, а самъ потомъ отѣхаль на Москву. И тако побита бысть Св. Троица Августа во 2 день и даша мастеромъ 44 руб."

Мы упоминали, что въ 1342 г. Московскій же мастеръ Борисъ лить колокола для Новгорода.

Въ то время всѣ такія художества и ремесла сосредоточивались у Божьяго храма и главнымъ образомъ во дворѣ митрополита подъ защитою тѣхъ льготъ, какія были даны митрополиту огъ Ордынскихъ царей. Извѣстно, что всѣ *церковные* люди, состоявшіе въ вѣдомствѣ митрополіи, были освобождены отъ всякихъ даней и пошлинъ, а къ церковнымъ людямъ принадлежали и ремесленники, писцы, каменные здатели, древодѣлы и иные мастера, каковы ни буди, какъ упоминалось въ царскихъ ярлыкахъ-грамотахъ.

Очень понятно, что при этихъ льготахъ подъ крыло митрополичьяго вѣдомства собиралось все сколько-нибудь выдающееся достоинствомъ своего мастерства, и такимъ образомъ митрополичій дворъ становился доброю школою для всякаго художества и ремесла на церковную потребность.

Къ концу XV ст. миновали тяжкія испытанія Московской политической твердыни, миновали годы всяческихъ бѣдствій, длившіеся цѣлое столѣтіе.

Настало время *Государя* Ивана III, совсѣмъ другое время, какое было при Иванѣ I, при великомъ князѣ, Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ.

Но и въ это другое время Московская Исторія собственно города или его устройства въ точности повторила тѣже основы городскихъ событій, какими ознаменовалось время Ивана Калиты. Его праправнукъ Иванъ III Васильевичъ неотмѣнно шествуетъ въ устройствѣ города по стопамъ своего знаменитаго прапрадѣда. Твердое основаніе Московскому первенству среди другихъ Княжествъ при Калитѣ было положено въ построеніи въ Москвѣ перваго каменнаго соборнаго храма во имя Успенія Богородицы, который собственными руками заложилъ первосвятитель всея Руси св. Петръ митрополитъ, вскорѣ почившій и погребенный въ недостроенномъ еще храмѣ. Вскорѣ послѣ того за Москвою уже навѣки утвердилось и Великое Княженіе, то-есть великокняжеское старшинство въ Русской Землѣ.

б. Великимъ, сильнѣйшимъ дѣятелемъ раздробленной древней Руси, сильнѣйшимъ дѣятелемъ именно ея раздробленія, былъ Новгородъ Великій. Живя на далекомъ краю Русской Земли, онъ и въ это время очень помогаль политическому разьединенію Земли и самъ хотѣль уйти къ Польскому королю Казиміру, то-есть хотѣль бороться съ единодержавіемъ Москвы при помощи Литвы, какъ нѣкогда боролась съ Москвою не совсѣмъ счастливая Тверь.

Московское единодержавіе не могло оставить эту Новгородскую попытку безъ должнаго напоминанія, что Новгородская великая область искони составляетъ неотъемлемый край Русской Земли и не можетъ отдѣляться отъ нея въ Литовскую сторону. Дѣло началось ратнымъ походомъ на Новгородъ, порѣшившимъ въ битвѣ на р. Шелонѣ, что замыслы разноситъ на части Русскую Землю теперь никогда уже не останутся безнаказанными. Это случилось въ лѣтнюю пору 1471 года, когда митрополитъ Филиппъ сталъ усердно помышлять о постройкѣ новаго каменнаго соборнаго храма въ Москвѣ, ибо старый, построенный Калитою, отъ древности и отъ многихъ пожаровъ грозилъ уже разрушеніемъ, своды его уже были подкрѣплены, подперты древами толстыми. А за годъ передъ тѣмъ (1470 г.) послѣ пожара, отъ котораго въ городѣ осталось всего 3 двора, разрушился совсѣмъ и застѣнный предѣлъ собора во имя Поклоненія Веригъ Апостола Петра. Теперь святитель Филиппъ прежде всего началъ собирать казну для новой постройки: "Сотвори *тягиню* велику со всѣхъ поповъ и монастырей сбирати серебро на церковное созданіе *сильно*, а бояре и гости своею волею давали отъ своего имѣнія. По всей своей митрополіи онъ посылалъ съ добромъ (разнымъ товаромъ) Преч. Богородицы торговати (продавать), чтобы что прибыло церкви Божіей въ подможеніе".

Несомнѣнно, что и вел. князь, получившій съ Новгородцевъ за ихъ вину 16 тысячъ новгородскихъ рублей, также вложилъ свою богатую лепту на новую постройку. Собравши премного-много серебра, митрополитъ замыслилъ выстроить храмъ великій и высокій, подобный

собору Владимірскому, что былъ построенъ Андреемъ Боголюбскимъ и его братомъ Всеволодомъ. Святитель много разъ видѣлъ этотъ чудный храмъ и возгорѣлся желаніемъ создать такой же храмъ и въ Москвѣ. Призваны были мастера, каменосѣчцы, Ивашка Кривцовъ да Мышкинъ, которыхъ святитель отправилъ во Владиміръ осмотрѣть и изслѣдовать тотъ храмъ и мѣру сняти съ него, широту и высоту, и алтарь. Мастера подивились чудной постройкѣ и взялись за дѣло съ увѣреніемъ, что выстроять еще и обширнѣе новый храмъ. Митрополитъ привлекъ къ дѣлу и множество умѣющихъ дѣлателей-работниковъ всякаго мастерства, нарочно для того даже и купленныхъ имъ въ крѣпость.

7. Великій князь рѣшилъ, наконецъ, послать за мастеромъ въ Венецію, такъ какъ съ Дюкомъ Венецкійскимъ въ то время происходили оживленные сношенія.

Черезъ два мѣсяца послѣ разрушенія церкви, 24 іюля, туда былъ отправленъ посломъ Семень Толбузинъ съ порученіемъ пытаться отыскивать мастера церковнаго.

Возвратившись съ успѣхомъ въ Москву (въ 1475 г.), Толбузинъ рассказывалъ, что много тамъ у нихъ мастеровъ, да ни одинъ не пожелалъ ѣхать на Русь, и только одинъ согласился, и порядился съ нимъ давать ему за службу по 10 руб. на мѣсяць. Его звали Аристотелемъ ради хитрости его художества. Звали его къ себѣ ради его хитрости и Турецкій царь, что въ Цареградѣ нынѣ сѣдитъ.

Церковь въ Венеціи св. Марка вельми чудна и хороша да ворота Венецкія, сказываютъ его же дѣла, вельми хитры и хороши.

Да еще показалъ онъ ему, Семену, такую хитрость свою: позвалъ его къ себѣ на домъ, а домъ у него добръ и полаты есть; да велѣлъ принести блюдо мѣдное на четырехъ яблокахъ, а на немъ сосудъ, какъ умывальница, какъ оловяникъ (кувшинъ), и началъ лить изъ него изъ одного воду и вино и медь, чего хочешь, то и будетъ.

Венецкій князь никакъ не хотѣлъ отпустить его на Русь и только послѣ многихъ просьбъ и увѣреній въ большой къ нему дружбѣ велякаго князя Москвы едва отпустилъ его, какъ бы въ драгоцѣнный даръ.

Взялъ съ собою тотъ Аристотель своего сына Андрея да паробка, Петрушею зовутъ: можетъ быть, это тотъ Петръ Антон. Фрязинъ, прибывшій въ Москву въ 1490 г. и строившій потомъ башни и стѣны Кремля.

Пока Толбузинъ хлопоталъ, ходатайствовалъ объ отпускѣ Аристотеля, прошло не мало времени, такъ что они прибыли въ Москву уже весною на другой годъ, 1475, на самую Пасху, 26 марта. Возвратился посолъ Толбузинъ, замѣчаетъ другой лѣтописецъ, и привелъ съ собою мастера *Муроля*, кой ставилъ церкви и полаты, Аристотель именемъ, также и пушечникъ онъ нарочить лити ихъ и бити изъ нихъ, и колоколы и иное все лити хитръ вельми.

Радостное торжество св. Пасхи увеличилось для всѣхъ Москвитей съ пріѣздомъ этого славнаго Муроля, о дѣянїяхъ котораго лѣтописцы усердно и съ любовью записывали въ свои сборники всякую подробность, особенно по сооруженію любезнаго имъ храма.

Муроль обстоятельно осмотрѣлъ разрушенный храмъ. Похвалилъ *гладость* сооруженія, похулилъ известъ, что не клеевита, да и камень, сказалъ, не твердъ. Камень былъ, по всему вѣроятію, Мячковскій изъ подмосковныхъ каменоломенъ. Плита, т.-е. кирпичъ, тверже камня, примолвилъ онъ, а потому своды надо дѣлать плитою. Онъ не согласился строить вновь сѣверную стѣну, чтобы сомкнуть ее съ южною, и рѣшилъ все сломать и начать дѣло сызнова.

Для этого 16 апрѣля 1475 г. послѣдовало новое перенесеніе мощей митрополитовъ св. Петра, Ѳеогноста, Кипріана, Фотія, Іоны теперь въ церковь Іоанна Святаго подъ Колоколы.

На другой же день 17 апрѣля Муроль началъ разбивать оставшіяся стѣны собора и въ тотъ же день разбилъ два столпа и западныя двери со стѣною.

А разбивалъ онъ такимъ образомъ: поставилъ три дерева, совокупивъ ихъ верхніе концы воедино, а между деревьями повѣсилъ на канатѣ брусъ дубовый, съ конца окованный желѣзомъ, и,

раскачивая этот брусъ, разбивалъ имъ стѣны. А другія стѣны съ исподи, съ низу подбиралъ и на бревнахъ ставилъ, потомъ зажигалъ бревны и отъ сгорѣвшаго дерева стѣны падали. Чудно было видѣть, восклицаетъ лѣтописецъ, что три года дѣлали, а онъ въ одну недѣлю и даже меньше все развалилъ, такъ что не успѣвали выносить камень, а то бы въ три дни хотѣлъ развалить. Книжники называли этотъ дубовый брусъ *бараномъ* и говорили, что написано въ книгахъ, какъ таковымъ образомъ Тить Ерусалим разбилъ.

Ѣздилъ Муроль и во Владиміръ смотрѣть тамошній соборъ. Похвалилъ дѣло, сказавши: "нѣкихъ нашихъ мастеровъ дѣло".

Въ началѣ іюня Муроль началъ рвы копать на основаніе церкви, снова, глубиною въ двѣ сажени, а въ иномъ мѣстѣ и того глубже. Во рвахъ также набилъ *коліе дубовое*, сваи.

И кирпичную печь устроилъ за Андронниковымъ монастыремъ, въ Калитниковѣ {Нынѣ Калитниковское кладбище, возлѣ котораго и доселѣ остаются обширныя копаныя ямы Аристотелевскаго кирпичнаго завода, прорѣзанныя Курскою желѣзною дорогою. Кирпичъ Аристотеля имѣлъ длины 6 1/2 верш., ширины около 2 1/2 вершковъ, толщины 1 1/2 вершка.}, въ чемъ ожигать кирпичъ и какъ дѣлать, нашего Русскаго кирпича уже да продолговатѣе и тверже, когда его надо ломать, то въ водѣ размачиваютъ. Известъ же густо мотыками повелѣлъ мѣшать, какъ на утро засохнетъ, то и ножемъ невозможно расколупить.

Послѣ того Муроль обложилъ церковь продолговатую полатнымъ образомъ (1475).

На первое лѣто онъ вывелъ постройку изъ земли. Камень ровный и внутри велѣлъ класть. Известъ какъ тѣсто густое растворялъ и мазали лопатками желѣзными. Четыре столпа внутри самой церкви заложилъ круглыя, такъ, говорилъ, крѣпче будутъ стоять, а въ алтарѣ два столпа заложилъ четырехугольныя кирпичныя. И все дѣлалъ въ кружало (по циркулю) да въ правило (по линейкѣ).

На второе лѣто 1476 г. Муроль вывелъ стѣны храма по кивоты, которые сдѣланы снаружи стѣнъ въ видѣ пояса и представляютъ рядъ колонокъ, соединенныхъ круглыми перемычками. Внутри же стѣнъ *всуцѣпны* желѣзные положилъ какъ правило на веретенахъ, а межъ столповъ, гдѣ кладутъ для связи брусъ дубовое въ нашихъ церквахъ, то все (т.-е. всѣ связи) желѣзное кованое положилъ.

На третье лѣто (1477) достигнувъ подсводной части зданія, Муроль, чтобы доставлять камень и кирпичъ наверхъ, сотворилъ колесо, съ малыми колесцами, которыя плотники *въкшею* зовутъ, чѣмъ на избу землю волочатъ, и этимъ снарядомъ посредствомъ веревокъ взволакивалъ на верхъ всѣ тяжести. Уже не носили камни на плечахъ, а прицѣпляли ихъ къ веревкамъ и колесами безъ труда притягивали ихъ на верхъ,--чудно было видѣти, отмѣчаетъ лѣтописецъ.

Чудно было также видѣть, какъ онъ на столпы положилъ по 4 камня великихъ и совокупилъ кружало (сводъ) и истесалъ на нихъ по 4 конца на четырехъ странахъ, одно противъ другого, точно на каменныхъ деревьяхъ, насквозь камень то сбито.

Наконецъ, на четвертое лѣто, въ 1478 г., славная постройка была окончена вчернѣ. Аристотель соорудилъ у ней 4 верха, кромѣ большой средней главы. Внутри вокругъ шеи этой главы устроилъ потаенную *казну*, хранилище для опасныхъ случаевъ; полати построилъ возлѣ алтаря отъ южныхъ дверей и тутъ же вывелъ лѣстницу, всходить на верхъ храма. Церковныя своды свелъ въ одинъ кирпичъ; помость намостилъ мелкимъ камнемъ (мозаично); въ алтарѣ надъ митрополичьимъ горнимъ мѣстомъ, за престоломъ, крыжъ Лятскій истесалъ на камни, который послѣ митрополитъ стесать велѣлъ. Передъ *передними*, западными дверьми помость (площадку) накрылъ камнемъ и сводъ въ одинъ кирпичъ свелъ и середку повѣсилъ на гирѣ желѣзной, какъ это существуетъ и до сихъ поръ.

Кровлю дѣлать вел. князь повелѣлъ мастерамъ только что совсѣмъ покореннаго имъ Новгорода, которые и покрыли зданіе сначала деревомъ вельми хорошо, а по дереву нѣмецкимъ желѣзомъ бѣлымъ. Совсѣмъ постройка была окончена на пятое лѣто въ 1479 г.

Была та церковь, пишетъ лѣтописецъ, чудна вельми величествомъ и высотой и свѣтлостію и звоностію и пространствомъ, таковой прежде не бывало на Руси кромѣ Владимірской.

12 августа 1479 г. соборъ былъ торжественно освященъ митрополитомъ Геронтиемъ съ архіепископомъ Ростов. Вассіаномъ, епископомъ Суздальскимъ Евфиміемъ и Сарскимъ *Прохоромъ*.

8. В 60-е годы XIV века усиление Московского княжества в Северо-Восточной Руси и темника Мамаю в Золотой Орде шло практически одновременно, причём объединению Орды под властью Мамаю способствовали русские князья своими победами над Тагаем у Шишевского леса в 1365 году, над Булат-Темиром на р. Пьяна в 1367 году и походом на среднюю Волгу в 1370 году.

Когда в 1371 году Мамай дал ярлык на великое владимирское княжение Михаилу Александровичу Тверскому, Дмитрий Иванович сказал послу Ачихоже «*к ярлыку не еду, князя Михаила на княжение в землю владимирскую не пушу, а тебе, послу, путь чист*», что явилось переломным моментом в отношениях Москвы и Орды. В 1374 году Дмитрий отказался выплачивать дань и собрал своих сторонников на съезд в Переславле-Залесском.

Весной 1376 года русское войско во главе с Д. М. Боброком-Волынским вторглось на среднюю Волгу, взяло откуп 5000 рублей с мамаевых ставленников и посадило там русских таможенников.

В 1376 году перешедший на службу к Мамаю с левобережья Волги хан Синеи Орды Арапша разорил Новосильское княжество, избегая сражения с вышедшим за Оку московским войском, в 1377 на р. Пьяна разгромил не успевшее изготавиться к битве московско-суздальское войско, разорил Нижегородское и Рязанское княжества.

В 1378 году Мамай всё-таки решился на прямое столкновение с Дмитрием, но посланное им войско под командованием мурзы Бегича потерпело сокрушительное поражение на р. Вожа. Рязанское княжество сразу же вновь было разорено Мамаем, но в 1378–1380 годах Мамай потерял свои позиции и на нижней Волге в пользу Тохтамыша.

Сбор русских войск был назначен в Коломне 15 августа 1380 года. Из Москвы в Коломну выступило ядро русского войска тремя частями по трём дорогам. Отдельно шёл двор самого Дмитрия, отдельно полки его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского и отдельно полки подручных белозерских, ярославских и ростовских князей.

Также прибыли войска из Суздальского и Смоленского великих княжеств. Согласно некоторым источникам (более поздняя Никоновская летопись и принявший её версию Соловьёв С. М.), в сборе участвовали также тверской полк, приведённый племянником Михаила Александровича Иваном Всеволодовичем, а также присоединившиеся непосредственно перед битвой новгородцы, но историки^{[14][15]} подвергают сомнениям достоверность этих сведений.

Уже в Коломне был сформирован первичный боевой порядок: Дмитрий возглавил большой полк; Владимир Андреевич с ярославцами — полк правой руки; в полк левой руки был назначен командующим Глеб Брянский; передовой полк составили коломенцы.

Получивший большую известность, благодаря житию Сергия Радонежского, эпизод с благословением войска Сергием в ранних источниках о Куликовской битве не упоминается^[16]. Существует также версия (В. А. Кучкин), согласно которой рассказ жития о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем относится не к Куликовской битве, а к битве на реке Воже (1378 г.) и связан в «Сказании о Мамаевом побоище» и других поздних текстах с Куликовской битвой уже впоследствии, как с более масштабным событием^[17], однако в большинстве источников эпизод благословения под сомнения не ставится.

Непосредственным формальным поводом предстоящего столкновения стал отказ Дмитрия от требования Мамаю увеличить выплачиваемую дань до размеров, в которых она выплачивалась при Джанибеке. Мамай рассчитывал на объединение усилий с великим князем литовским Ягайло и Олегом Рязанским против Москвы, при этом он рассчитывал на то, что Дмитрий не рискнёт выводить войска за Оку, а займёт оборонительную позицию на её северном берегу, как уже делал это в 1373 и 1379 годах. Соединение сил союзников на южном берегу Оки планировалось на 14 сентября.

Однако Дмитрий, осознавая опасность такого объединения, 26 августа стремительно вывел войско на устье Лопасни, осуществил переправу через Оку в рязанские пределы. Следует заметить, что Дмитрий повёл войско к Дону не по кратчайшему маршруту, а по дуге западнее центральных районов Рязанского княжества, приказал, чтобы ни один волос не упал с головы рязанца. «Задонщина» упоминает в числе погибших на Куликовом поле также 70 рязанских бояр^[18]. Решение о переходе Оки стало неожиданным не только для Мамаю. В русских городах, пославших свои полки

на коломенский сбор, переход Оки с оставлением стратегического резерва в Москве был расценен как движение на верную смерть:

а пути к Дону, в урочище Березуй, к русскому войску присоединились полки литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Андрей был наместником Дмитрия во Пскове, а Дмитрий — в Переяславле-Залесском, однако, по некоторым версиям, они привели и войска из своих прежних уделов, бывших в составе Великого княжества Литовского — соответственно Полоцка, Стародуба и Трубчевска. Полк правой руки, сформированный в Коломне во главе с Владимиром Андреевичем, выполнял затем в битве роль засадного полка, за исключением вставших на левый фланг ярославцев, Андрей Ольгердович в битве возглавил полк правой руки, получив под своё начало также ростовцев, о возможных перестановках в передовом и большом полках неизвестно. Историк военного искусства Разин Е. А. указывает на то, что русская рать в ту эпоху состояла из пяти полков, однако, считает полк во главе с Дмитрием Ольгердовичем не частью полка правой руки, а шестым полком, частным резервом в тылу большого полка.

Русские летописи приводят следующие данные о численности русского войска: «Летописная повесть о Куликовской битве» — 100 тыс. воинов Московского княжества и 50—100 тыс. воинов союзников, «Сказание о Мамаевом побоище», написанное также на основе исторического источника — 260 тыс. или 303 тыс., Никоновская летопись — 400 тыс. (встречаются оценки численности отдельных частей русского войска: 30 тысяч белозерцев, 7 или 30 тысяч новгородцев, 7 или 70 тысяч литовцев, 40—70 тысяч в засадном полку). Однако следует учитывать, что цифры, приводимые в средневековых источниках, обычно крайне преувеличены. Более поздние исследователи (Е. А. Разин и др.), подсчитав общее количество населения русских земель, учтя принцип комплектования войск и время переправы русской армии (количество мостов и сам период переправы по ним), останавливались на том, что под знамёнами Дмитрия собралось 50—60 тысяч воинов (это сходится с данными В. Н. Татищева о 60 тысячах), из них лишь 20—25 тысяч — войска непосредственно Московского княжества. Значительные силы пришли с территорий, контролировавшихся Великим княжеством Литовским, но в период 1374—1380 годов ставших союзниками Москвы (Брянск, Смоленск, Друцк, Дорогобуж, Новосиль, Таруса, Оболенск, предположительно Полоцк, Стародуб, Трубчевск). С. Б. Веселовский считал в ранних своих работах, что на Куликовом поле было около 200—400 тысяч человек, но с течением времени пришёл к мнению, что в битве русская армия могла насчитывать только 5—6 тыс. человек^[20]. По мнению А. Булычёва, русское войско (как и золотоордынское) могло составлять около 6—10 тысяч человек при 6—9 тысячах лошадей (то есть в основном это было кавалерийское сражение профессиональных всадников). С его точкой зрения согласны и руководители археологических экспедиций на Куликовом поле: О. В. Двуреченский и М. И. Гоняный. По их мнению, Куликовская битва была конным сражением, в котором с обеих сторон приняло участие около 5—10 тысяч человек, причём это было кратковременное сражение: около 20—30 минут вместо летописных 3 часов. В московском войске были как княжьи дворы, так и городовые полки Великого княжества Владимирского и Московского. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что русские войска шли в битву под чёрным, то есть, тёмно-красным или багровым, знаменем с изображением золотого образа Иисуса Христа.

9. Современный вид Московского Кремля сложился в 1485-1495 году по инициативе Ивана III. В строительстве было задействовано огромное количество лучших зодчих «всея Руси». Также на постройке стен и башен крепости были задействованы итальянские мастера в области строительства оборонительных сооружений. Итальянцы в то время строили Москву повсеместно, но все же исконно русские замыслы не были убиты, иноземное влияние сошло на нет. Первая Тайницкая башня в Кремле была построена в 1485 году Антоном Фрязиным. Здесь же были обеспечены тайные проходы к реке и колодец, обеспечивающий защитников крепости водой.

В 1487 году юго-восточный угол заняла Беклемишевская круглая башня Марко Фрязиным. Чуть позже были построены и все остальные башни Кремля.

Народом почитались главные ворота Фроловской башни. Через них не проходили на лошадях и с покрытой головой. Позже Фроловская башня была переименована в Спасскую из-за помещенных здесь икон Спаса Смоленского и Спаса Нерукотворного. Согласно документам главные часы государства в этой башне появились еще в 1491 году.

В 1625 году часы заменили на новые. Мастером выступил Христофор Головей, а Кирилл Самойлов отлил для них 30 колоколов.

На территории Кремля первым каменным зданием являлся Успенский собор, заложенный в 1326 году, при Иване Калите. Строители (вероятно, из Суздаля) возводили здания из белого камня (известняка). В 1329 году закладывается церковь Ивана Лиственичника, в 1330 — храм Спаса на княжеском дворе, в 1333 году на месте деревянной возводится церковь архангела Михаила.

Эти постройки не сохранились. Аналогом пространственного решения тогдашних храмов может, вероятно, служить Звенигородский Успенский собор (XIV век), продолжавший традиции Владимиро-Суздальской архитектуры. Это одноглавный храм строгих пропорций, квадратный в плане, с тремя апсидами. Фасад расчленён архитравом по горизонтали и опорными столбами по вертикали.

В 1367 году при Дмитрие Донском строятся первые белокаменные стены Кремля. Его периметр (около 2000 м) близок к нынешнему, составляющему 2235 м при площади в 26,5 га. Первоначально Кремль имел 8 или 9 башен. Каменная кладка была выполнена за один сезон. Количество рабочих оценивается примерно в 2000 человек^[12]. Верхняя часть стен и башен, а также кровля были деревянными. В 1475—1479 годах сооружается Успенский собор Кремля, сохранившийся до наших дней. Его строительство связано с именем Аристотеля Фиораванти, который отказался от непрочного известняка и создал в Калитникове завод по производству глиняного обожжённого кирпича.

В 1485—1495 годах при Иване III стены Кремля были перестроены и приобрели вид, близкий к современному. При этом известняк также был заменен кирпичной кладкой. В некоторых местах (в частности, вдоль набережной) до сих пор остался белокаменный фундамент Кремля Дмитрия Донского. Одновременно возводятся Благовещенский собор, Грановитая палата, в начале XVI века — Архангельский собор (усыпальница российских государей), составляющие уникальный ансамбль Московского Кремля.

Во второй половине XVI века на Красной площади в честь взятия Казани был сооружен собор Василия Блаженного (Храм Покрова на рву) - замечательный памятник, внесенных в список всемирного наследия ЮНЕСКО в составе архитектурного ансамбля Красной площади.

Первоначальный посад, т. е. часть города, лежащая вне крепости, возник еще на территории современного Кремля, но с его постепенным расширением отеснялся все дальше на восток - к основанию мыса при слиянии Москвы и Неглинной. Весь нынешний Китай-город был заселен, по видимому, уже к концу XIV в. Строительство первых укреплений этого уже вполне оформившегося городского района начинается в XV в.

Относительно происхождения названия этого района существует несколько гипотез. Согласно одной из них, слово «Китай» означает в переводе с монгольского «средний»; таким образом, Китай-город - средний город, расположенный между замком-Кремлем и неукрепленным предместьем. Другая гипотеза производит это название от слова «кита», обозначавшего изгородь из кольев и прутьев, своего рода плетень, которым, возможно, был окружен Китай-город по верху земляных валов. Наконец, вполне возможно, что слово «Китай» восходит к общему для многих европейских языков корню «сит-кит», означающему город (французское *site*, английское *city*, итальянское *cita*).

Заселение древнейшей, южной части Китай-города началось еще в 11 веке. В 14 веке эту территорию уже занимал торговый и ремесленный посад, выросший под стенами Кремля.

Вначале Китай-город был обнесен земляным валом и бревенчатыми укреплениями, а в 1535-1538 годах на их месте построили Китайгородскую стену. В то время Китай-город, как и Красная площадь, был уже важным торговым центром Москвы. И не только торговым: в 16 веке здесь, на Никольской улице был построен Печатный двор, где работал первопечатник Иван Федоров; в конце 17 века - Монетный двор; в 1687 году в Заиконоспасском монастыре была открыта Славяно-греко-латинская академия - прообраз университета.

10. В Смутное время, когда в 1610 г. велемудрые Московские бояре присягнули королевичу Владиславу и отдали Москву во власть Полякамъ, въ Кремль на Царьборисовскомъ дворѣ поселился самъ панъ гетманъ Жолкѣвскій и вмѣстѣ съ нимъ оставленный имъ послѣ своего отъѣзда главнокомандующимъ Польскою силою и градоначальникомъ Москвы панъ Александръ

Гонсѣвскій, который по указаніямъ гетмана въ полномъ недоувѣрїи къ Русскимъ распорядился самымъ предусмотрительнымъ образомъ. Ключи городовые отъ всѣхъ воротъ забралъ къ себѣ, весь нарядъ (артиллерїю), пушки со всѣхъ городскихъ стѣнъ, а также зелье (порохъ), свинець, пушечныя ядра и всякіе пушечные запасы собралъ въ Кремль да въ Китай городъ, а иное и на Цареворисовъ дворъ, къ своему жилью. Во всѣхъ городскихъ воротахъ онъ поставилъ сторожами своихъ Поляковъ, вмѣсто стрѣльцовъ, которыхъ всѣхъ выслалъ совсѣмъ изъ города; рѣшетки у улицъ сломалъ и обывателямъ строго запретилъ носить какое-либо оружіе, даже и плотникамъ съ топорами не велѣлъ ходить и ножи на бедра никому не велѣлъ носить.

Для Поляковъ такія предосторожности были очень необходимы, потому что занявшее городъ и Кремль ихъ войско не было достаточно. Маскѣвичъ пишетъ, что они вступили въ городъ тихо, какъ бы тайкомъ, не желая показать обывателямъ слабыя свои силы.

По свидѣтельству Маскѣвича они вошли въ Кремль 9 октября по новому стилю; по свидѣтельству Польскаго Дневника--27 сентября по старому стилю. Выходить разница въ двухъ дняхъ.

Гетманъ Жолкѣвскій жилъ на Цареворисовскомъ дворѣ всего только мѣсяць и 6 ноября, по новому стилю, уѣхалъ къ Смоленску для свиданія съ королемъ. Въ Борисовскихъ полатахъ, какъ и при Самозванцѣ, былъ устроенъ костель. Происходило служеніе по Римскому обряду, и Латинское пѣніе доносилось отсюда до хоромъ патріарха Ермогена, сердечно негодовавшего на такое поруганіе Православной вѣры о Христѣ.

Гонсѣвскій прожилъ здѣсь почти до самаго конца Польскаго владычества надъ истерзанною Русью, до конца іюня, то-есть слишкомъ 1^{1/2} года. 27 іюня 1612 г. онъ изъ соперничества съ паномъ Струсемъ, прибывшимъ къ Москвѣ съ новымъ войскомъ, выступилъ изъ Кремля, а на его мѣсто въ градоначальники вступилъ этотъ панъ Струсъ, который, конечно, поселился на той же квартирѣ Гонсѣвскаго, на Цареворисовскомъ дворѣ.

Но новый градоначальникъ, очень желавшій удержать Москву для королевича Владислава, пришелъ только для своего несчастія. Въ это время Нижегородская рать стояла уже въ Ярославлѣ. Отъ нея, какъ отъ благодатнаго солнца, съ великою силою двигалось очищеніе народныхъ умовъ, освѣщалась тьма народной смуты и, несмотря на измѣнные подвига собиравашагося подъ Москвою казачества, засѣвшіе въ Кремлѣ Поляки день ото дня все больше и больше стѣснялись и обездоливались. Въ послѣднее время они претерпѣвали невыносимый, неслыханный голодь. "Ни въ какихъ лѣтописяхъ, ни въ какихъ исторїяхъ нѣтъ извѣстій", говоритъ ихъ дневникъ, "чтобы кто-либо, сидящій въ осадѣ, терпѣлъ такой голодь, чтобы былъ гдѣ-либо такой голодь, потому что когда насталъ этотъ голодь и когда не стало травъ, корней, мышей, собакъ, кошекъ, падали, то осажденные съѣли плѣнныхъ, съѣли умершія тѣла, вырывая ихъ изъ земли; пѣхота сама себя съѣла и ѣла другихъ, лова людей. Пѣхотный порутчикъ Трусовскій съѣлъ двоихъ своихъ сыновей; одинъ гайдукъ тоже съѣлъ своего сына, другой съѣлъ свою мать; одинъ товарищъ съѣлъ своего слугу; словомъ, отецъ сына, сынъ отца не щадилъ; господинъ не былъ увѣренъ въ слугѣ, слуга въ господинѣ; кто кого могъ, кто былъ здоровѣе другого, тотъ того и ѣлъ. Объ умершемъ родственникѣ или товарищѣ, если кто другой съѣдалъ такового, судились какъ о наслѣдствѣ и доказывали, что его съѣсть слѣдовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дѣло случилось во взводѣ г. Леницкаго, у котораго гайдуки съѣли умершаго гайдука ихъ взвода. Родственникъ покойника, гайдукъ изъ другого десятка, жаловался на это передъ ротмистромъ и доказывалъ, что онъ имѣлъ больше права съѣсть его, какъ родственникъ; а тѣ возражали, что они имѣли на это ближайшее право, потому что онъ былъ съ ними въ одномъ ряду, строю и десяткѣ. Ротмистръ не зналъ, какой сдѣлать приговоръ, и, опасаясь, какъ бы недовольная сторона не съѣла самого судью, бѣжалъ съ судейскаго мѣста. Во время этого страшнаго голода появились разныя болѣзни и такіе страшные случаи смерти, что нельзя было смотрѣть безъ плачу и ужасу на умирающаго человѣка. Я много насмотрѣлся на такихъ. Иной пожиралъ землю подъ собою, грызъ свои руки, ноги, свое тѣло и

что всего хуже,--желалъ умереть поскорѣе и не могъ,--грызъ камень или кирпичъ, умоляя Бога превратить въ хлѣбъ, но не могъ откусить. Вздохи: ахъ, ахъ, слышны были по всей крѣпости, а внѣ крѣпости--плѣнь, смерть. Тяжкая это была осада, тяжкое терпѣніе!"

Проживая въ такомъ отчаянномъ положеніи цѣлыя недѣли, Поляки все надѣялись, что гетманъ Ходкевичъ спасетъ ихъ, доставивъ продовольствіе и свѣжее войско. Но Ходкевичу путь къ Кремлю былъ достопамятно прегражденъ Нижегородскимъ Ополченіемъ, которому, наконецъ, помогли и казаки. Услыхавъ объ этомъ, Поляки порѣшили, наконецъ, сдаться. Панъ Струсь, мужъ великой храбрости и многого разсужденія, по отзыву Русскаго лѣтописца, на площади передъ Иваномъ Великимъ собралъ оголодавшее, отъ глада ослабѣвшее славное свое рыцарство и предложилъ вопросъ: какъ быть? Всѣ единодушно рѣшили отдаться Москалямъ, просить милости, чтобы оставили всѣхъ живыми. 28 октября Кремлевскія ворота были отворены, и Русскіе вошли въ запустѣлый и разоренный Кремль.

Панъ Струсь былъ сначала посаженъ за стражею въ *Кирилловъ* монастырь (на подворье; въ Дневникѣ написано, вѣроятно ошибочно, Кризовскій, а можетъ быть и Крутицкій), потомъ перевели его въ Чудовъ покрѣпче, а затѣмъ посадили его въ тѣсный дворъ, укрѣпивъ его острогомъ.

Послѣ того панъ Струсь былъ взятъ со всѣмъ своимъ полкомъ въ казацкіе таборы Трубецкаго. Другой полкъ пана Будилы взятъ въ ополченіе Пожарскаго. Въ таборахъ почти весь Струсевъ полкъ былъ побитъ, несмотря на уговоръ при сдачѣ, что будутъ всѣ цѣлы.

Кн. Трубецкой, почитая себя главнокомандующимъ въ собравшемся ополченіи на Поляковъ, тотчасъ поселился на томъ же Царевборисовскомъ дворѣ, который, повидимому, представлялъ во всемъ Кремлѣ наиболѣе устроенное и удобное помѣщеніе для начальниковъ. Пожарскій остановился на Арбатѣ въ Воздвиженскомъ монастырѣ.

Царскій дворецъ въ это время былъ вполне опустошенъ, стоялъ безъ кровель, безъ оконницъ и дверей, безъ половъ, такъ что и самому избранному царю Михаилу негдѣ было поселиться.

11. Величавая и красивая Красная площадь в Москве. Каждый, кто приезжает в столицу, спешит пройти по ее брусчатой мостовой. Здесь прошлое и настоящее, неразрывно связанное, переплелось в ее архитектурном облике. Перед многоглавым каменным собором Василия Блаженного стоит скульптурный монумент в память победы русского оружия в 1612 году в борьбе с польско-шляхетскими интервентами. На его гранитном постаменте надпись из бронзовых букв: *"Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия"*.

Смутное то было время. Горела земля. Рушились под натиском иноземцев стены древних городов. Многие русские земли из-за изменников-бояр, напуганных вспыхнувшим в то время восстанием под руководством Ивана Болотникова, были без боя отданы чужеземным захватчикам. Отряды самозванца Лжедмитрия II, жаждущего царского престола, хозяйничали в Москве. И в этот критический момент с особой силой проявился патриотизм русского народа, его святая любовь к отчизне. Во имя спасения родины нижегородским старостой Кузьмой Мининым (1577-1616) был брошен клич "не пожалети животов своих" для освобождения Москвы и всей земли Русской.

Возглавляемое им и Дмитрием Пожарским (1578-1641) войско народного ополчения двинулось с боями на Москву. 27 октября 1612 года столица была освобождена, и началось окончательное изгнание интервентов с Русской земли, завершившееся полной победой.

К 200-летию этого события был сооружен памятник Минину и Пожарскому. Впервые мысль о его создании родилась в 1803 году. Ее подал Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств один из самых радикальных последователей Радищева Василий Попугаев. Однако в то время эта идея не нашла отклика в правительственных кругах, считавших ее непосильной для общества. Но голос передового литератора подхватил выдающийся русский скульптор И. П. Мартос. Уже в 1804 году он создает по своей инициативе первый эскиз памятника.

В 1808 году был вновь поднят вопрос о памятнике Минину и Пожарскому - на сей раз жителями Нижнего Новгорода. Лишь после того как они собрали деньги, Александр I объявил конкурс и повелел установить памятник в Нижнем Новгороде.

В конкурсе участвовали видные русские скульпторы. Лучшим проектом была признана работа Мартоса, который сумел выразить единые патриотические чувства героев.

Мартос смог доказать, что лучшее место для памятника - Москва, а не Нижний Новгород (в этом городе - ныне Горький - памятник-обелиск Минину и Пожарскому был установлен в 1828 году - скульптор И. П. Мартос, архитектор А. И. Мельников), избрав для него место около Торговых рядов на Красной площади лицом к Кремлю, а не спиной - посередине площади, как того требовал Александр I.

В первой половине XVIII века в Москве были построены такие известные здания, как Меншикова башня, а также разрушенные впоследствии Красные ворота. Наиболее значительные достижения в московской архитектуре второй половины XVIII века связаны с работами таких архитекторов, как Василий Баженов и Матвей Казаков. Оба они известны прежде всего по архитектурному комплексу в Царицыно и Петровскому замку. Баженов построил знаменитый Пашков дом. По проектам Казакова построены Благородное собрание, дворец генерал-губернатора, здание Сената в Московском Кремле, дом Елисеева Главный дворец в Царицыно и многие другие московские здания.

12. Главная армия Наполеона глубоко врезалась в Россию, подобно клину. В то время, когда Наполеон входил в Москву, над его левым флангом на севере в районе Полоцка висела армия генерала Витгенштейна, удерживаемая французскими корпусами маршалов Сен-Сира и Удино. Правый фланг Наполеона топтался близ границ Российской империи в Белоруссии. Армия генерала Тормасова связала своим присутствием австрийский корпус генерала Шварценберга и 7-й корпус генерала Ренье. Французские гарнизоны вдоль Смоленской дороги охраняли коммуникационную линию и тыл Наполеона.

19 октября французская армия (110 тысяч) с огромным обозом стала покидать Москву по Старой Калужской дороге. Наполеон планировал добраться до ближайшей крупной продовольственной базы в Смоленске по неразорённой войной местности — через Калугу.

Дорогу на Калугу Наполеону заслонила армия Кутузова, расположившись под селом Тарутино на Старой Калужской дороге. Из-за недостатка лошадей артиллерийский парк французов сократился, крупные кавалерийские соединения практически исчезли. Не желая прорываться с ослабленной армией через укрепленную позицию, Наполеон свернул в районе села Троицкого (современный Троицк) на Новую Калужскую дорогу (современное Киевское шоссе), чтобы обойти Тарутино. Однако Кутузов перебросил армию под Малоярославец, перерезав французам пути отступления по Новой Калужской дороге^[191].

24 октября состоялось сражение под Малоярославцем. Город восемь раз переходил из рук в руки^[192]. В конце концов, французам удалось захватить Малоярославец, но Кутузов занял укрепленную позицию за городом, которую Наполеон не рискнул штурмовать. Армия Кутузова к 22 октября насчитывала 97 тысяч регулярных войск, 20 тысяч казаков, 622 орудия и более 10 тысяч ратников ополчения^[193]. Наполеон имел под рукой до 70 тысяч боеспособных солдат, кавалерия практически исчезла, артиллерия была значительно слабее русской. Ход войны теперь диктовала русская армия.

25 октября Наполеон, осуществлявший объезд армии, едва не стал жертвой налёта казаков на обоз французской гвардии. В этот же день генерал Лефевр, разведывавший дорогу на Юхнов, потерпел поражение от казачьих отрядов Быхалова и Иловайского под Медынью. Наполеон чувствовал, что время работает на русских, которые неспеша готовят его армии «новую Полтаву». На вечернем совете в Городне, где решался вопрос о дальнейших действиях французской армии, Мюрат предрекал большие потери при отступлении от Боровска на запад и советовал возвращаться к Можайску. Мнения соратников Наполеона разделились и, закрывая совет, он заявил, что завтра примет решение^{[194][195]}.

26 октября Наполеон приказал отступать на север на Боровск—Верею—Можайск. В боях за Малоярославец русская армия решила крупную стратегическую задачу — сорвала план прорыва французских войск на Украину и заставила врага отступать по разорённой им Старой Смоленской дороге. Из Можайска французская армия возобновила движение к Смоленску той дорогой, по которой наступала на Москву^[196].

13. В залах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева (просп. Калинина, 5) экспонируется гипсовый бюст выдающегося русского писателя,

основоположника революционного направления русской общественной мысли - Александра Николаевича Радищева (1749-1802).

Этот погрудный портрет великого русского просветителя, "прорицателя вольности" - первое скульптурное произведение, созданное по ленинскому плану монументальной пропаганды.

5 августа 1918 года архитектор Н. Д. Виноградов, ответственный за осуществление ленинского плана в Москве, войдя с докладом в кабинет Владимира Ильича, застал там А. В. Луначарского, только что прибывшего из Петрограда. Нарком просвещения рассказывал Ильичу, что заканчивается изготовление скульптором Л. В. Шервудом бюста Радищева, который предполагается в ближайшее время установить в городе на Неве.

Ленин спросил Виноградова, нельзя ли изготовить копию этого бюста для Москвы. Николай Дмитриевич ответил, что достаточно сделать форму и можно будет отлить любое количество бюстов. Тогда Владимир Ильич попросил Луначарского передать Шервуду его, Ленина, просьбу изготовить авторскую копию, с тем чтобы памятники Радищеву открыть одновременно в Петрограде и в Москве.

14. Широко известен памятник Александру Сергеевичу Пушкину (1799-1837), величаво возвышающийся в центре площади, носящей славное имя поэта. Пушкин изображен в глубоком раздумье. Чуть склоненная курчавая голова, мягкая сосредоточенность позы, свободно падающие складки плаща - словно поэт на миг остановился, захваченный музыкой только что рожденной строки. Таким предстает перед взорами москвичей и их гостей памятник великому русскому поэту, навечно слившись с обликом нашей столицы.

Памятник сооружен по инициативе передовой общественности на собранные по подписке народные деньги. Его автор - сын крепостного крестьянина Ярославской губернии скульптор Александр Михайлович Опекушин.

... Уже в 1837 году, после трагической гибели поэта, в умах передовых людей того времени зародилась мысль о создании памятника А. С. Пушкину. Общественность России не раз обращалась к правительству, предлагая начать сбор средств, и в 1860 году даже начали собирать деньги по подписке. Свои проекты предлагали некоторые художники и скульпторы. Но дело продвигалось крайне медленно. И лишь в 1870 году по инициативе известного филолога академика Я. К. Грота был создан специальный комитет, который обратился к населению с воззванием о сборе средств на строительство памятника А. С. Пушкину.

По всей России пошел подписной лист. Лица разных сословий жертвовали деньги. Была собрана невиданная по тем временам сумма - 106 575 рублей 10 копеек, которая давала возможность после открытия памятника (он обошелся в 86 761 рубль 53 копейки) выделить оставшиеся деньги на издание "Дешевой пушкинской библиотеки" и пушкинской премии Академии наук.

На одном из заседаний комитета и было принято решение поставить памятник Пушкину в Москве. Эту идею выдвинул товарищ поэта по лицу адмирал Ф. Ф. Матюш-кин. Он предложил установить памятник не в чиновном Петербурге, не в Михайловском и не в Царском Селе, как предлагалось, а в родном городе Пушкина, в древней русской Москве.

В 1873 году был организован первый официальный открытый конкурс на лучший проект памятника. Но он не дал результатов. Конкурс объявлялся еще дважды - в 1874-м и 1875 годах, пока специальный комитет, в который входило и несколько лицейских товарищей поэта, не отдал предпочтение проекту под № 7, который соединил в себе "с простотою, непринужденностью и спокойствием позы - тип, наиболее подходящий к характеру наружности поэта...".

15. Памятник Гагарину Ю. А.

Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Юрий Алексеевич Гагарин (1934-1968) принадлежит к числу людей, чьи имена навсегда останутся в истории развития мировой цивилизации. Впервые в мире совершив дерзновенный полет во Вселенную, он облетел земной шар на космическом корабле и благополучно вернулся на Землю. Его триумфальный полет, подготовленный огромным трудом ученых, рабочих, конструкторов, инженеров, техников, положил начало новому этапу освоения космического пространства - этапу регулярных рейсов космических экипажей с человеком на борту.

Жизнь Юрия Алексеевича была тесно связана с Москвой. Его именем названы один из районов столицы и площадь, раскинувшаяся на слиянии Ленинского проспекта с проспектом 60-

летия Октября и улицей Косыгина. Именно здесь, через эту площадь, по Ленинскому проспекту, совершив свой исторический звездный полет, проехал в открытой машине из аэропорта Внуково на Красную площадь 14 апреля 1961 года первый космонавт планеты.

... Еще издали видна возвышающаяся над окружающей застройкой фигура космонавта. Развернутый лицом к высотному зданию Московского университета, памятник виден из многих мест столицы. И с каждой точки он открывается в новом ракурсе - стремительный, четкий, ставший неотъемлемой частью силуэта Москвы.

В центре широкой площадки, выложенной из каменных плит, взметнулась стройная 33-метровая рифленая колонна с фигурой Колумба Вселенной. Он облачен в скафандр, руки его словно распростерты крылья.

16. В Москве есть два памятника великому русскому писателю Николаю Васильевичу Гоголю (1809-1852). Один - во дворе дома № 7 по Суворовскому бульвару, второй - в начале Гоголевского бульвара на Арбатской площади.

Памятник Н. В. Гоголю во дворе дома по Суворовскому бульвару был создан в 1909 году, к 100-летию со дня рождения писателя. Его авторы - скульптор Н. А. Андреев и архитектор Ф. О. Шехтель.

Вначале этот памятник находился на Гоголевском бульваре, откуда в 1951 году его перенесли в Музей архитектуры на территорию бывшего Донского монастыря (ныне филиал Музея архитектуры имени А. В. Щусева). В 1959 году, в связи со 150-летием со дня рождения Н. В. Гоголя, этот памятник был установлен перед домом, где писатель провел последние годы жизни.

Здесь Гоголь готовил к изданию собрание своих сочинений, встречался с писателями, художниками, актерами. В то время он пережил тяжелую душевную драму. В ночь с 11 на 12 февраля 1852 года Гоголь здесь сжег подготовленный к печати второй том "Мертвых душ", а спустя десять дней - скончался.

Памятник изображает Гоголя в последние годы жизни, в период его душевного потрясения и надлома. В скорбной задумчивости, закутавшись в плащ, сидит он на скамье, низко опустив голову. Пьедестал из черного полированного гранита опоясан со всех сторон бронзовыми рельефами с персонажами из произведений Гоголя.

17. В самом центре Москвы на площади Свердлова воздвигнут монумент основоположнику научного коммунизма Карлу Марксу. Фигура великого мыслителя, высеченная из монолитной глыбы

серого гранита, как бы вырастает из огромной скалы. Рука Маркса опирается на трибуну. Словно обращаясь с пламенной речью к трудящимся массам, Маркс заканчивает ее боевым призывом: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

По обе стороны памятника стоят два гранитных пилона. На одном из них вырублены слова Фридриха Энгельса, сказанные 17 марта 1883 года над могилой великого друга: "И имя его и дело переживут века". На другом - слова Владимира Ильича Ленина: "Учение Маркса всеильно, потому что оно верно".

На внутренних торцах пилонов дано контурное изображение эмблемы Советского государства - серп и молот. Площадь вокруг памятника выстлана серым полированным гранитом, за которым идут зеленые насаждения.

... Еще на заре Советской власти В. И. Ленин уделял большое внимание созданию в Москве памятника Карлу Марксу (1818-1883) - вождю международного пролетариата.

18. Памятник А.С. Грибоедову на Чистых прудах, 1959 год, скульптор Аполлон Александрович Мануйлов, архитектор Александр Алексеевич Заварзин.

Памятник поэту и драматургу Александру Сергеевичу Грибоедову появился в Москве в год 130-летия со дня его трагической гибели в Персии. 30 января 1829 года тысячи взбунтовавшихся персов перебили всех, находившихся в посольстве. Тело Грибоедова было настолько изуродовано, что опознали его только по следу на кисти левой руки, полученному во время дуэли с Якубовичем в 1818 году. Памятник поставлен на Чистопрудном бульваре, хотя, дом, где родился Александр Сергеевич, фактически больше реплика, чем подлинник (реставрация в 1970-х, к тому же времени относится пожар, уничтоживший верхний этаж), находится на Новинском бульваре. Экономист Б.Л. Маркус вспоминал: «Где-то в середине тридцатых годов на бульваре напротив „Дома Грибоедова“ установили огромный гранитный валун. Мне, мальчишке, он тогда показался очень большим. Неотесанный, грубый, с широким основанием и сужающийся кверху. На передней стороне этого валуна чуть выше середины отшлифовали неровную по краям полосу, в которую вписали глубоко врезанными буквами подпись-автограф Грибоедова. И ничего больше. На памятник это не похоже, но я уже слышал, что камень потому и поставили на это место, что именно здесь со временем будет сооружен настоящий памятник с фигурой самого Грибоедова». Однако, позже, памятник, как известно, поставили совсем не на Новинском бульваре.

Памятник на бульваре представляет собой фигуру Грибоедова, установленную на постаменте-колонне, благодаря чему, образ драматурга выглядит весьма величественно и парадно. В нижней части постамента авторы разместили героев не просто самой известной пьесы писателя "Горе от ума", а той, благодаря которой, Грибоедова часто называют «писателем одной книги». Петр Чаадаев писал о пьесе, что «никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязи, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани, и, однако, никогда не достигалось более полного успеха». Пьеса буквально разобрана была на цитаты и до сих пор любой образованный человек с легкостью продолжит фразы «все врут...», «минуй нас пуще всех печалей и...», «что за комиссия, Создатель...» и «счастливые часов...».

19. Памятник Суворову — скульптура в честь великого русского полководца, генералиссимуса Александра Суворова на одноимённой площади в Москве.

В 1977 году Советом министров СССР было принято решение о сооружении памятника Суворову в Москве. К 250-летию полководца в 1980 году был проведён конкурс на лучший проект, который выиграли скульптор Комов и архитектор Нестеров. Торжественное открытие памятника прошло 17 февраля 1982 года.

Авторы скульптуры в своём проекте отошли от героико-эпического образа «великого полководца», переданного знаменитым памятником Суворову работы Козловского в Санкт-Петербурге. Комов остановился на реалистичной передаче образа Суворова, отталкиваясь от воспоминаний современников о фельдмаршале. Достаточно точно была передана живая натура Суворова. Также Комов обратил внимание на мелкие детали: его скульптура «носит» лишь один орден Святой Анны, единственный, который носил полководец в реальной жизни.

Памятник Суворова находится в Москве на Суворовской площади у Театра Российской армии, где во времена Суворова находился инвалидный дом для военных ветеранов.

Третьяковская галерея — самый известный художественный музей в столице, основанный купцом Павлом Третьяковым в 1856 г. Сегодня это крупное государственное учреждение культуры, в состав которого входят несколько музеев, главным из которых остается музейный комплекс в Лаврушинском переулке. (Замоскворечье)

20. Памятник выдающемуся русскому полководцу, генералу от инфантерии Михаилу Дмитриевичу Скобелеву (1843-1882) был торжественно открыт 7 июля 1912 года в Москве. Тверскую площадь, на которой установили конную статую "белого генерала", переименовали в Скобелевскую. Памятник был уничтожен в 1918 году, а на его месте был открыт Монумент Советской Конституции, который был в свою очередь взорван в апреле 1941 года.

Памятник Юрию Долгорукому открыт 6 июня 1954 года в ознаменование 800-летия Москвы (скульпторы - С.М. Орлов, А.П. Антропов, Н.Л. Штамм, архитектор - В.С. Андреев). Был заложен в период празднования 800-летия Москвы в 1947 году на современной Тверской площади, напротив здания мэрии. Юрий Долгорукий считается легендарным основателем Москвы. Монумент является одним из символов столицы. Помимо установления памятника также задумывалось перезахоронение останков великого князя. Специальной экспедицией при исследовании официального места захоронения Долгорукого выяснилось, что оно ложное. Лишь много позднее прах Юрия был найден в храме «Спаса на Берестове» на территории Киево-Печерской лавры. Монумент, установленный в Москве, представляет собой собирательный образ русских былинных богатырей: всадник, облаченный в воинские доспехи, указывает на место, где следует строить крепость.

20. К началу XX века Москва уже была в значительной степени оснащена системами теплоснабжения, водоснабжения, канализации, уличного освещения, асфальтом было покрыто 185 тыс. м². дорог. При этом значительное количество домов, особенно на окраинах, были деревянными, неблагоустроенными.

После преодоления разрухи, возникшей в результате Гражданской войны, началось ускоренное развитие города. Одним из первых заметных сооружений начала 20-х годов стала Шуховская башня. В 20-е годы и в начале 30-х годов было построено несколько зданий по проектам К. Мельникова, отличавшихся новаторской необычной архитектурой. Наиболее известные из них — Клуб Русакова, Дом Мельникова. Архитектор Щусев стал автором таких широко известных зданий как мавзолея Ленина и здание Казанского вокзала.

Новый этап в перестройке Москвы начался после постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10.07.1935 о генеральном плане реконструкции г. Москвы, в основу которого были положены идеи и указания И. В. Сталина. С 1935 по 1940 год в рамках работ по замене булыжного покрытия мостовых было заасфальтировано свыше 3 млн м² улиц, площадей и набережных. В этот же период был построен 41 км гранитных набережных. С 1935 по 1941 год в Москве было построено 11 новых мостов.

За первые 5 лет осуществления плана реконструкции Москвы в столице было построено свыше 500 многоэтажных жилых домов с 1800 тыс. м² жилой площади. Была проведена реконструкция и расширение улицы Горького, реконструкция Большой Калужской улицы, Ленинградского проспекта, Можайского шоссе, 1-й Мещанской улицы. В период 1930—1950-х годов Садовое кольцо было значительно расширено, заасфальтировано и на значительном своём протяжении застроено новыми жилыми домами и общественными сооружениями. За этот период в Москве был пущен метрополитен имени Л. М. Кагановича, были построены два аэропорта — Быково и Внуково, канал Москва — Волга, комплекс Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Были построены такие сооружения, как гостиница «Москва», театр Красной Армии, Северный речной вокзал, Библиотека имени Ленина, концертный зал имени П. И. Чайковского, гостиница «Пекин», гостиница «Советская», семь высотных зданий, так называемых «сталинских высоток».

21. По предложению И. В. Сталина 13 января 1947 года Совет министров СССР принял Постановление «О строительстве в Москве многоэтажных зданий»^[1]. В данном Постановлении были описаны планы по строительству 8 высотных зданий. Предполагалось, что количество зданий должно было символизировать 800-летие Москвы (праздновавшееся в 1947 году), однако строительство одного из зданий, которое велось на месте снесённого китайгородского района Зарядье, было прекращено после смерти Сталина.^[2] На стилобате этого здания позже возведена гостиница «Россия». Как утверждает Александр Васькин, первые восемь высоток были лишь началом грандиозного архитектурного проекта, целью которого было застроить высотными зданиями

всю Москву. В каждом крупном областном центре и в столицах союзных республик также должны были появиться свои высотки^[3].

Авторам проектов московских высотных зданий удалось создать оригинальные архитектурные решения, получившие в специальной литературе название сталинский ампи́р или советский монументальный классицизм. Но всё же не удалось избежать частичного заимствования архитектурного образа некоторых из американских небоскрёбов. Однако, не следует считать архитектурным предшественником «сталинских высоток», например, Муниципальное здание Манхэттена, построенное в 1909-1914 годах архитектором У. Кендаллом в стиле неоклассицизма^[4], так как данное здание всего лишь отражало архитектурные направления этой эпохи.

Главное здание МГУ на Воробьёвых горах. До строительства «Триумф-Паласа», «Башни на Набережной» и «Города Столиц» (Москва-Сити) было самым высоким зданием в Москве: высота 240 м, этажность центрального объёма — 36. Выстроено в 1949—1953 годы (архитекторы Л. В. Руднев, С. Е. Чернышёв, П. В. Абросимов, А. Ф. Хряков, В. Н. Насонов). Является центром огромного комплекса Московского университета, первоначально уже насчитывавшего 27 зданий.

В Главном здании размещены механико-математический, геологический и географический факультеты, администрация, научная библиотека, музей, актовый зал на 1500 человек. В боковых флигелях — жилая зона (общежитие для студентов, квартиры профессорско-преподавательского состава). Как и другие «высотки» административно-жилого характера, оно было задумано как дом с замкнутой коммунально-бытовой инфраструктурой (кинотеатр, почта, предприятия бытового обслуживания и т. д.).

Первоначальный проект здания не имел шпиля, на крышу вместо него должны были поставить памятник Ломоносову^{[8][9]}. Архитекторы, показывая чертежи Сталину, намекнули, что скульптура может получить портретное сходство с вождём. Однако Иосиф Виссарионович распорядился соорудить вместо статуи шпиль, чтобы верхняя часть здания МГУ была похожа на остальные семь высоток, строящихся в столице

Жилой дом на Котельнической набережной в Москве — одно из «высотных зданий», построено в устье Яузы в 1938—1952. Авторы проекта — Д. Н. Чечулин, А. К. Ростковский, инженер Л. М. Гохман. Курировал строительство, в том числе, настоял на выборе площадки для строительства дома Лаврентий Берия^[1].

Дом, замыкающий перспективу от Кремля к устью Яузы, строился как город в городе в 1938—1940, 1948—1952. Центральный объём насчитывает 26 этажей (32 вместе с техническими этажами) и имеет высоту 176 м. В высотке расположены 540 квартир, из них 336 двухкомнатных, 173 трёхкомнатных, 18 четырёхкомнатных и 13 однокомнатных квартир. К нему примыкает «старый», 9-этажный жилой корпус, выходящий на Москву-реку, спроектированный теми же авторами в 1938 году и завершённый в 1940-м. Всего в здании находятся 700 квартир, магазины, почтовое отделение, кинотеатр «Иллюзион» (базовый кинотеатр Госфильмофонда; выходит на Большой Ватин переулок), музей-квартира Г. С. Улановой.

Вторая по высоте «высотка» гостиница «Украина» (Кутузовский пр., 2/1) построена в 1953—1957 годы (архитектор А. Г. Мордвинов при участии В. К. Олтаржевского, В. Г. Калиша, инженера П. А. Красильникова). Центральный объём включает 34 этажа. Здание открывает Кутузовский проспект — новую московскую магистраль, созданную в послевоенное время. В пристроенных крыльях расположены 254 квартиры. 28 апреля 2010 года гостиница «Украина» после завершения масштабной реставрации начала работать под новым названием Radisson Royal Hotel Moscow.

Здание Министерства Иностранных Дел. Высотка (Смоленская-Сенная пл., 32/34) построена в 1948—1953 годы (архитекторы профессор В. Г. Гельфрейх, М. А. Минкус). Центральный объём включает 27 этажей, высота здания — 172 м. Здание завершает панораму с Бородинского моста, образуя площадь. В здании располагается Министерство иностранных дел Российской Федерации (МИД России).

Характерной особенностью высотки является огромный герб СССР на её фасаде. Герб, смонтированный из железобетона, расположен на высоте 114 м и занимает площадь в 144 кв. м.^[10]

Первоначальный проект здания не имел шпиля, но впоследствии план был доработан. Причина изменений точно неизвестна, но, согласно распространённой легенде, речь идет о личном указании Сталина^{[10][11]}. Расчёты показали, что здание не выдержит каменную надстройку, поэтому шпиль был сооружён из листовой стали и окрашен охрой (поэтому заметно было, что цвет шпиля отличается от цвета отделки здания). В настоящее время шпиль перекрашен и практически не

отличается по цвету от основного объёма здания. Распространена также история, что после смерти Сталина архитектор Минкус написал письмо Хрущёву с просьбой демонтировать шпиль, на что якобы Хрущёв ответил: «пусть шпиль останется памятником глупости Сталина»^[12].

Здание МИД является единственной из семи высоток, чей шпиль не увенчан пятиконечной звездой. Вероятной причиной этого является то, что шпиль здания оказался очень хрупким и не мог выдержать веса звезды.

Дом на Кудринской площади (Назывался «Высотка на площади Восстания», так как Кудринская пл. с 1925 по 1992 год именовалась площадью Восстания) построен в 1948—1954 годах по проекту архитекторов М. В. Посохина, А. А. Мндоянца и конструктора М. Н. Вохомского.

Здание состоит из центрального (24 этажа, высота с башней и шпилем — 156 м) и боковых корпусов (по 18 жилых этажей), составляющих структурно единый массив, опирающийся на общий цокольный этаж. Всего в здании свыше 450 квартир.

Технические этажи боковых корпусов были впоследствии модернизированы и превращены в жилые (на них можно попасть по лестнице, поднявшись из подъезда, либо по открытым переходам из центральной башни).

Основная часть здания включает в себя три больших подъезда (по одному на каждый из корпусов) и большое количество малых, отличающихся планировкой. Малые подъезды оснащены одним лифтом, обладают небольшим количеством этажей (не более 12), имеют по 1—4 квартиры на этаж.

Большие подъезды (1-й, 4-й и 14-й), обслуживаются тремя лифтами каждый. Центральный лифт 1-го подъезда (центральный корпус) способен подниматься до 23 и 24 этажей. Также все три лифта 1-го подъезда не останавливаются на втором этаже. На каждом этаже расположено от 4 до 8 квартир, вестибюли богато отделаны (зеркала, роскошные люстры) и могут запираются, изолируя этаж от лестниц и площадки перед лифтами (фактически каждый этаж делится лифтовой зоной на два вестибюля).

Расположенный в башне лифт, предназначенный для обслуживания 24—30-го этажей, длительное время находившийся в запустении, в настоящее время восстановлен владельцем жилого помещения на 25 этаже. Помещения башни на верхних этажах в настоящее время используются в качестве служебных или сдаются в аренду коммерческим структурам, в основном — для размещения аппаратуры связи.

На первом и цокольном этажах здания изначально находились магазины и кинотеатр «Пламя» (в настоящее время не работающий), в подвальном помещении — подземные гаражи. Часть цоколя была переоборудована под казино, прекратившее работу в 2004 году. В настоящее время на его месте размещается боулинг-клуб. Подвалы здания стыкуются с системой подземных сооружений, в частности, с бомбоубежищем, выходящим далеко за пределы надземной части здания.

Высотное здание на площади Красных Ворот. Архитекторы: А. Н. Душкин, Б. С. Мезенцев. Было построено с 1947 по 1952 годы. Здание состоит из 24-этажного центрального корпуса, занимаемого в советский период Министерством транспортного строительства (в настоящее время — «Корпорация Трансстрой»), и двух жилых корпусов переменной этажности (от 11 до 15 этажей). Во дворе дома действует ресторан, пристыкованный к центральному корпусу; в левом крыле здания расположен детский сад. В правом крыле здания находится один из двух вестибюлей станции метро «Красные ворота», выходящий на Каланчёвскую улицу, а также размещаются ювелирный и продовольственный магазины и аптека.

Общий подвал связывает все три корпуса, не имеющие наземных и чердачных переходов. Подвал также связан со служебными помещениями метро и сетью подземных специальных сооружений.

Ленинградская (гостиница). Архитекторы: Л. М. Поляков, А. Б. Борецкий. Инженер Е. В. Мятлюк. 1949—1954 гг. Гостиница расположена в одном из семи знаменитых высотных зданий, построенных в Москве в 1940—50-х годах прошлого века. В семействе сталинских высоток гостиница «Ленинградская» самая маленькая — всего 17^[уточнить] этажей и 136 метров высоты. Внушительная башня «Ленинградской» возвышается на Комсомольской площади, рядом с тремя вокзалами — Ленинградским, Ярославским и Казанским. Несколько лет назад гостиница была приобретена владельцем самой известной в мире сети отелей Hilton, после чего её здание было подвергнуто серьёзному капитальному ремонту. Так вместо гостиницы Ленинградской появился

роскошный отель Хилтон Москоу Ленинградская / Hilton Moscow Leningradskaya. Жители столицы по привычке называют его Ленинградская гостиница.

В Москве за её многовековую историю появилось более 3500^[1] проспектов, площадей, набережных, улиц, переулков, проездов, шоссе. Наиболее известной площадью России является Красная площадь, расположенная к востоку от Кремля.

Вдоль Москвы-реки расположены набережные, такие, как: Кремлёвская, Софийская, Москворецкая, Лужнецкая, Берсеневская, Андреевская и улица Балчуг.

Вблизи Кремля и Китай-города находятся Красная, Театральная, Новая, Старая площади, проходят улицы Волхонка, Ильинка, Моховая, Охотный ряд, которые существуют более 500 лет. Вокруг центра города расположены Садовое кольцо, Бульварное кольцо.

Арбат, Школьная улица, Кузнецкий Мост, Столешников переулок и Камергерский переулок — пешеходные улицы Москвы.

От центра города направляются улицы Солянка, Большая Ордынка, Большая Полянка, Большая Якиманка, Тверская, Знаменка, Новый Арбат, Лубянка.

Некоторые московские улицы и площади названы в честь известных россиян — Ломоносовский проспект, Кутузовский проспект, Ленинский проспект а также в честь иностранных лидеров.

В сторону различных российских областей направляются Ярославское, Можайское, Каширское, Ленинградское, Варшавское, Новорязанское, Волоколамское, Новорижское, Киевское, Калужское и т.д. Самым длинной линейной улицей Москве является Варшавское шоссе, длина которого достигает 21 км.

Часто некоторые организации называют по названиям улиц или площадей, где они расположены: Московская милиция (ГУВД) — Петровка, 38; бывший ЦК КПСС — Старая площадь; ФСБ — Лубянка.

В городе построены Третье транспортное кольцо и МКАД, ведётся строительство хордовых автомагистралей. Город постоянно растёт и расширяется, а вместе с этим увеличивается и количество улиц.

22. Великая Отечественная Война

Битва за Москву, которая началась в сентябре 1941 года, была одна из самых кровопролитных сражений времен Великой Отечественной войны. За три месяца войска гитлеровской Германии успели вплотную подойти к столице. Операция по захвату города имела название «Тайфун», которая началась 30 сентября.

Первый этап битвы за Москву 30.09.1941 - 5.12.1941г носил оборонительный характер. Второй этап 5.12.1941 - 20.04.1942 г это контрнаступление Советской Армии, а с января 42 года и вовсе мощное наступление на врага.

В октябре 1941 г. 16-я армия в составе трех дивизий и одного сводного курсантского полка (командующий армией генерал-майор Рокоссовский К. К.) перешла к обороне на волоколамском направлении в полосе от Московского моря до свх. Болычево, имея все дивизии в первом эшелоне. В резерве армии находились: 690-й стрелковый полк 126-й стрелковой дивизии и два противотанковых артиллерийских полка, причем один из них был использован для организации противотанкового района.

Имевшаяся в армии танковая бригада, за исключением одной танковой роты, использовалась небольшими группами в засадах в глубине обороны армии.

316-я стрелковая дивизия от командующего армией получила задачу прочно оборонять подступы к г. Волоколамск в полосе Львово, свх. Болычево (41 км по фронту) и не допустить прорыва противника вдоль шоссе Волоколамск — Москва.

Правее организовывал оборону сводный полк курсантов пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР.

Слева перешла к обороне 133-я стрелковая дивизия 5-й армии.

Исходя из того, что 316-я стрелковая дивизия обороняла главное направление в полосе армии, шоссе Волоколамск — Москва, командующий армией выделил на усиление дивизии большую часть имевшихся в его распоряжении средств.

316-я стрелковая дивизия была сформирована в Средней Азии и ко времени занятия обороны на подступах к г. Волоколамск боевого опыта не имела. Однако личный состав имел достаточную военную подготовку.

До прибытия на фронт в подразделениях и частях дивизии усиленно проводилась боевая подготовка, которая закончилась полковыми и дивизионными учениями на темы: «Марш и встречный бой стрелковой дивизии», «Оборона стрелковой дивизии» и «Наступление стрелковой дивизии».

По прибытии на фронт дивизия до получения боевой задачи на оборону под Волоколамском находилась в течение полутора месяцев на второй линии обороны Северо-Западного фронта в тридцати — сорока километрах от переднего края. Здесь на фронте продолжалась упорная учеба всего личного состава дивизии. В ходе боевой подготовки основное внимание было уделено проведению тактических учений с боевой стрельбой, наряду с этим продолжалась работа по сколачиванию подразделений.

С целью подготовки сержантского состава по указанию командира дивизии временно был создан нештатный учебный батальон.

Среди личного состава дивизии непрерывно велась партийно-политическая работа, направленная на воспитание ненависти к врагу, вероломно вторгшемуся в пределы нашей Родины, на повышение чувства ответственности за судьбу своей страны, на воспитание любви к своему народу, Коммунистической партии, Советскому правительству. Партийно-политическая работа связывала воедино все мероприятия, проводившиеся с целью наилучшей подготовки частей дивизии к предстоявшим боевым действиям.

Политическая работа велась в ротах и взводах путем бесед и политических информации. В этой работе большую роль сыграла широкая популяризация конкретных примеров героизма и стойкости солдат, офицеров и целых подразделений, сражавшихся с коварным врагом. В беседах с солдатами особое внимание обращалось на умелое использование в бою своего оружия. Партийно-политическая работа проводилась не только непосредственными начальниками, но и старшими командирами частей и управления дивизии.

В район Волоколамска дивизия полностью прибыла 12 октября 1941 г. и, не имея соприкосновения с противником, приступила к дооборудованию своего оборонительного рубежа. Часть работ на этом рубеже до прихода дивизии была выполнена силами народного ополчения и местного населения.

В состав дивизии входило три стрелковых полка (1073, 1075 и 1077-й) по три стрелковых батальона каждый; 857-й артиллерийский полк в составе двух артиллерийских дивизионов; батальон связи, саперный батальон и другие подразделения, положенные по штату в стрелковой дивизии.

Количество артиллерии в дивизии по состоянию на 16 октября 1941 г. показано в табл. 31.

Кроме того, дивизия была усилена четырьмя пушечными артиллерийскими полками РВГК, тремя артиллерийско-противотанковыми полками; в полосе дивизии должна была действовать часть артиллерии артиллерийской группы ДД 16-й армии, а также артиллерия 302-го пулеметного батальона и 1-го дивизиона артиллерийского полка 126-й стрелковой дивизии. Всего в этих частях и группах имелось 153 орудия.

В августе 1941 года Доватор был назначен на должность командующего Отдельной кавалерийской группы, сформированной из 50-й и 53-й кавалерийских дивизий. С 14 августа по 2 сентября группа под командованием Л. М. Доватора совершила рейд по тылу противника на территории Смоленской области, а в сентябре — октябре приняла участие в тяжёлых оборонительных боях на реке Меже и по реке Ламе. В октябре кавалерийская группа участвовала в ходе оборонительных боёв на шоссе Белый — Ржев, прикрывая отступление стрелковых соединений на волоколамском направлении, а затем провела ряд наступательных боёв в районе Истринского водохранилища и Солнечногорска.

20 ноября Отдельная кавалерийская группа была преобразована в 3-й кавалерийский корпус, который 26 ноября был преобразован в 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

11 декабря корпус под командованием Л. М. Доватора был передислоцирован в район Кубинки и после рейда по тылам противника к 19 декабря^[1] вышел к реке Рузе, где передовые части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса (22-й и 103-й полки 20-й кавалерийской дивизии) вышли в район деревни Палашкино (Рузский район, Московская область), где находились 2-й батальон 472-го

пехотного полка, 3-й батальон 7-го пехотного полка и 9-я батарея 252-го артиллерийского полка 252-й пехотной дивизии Вермахта (Силезия, эмблема «Дубовый лист»). При осмотре в бинокль позиций противника перед боем генерал-майор Доватор был смертельно ранен пулемётной очередью^{[1][3]}.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 декабря 1941 года гвардии генерал-майору Доватору Льву Михайловичу за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В первых числах октября 1941 года на Малоярославецком направлении нависла угроза выхода немецких войск непосредственно к Москве. К этому времени значительная часть войск Западного, Брянского и резервного фронтов оказались в окружении, поэтому сплошной линии обороны не было, а резервов способных быстро закрыть брешь командование не имело.

Воспользовавшись этим, немецкое командование бросило по Варшавскому шоссе 57-й моторизованный корпус. 5 октября передовые части корпуса заняли город Юхнов. Враг приблизился к Можайской линии обороны.

Для закрытия этой опаснейшей бреши в Ильинском секторе Малоярославецкого боевого участка 5 октября были подняты по тревоге Подольские военные, — пехотное и артиллерийское училища, и брошены навстречу гитлеровцам, чтобы любой ценой задержать их продвижение до подхода резервов Верховного Командования.

Чтобы выиграть время для развертывания под Малоярославцем главных сил училищ, навстречу противнику был выдвинут передовой отряд в составе 6-й роты пехотного училища под командованием старшего лейтенанта Мамчича Л. А. и артиллерийского дивизиона в составе двух батарей под командованием капитана Россикова Я. С.

Передовой отряд курсантов на автомашинах вечером того же дня убыл из Подольска, а утром, 6 октября, отбросил подразделения 57-го корпуса немцев от реки Изверв к реке Угре.

Что представляли Подольские военные училища к началу ведения боевых операций по защите Москвы в октябре 1941 года?

Подольское пехотное училище (ППУ) было сформировано в январе 1940 года. С декабря 1940 года начальником училища стал генерал-майор Василий Андреевич Смирнов. В училище обучалось свыше 2000 курсантов.

Подольское артиллерийское училище (ПАУ) образовано в 1939 году, начальником училища был полковник Георгий Иванович Балашов. В конце августа 1941 года его сменил полковник Иван Семенович Стрельбицкий. В училище к этому времени обучалось около 1500 курсантов по ускоренной шестимесячной подготовке.

С началом войны вновь были набраны курсанты нового призыва.

Проучившись три месяца, они первыми по приказу Ставки встали на защиту города Москвы.

Это была крайняя мера. Решиться на нее было нелегко. Все понимали, что курсанты военных училищ — это золотой фонд для развития армии. Но другого выхода не было. Над Москвой нависла тень фашистской свастики. От Юхнова до Москвы оставалось 198 километров, а войск для защиты столицы на этом пути не было.

Пять дней героически сражался передовой отряд Подольских военных училищ, отходя с одного рубежа на другой. Потери курсантов были большие, но врагу был нанесен огромный урон в живой силе и технике. За эти пять дней курсанты уничтожили 20 танков, 10 бронемашин, около 1000 солдат и офицеров противника.

Маршал Г.К. Жуков, который 8 октября встречался с курсантами передового отряда, в своей книге «Воспоминания и размышления» отметил их боевые действия: «В результате пятидневных ожесточенных боев немногие остались в живых, но своим героическим самопожертвованием они сорвали план быстрого захвата Малоярославца и помогли нашим войскам выиграть необходимое время для реорганизации обороны на подступах к Москве».

10 октября остатки курсантов передового отряда вышли к Ильинскому сектору Малоярославецкого боевого участка и соединились с основными силами Подольских военных училищ. 11 октября в полдень начались бои на всем боевом участке. От бомбовых ударов, артиллерийского и минометного огня казалось, что вся земля вокруг встала дыбом и ничто живое на ней не уцелеет. После 40-й минуты подготовки и обработки переднего края курсантов 10-й роты - противник бросил в бой пять танков и до роты пехоты. Но танки и пехота были уничтожены.

12 октября противник попытался вклиниться в нашу оборону, однако ему удалось продвинуться лишь на 300 метров. К исходу дня весь участок обороны 10-й роты был буквально изрыт воронками.

В восьмом часу 13 октября фашисты открыли ураганный огонь из орудий и минометов. Налетели вражеские бомбардировщики.

Гитлеровцы ввели в бой технику и пехоту. Бой был жестокий и неравный. Врагу удалось завладеть деревней Большая Шубинка.

Поздно ночью, охватив деревню с двух сторон, курсанты внезапно для противника атаковали деревню Большая Шубинка.

14 октября, рано утром, гитлеровцы вновь начали усиленную артподготовку. Затем бросили на нас авиацию. К исходу дня противник сумел овладеть первой и второй траншеями, но прорвать полностью район обороны так и не смог.

Чудеса героизма проявил взвод курсантов лейтенанта Тимофеева. Занимая оборону у деревни Малая Шубинка, взвод сражался в полном окружении в течение всего 14 октября, отбивая многочисленные атаки противника.

В ночь на 15 октября кольцо окружения было разорвано и оставшиеся в живых пять человек вышли в расположение батальона.

Тем временем поредевшие силы батальона продолжали сдерживать натиск вклинившегося в нашу оборону противника, уничтожить которого своими силами, к сожалению, не смогли. На помощь пришел резерв под командованием капитана Черныша и политрука Курочкина.

15 октября остатки батальона во взаимодействии с отрядом капитана Черныша провели семь атак на позиции противника, каждая атака заканчивалась рукопашным боем. Во время одной из атак погибли капитан Черныш и политрук Курочкин.

Курсанты-артиллеристы проявили чудеса героизма и самопожертвования. Не оставляя огневых позиций, они отражали непрекращающиеся атаки гитлеровцев. Особенно отличились курсанты 4-й батареи лейтенанта Алешкина Афанасия Ивановича.

Его батарея располагалась в деревне Сергиевке на Варшавском шоссе и хорошо была замаскирована, а дот с орудием был замаскирован под деревянный сарай. Немцы долго не могли распознать орудие Алешкина и несли большие потери, а когда обнаружили, окружили дот и забросали его гранатами. А.И. Алешкин погиб смертью храбрых вместе с шестью курсантами.

Бой был тяжелым, жестоким, но скоротечным. Вся колонна танков была уничтожена.

Десант на бронетранспортерах и автомашинах ликвидирован. Особенно в бою отличился расчет командира орудия курсанта Юрия Добрынина. Во время боя было уничтожено 6 танков и 2 бронетранспортера.

Наград тогда не давали, не до нас было. Не получил награду и Юра Добрынин.

Военный Совет МВО своим приказом № 0226 от 3 ноября 1941 года объявил им позднее благодарность. В боях за Москву курсантами Подольских военных училищ было уничтожено 100 танков и около 5000 живой силы противника.

Немного осталось в живых курсантов-защитников Москвы в октябре 1941 года. В боях за Москву погибло 2500 курсантов.

Их имена в памятниках, названиях улиц городов Подольска, Малоярославца, Бухары, Саранска, Йошкар-Олы и, наконец, - Москвы. 5 средних школ носят имя Подольских курсантов: № 18 г. Подольска, № 11 г. Обнинска, № 4 г. Климовска, пос. Щапово Подольского района, села Ильинское Малоярославецкого района. Об их подвиге написаны книги, песни, стихотворения, изготовлен памятный Знак «Ветеран Подольских военных училищ». Ряд курсантов к 220-летию Подольска получил звание Почетного гражданина города. По решению Главы г. Подольска А.В. Никулина в ИММЗ «Подолье» создается фонд документальных материалов по истории Подольских военных училищ для настоящих и будущих поколений.

Историческое значение героического подвига Подольских курсантов в битве за Москву в октябре 1941 года на Малоярославецком боевом участке Можайской линии обороны состоит в том, что своим мужеством, отвагой, массовым героизмом и самопожертвованием они вместе с частями 43-й армии сорвали гитлеровский план молниеносного захвата Москвы.

Они выиграли драгоценное время, позволившее нашему Верховному командованию подтянуть резервы из глубины страны в самые трудные для Москвы дни.

Подольские курсанты дали возможность нашим войскам создать прочную оборону на реке Наре и вновь возродить Западный фронт.

19 октября 1941 года город был переведен в осадное положение. Битва за Москву была в самом разгаре. Наступление противника было остановлено 30 октября. Взять столицу, Германия планировала к 7-му ноября. В этот день, начиная с 1918 года, в СССР отмечали Октябрьскую революцию.

И вот парад на Красной площади, с него воины Московского гарнизона уходили на фронт. Принимал парад маршал Буденный.

Под Москвой была великая битва. Город защищало три фронта, но численность немецких сил все равно была больше. Людей у немцев было больше на четверть, танков и артиллерии в два раза, самолетов тоже. Часть защитников Москвы, на дальних подступах к ней была окружена и разбита под Вязьмой. Несколько дней смогла продержаться вторая линия обороны, в районе Можайска. Положение было критическим.

Руководить обороной города поручили Георгию Константиновичу Жукову. После принятия командования, Жуков соединил три фронта обороны в один – Западный. С востока, к осажденному городу подтягивались войска из Сибири и Дальнего Востока. До подхода подкрепления, нужно было держаться всеми силами. Для обороны столицы, на фронт ушло 50 тысяч москвичей добровольцев, которые вступали в ряды народного ополчения и Красной армии.

7 ноября, на Красной площади прошел парад советских войск, с него люди сразу уходили на фронт. Немцы тем временем были все ближе и ближе... Германские войска подошли к Москве на расстояние 30 километров. Гитлер торопил своих генералов, призывая как можно быстрее захватить город.

Стойкость русского человека, его мужество, храбрость, сила и стремление к самопожертвованию на благо Родины не позволили немцам осуществить свои коварные планы. Битва под Москвой овеяна человеческим подвигом, людей совершенно разных чинов и званий.

В декабре в Битве наметился перелом. Русские войска перешли в наступление и, при поддержке авиации, несколько отодвинули немцев от города. Немцы бежали, бросая военную технику. В тыл бегущим, советское правительство засылало лыжников, парашютистов и кавалеристов, которые наносили немцам большой урон. 3 января Гитлер приказал своим генералам цепляться за каждый метр земли, держаться до последнего боеприпаса. Приказ не был выполнен.

В битве под Москвой немцы потеряли 500 тысяч солдат, 1,5 тысячи танков, 2500 орудий, 15 тысяч машин. Потери Красной Армии были сопоставимы... В Битве под Москвой русским войскам удалось разгромить большую немецкую группировку войск «Центр» и заставить неприятеля отойти на несколько сот километров от Москвы. Победа под Москвой имела и психологическое значение. Был развеян миф о непобедимости немецкой боевой машины. После победы в Битве под Москвой, Англия, США и еще 26 стран объявили о создании антигерманской коалиции.

Жуков говорил о том, что необходимо донести до последующих поколений героический дух войны. Вот для чего, в первую очередь, как мне кажется, и писал он свои воспоминания.

«Время не имеет власти над величиим всего, что мы пережили в войну, – скажет Маршал, – а народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе».

Около десяти лет трудился Георгий Константинович над воспоминаниями. Принимая во внимание, что он был в опале, постоянно подвергался травле, был болен и многое-многое другое, можно назвать создание книги его вторым подвигом. Выход в свет в 1969 году объемистого тома в красной суперобложке был настоящим событием в нашей стране. Ветераны поставили «Воспоминания и размышления» на первое место среди мемуаров о Великой Отечественной войне. Именно им, живым и павшим солдатам, их великому подвигу, их мужеству, храбрости, героизму, безграничной самоотверженности во имя Родины, во имя будущих поколений посвятил свою книгу Маршал.

Когда в апреле 1969 года книга появилась на книжных прилавках Москвы, первый тираж в 100 тысяч экземпляров был раскуплен мгновенно. К Дому книги на Калининском проспекте (Новом Арбате) тянулась очередь от кинотеатра «Октябрь». В книжном магазине на улице Кирова (Мясницкой) разгоряченная толпа покупателей высадила витрины и пошла насквозь.

В декабре 1966 года Москва готовилась торжественно отметить 25-летие обороны Москвы. В то время первым секретарем Московского горкома партии был Николай Григорьевич Егорычев. Человек, сыгравший заметную роль в политике, в том числе в драматической ситуации снятия

Хрущева и избрания Брежнева на пост генсека, один из коммунистов-реформаторов.

Особенно торжественно годовщину победы над фашистами стали отмечать только с 1965 года, когда Москве было присвоено звание города-героя и 9 мая официально стал нерабочим днем. Собственно, тогда и родилась идея создать памятник простым солдатам, погибшим за Москву. Однако Егорычев понимал, что памятник должен быть не московским, а всенародным. Таким мог быть только памятник Неизвестному Солдату.

Как-то в начале 1966 года Николаю Егорычеву позвонил Алексей Николаевич Косыгин и говорит: "Был я недавно в Польше, возлагал венки на Могилу Неизвестного Солдата. Почему в Москве такого памятника нет?" - "Да, - отвечает Егорычев, - мы сейчас как раз об этом думаем". И рассказал о своих планах. Косыгину идея понравилась. Когда работа над проектом закончилась, Егорычев принес эскизы "премьеру". Однако надо было ознакомить с проектом и Брежнева. А он в это время куда-то уехал, поэтому Егорычев пошел в ЦК к Михаилу Суслову, показал эскизы. Тот тоже проект одобрил. Вскоре в Москву вернулся Брежнев. Принял московского руководителя весьма холодно. Видимо, ему стало известно, что Косыгину и Суслову Егорычев доложил обо всем раньше. Брежнев начал размышлять, а стоит ли вообще сооружать такой мемориал. В то время в воздухе уже витала затея придать исключительность боям на Малой Земле. К тому же, как рассказывал мне Николай Григорьевич: "Леонид Ильич прекрасно понимал, что открытие памятника, близкого сердцу каждого человека, укрепит мой личный авторитет. А это Брежневу не нравилось еще больше". Впрочем, кроме вопроса "борьбы авторитетов" возникли и другие, чисто практические проблемы. И главная из них - место для памятника. Брежнев уперся: "Александровский сад мне не нравится. Поищите другое место". Два или три Егорычев возвращался в разговорах с Генеральным к этому вопросу. Все безрезультатно.

Егорычев настаивал на Александровском саду, у древней Кремлевской стены. Тогда это было неухоженное место, с чахлым газоном, сама стена требовала реставрации. Но самое большое препятствие заключалось в другом. Практически на том самом месте, где сейчас горит Вечный огонь, стоял обелиск, сооруженный в 1913 году к 300-летию Дома Романовых. После революции с обелиска соскребли фамилии царствующего дома и выбили имена титанов революции. Список якобы составлял лично Ленин. Чтобы оценить дальнейшее, напомним, что в то время трогать что-либо, связанное с Лениным, было чудовищной крамолой. Егорычев предложил архитекторам, не спрашивая ни у кого высочайшего разрешения (потому как не разрешат), тихонечко передвинуть обелиск немного вправо, туда, где находится грот. И никто ничего не заметит. Самое смешное, что Егорычев оказался прав. Начни они согласовывать вопрос переноса ленинского памятника с Политбюро, дело бы затянулось на годы.

Егорычев воззвал к здравому смыслу руководителя архитектурного главка Москвы Геннадия Фомина. Убедил действовать без разрешения. Кстати, случись что не так, за такое самоуправство запросто могли лишиться всех должностей, если не хуже...

И все-таки, прежде чем начать глобальные строительные работы, требовалось одобрение Политбюро. Однако Политбюро созывать не собирались. Записка Егорычева по поводу Могилы Неизвестного Солдата лежала в Политбюро с мая 1966 года без движения. Тогда Николай Григорьевич в очередной раз пошел на маленькую хитрость. Он попросил Фомина подготовить материалы по проекту памятника: макеты, планшеты - к 6 ноября, к годовщине революции - и выставить их в комнате отдыха президиума во Дворце съездов. Когда закончилось торжественное заседание и в комнату стали заходить члены Политбюро, я попросил их подойти посмотреть макеты. Кто-то даже удивился: ведь они не имели отношения к годовщине революции. Рассказал им о памятнике. Потом спрашиваю: "Каково ваше мнение?" Все члены Политбюро в один голос говорят: "Это здорово!" Спрашиваю, можно ли приступить к выполнению? Смотрю, Брежневу деваться некуда - Политбюро высказалось "за"...

Последний самый главный вопрос - где искать останки солдата? В то время в Зеленограде шло большое строительство, и там во время земляных работ нашли затерянную со времен войны братскую могилу. Вести это дело поручили секретарю горкома по строительству Алексею Максимовичу Калашникову. Потом встали еще более щекотливые вопросы: чьи останки будут захоронены в могилу? А вдруг это окажется тело дезертира? Или немца? По большому счету, с высоты сегодняшнего дня, кто бы там ни оказался, любой достоин памяти и молитвы. Но в 65-м году так еще не думали. Поэтому все старались тщательно проверять. В итоге выбор пал на останки воина, на котором военная форма хорошо сохранилась, но на которой не было никаких

командирских знаков отличия. Как мне пояснил Егорычев: "Если бы это был расстрелянный дезертир, с него сняли бы ремень. Не мог он быть и раненым, попавшим в плен, потому что немцы до того места не дошли. Так что было совершенно ясно, что это советский солдат, который геройски погиб, обороняя Москву. Никаких документов при нем в могиле найдено не было - прах этого рядового был по-настоящему безымянный".

Военные разработали торжественный ритуал захоронения. Из Зеленограда прах доставили в столицу на орудийном лафете. 6 декабря с раннего утра по всей улице Горького стояли сотни тысяч москвичей. Люди плакали, когда мимо двигался траурный кортеж. Многие старушки втихаря осеняли гроб крестным знаменем. В скорбном молчании процессия дошла до Манежной площади. Последние метры гроб несли маршал Рокоссовский и видные члены партии. Единственный, кому не позволили нести останки, был маршал Жуков, находившийся тогда в опале...

7 мая 1967 года в Ленинграде от Вечного огня на Марсовом поле зажгли факел, который по эстафете доставили в Москву. Рассказывают, что на всем пути от Ленинграда до Москвы стоял живой коридор - люди хотели видеть то, что было для них свято. Ранним утром 8 мая кортеж достиг Москвы. Улицы также были до отказа заполнены людьми. У Манежной площади факел принял Герой Советского Союза, легендарный летчик Алексей Маресьев. Сохранились уникальные хроникальные кадры, запечатлевшие этот миг. Я видел плачущих мужчин и молящихся женщин. Люди замерли, стараясь не пропустить самого важного мига - зажжения Вечного огня.

Открывал мемориал Николай Егорычев. А зажигать Вечный огонь должен был Брежнев. Леониду Ильичу заранее объяснили, что нужно делать. В тот вечер в итоговой информационной программе показали телевизионный репортаж, как генсек принимает факел, подходит с факелом к звезде, затем следовал обрыв - и в следующем кадре уже показывали зажженный Вечный огонь. Дело в том, что во время зажигания произошло ЧП, свидетелями которого стали только люди, стоявшие вблизи.

Николай Егорычев: "Что-то Леонид Ильич недопонял, и, когда пошел газ, он не успел сразу поднести факел. В результате произошло что-то типа взрыва. Раздался хлопок. Брежнев испугался, отшатнулся, чуть не упал". Тут же последовало высочайшее указание этот нелюбезный момент из телерепортажа вырезать. Как вспоминал Николай Григорьевич, из-за этого казуса телевидение осветило великое событие достаточно скупо.

С тех пор каждый год 9 мая к Вечному огню приходят люди. Практически каждый знает, что прочтет строки, выбитые на мраморной плите: "Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен". Но никому не приходит в голову, что у этих строк был автор. А происходило все так. Когда уже в ЦК одобрили создание Вечного огня, Егорычев попросил тогдашних литературных генералов - Сергея Михалкова, Константина Симонова, Сергея Наровчатова и Сергея Смирнова - придумать надпись на могиле. Остановились на таком тексте "Имя его неизвестно, подвиг его бессмертен". Под этими словами все писатели поставили свои подписи... и ушли. Егорычев остался один. Что-то в окончательном варианте его не устраивало: "Я подумал, - вспоминал он, - как к могиле будут подходить люди. Может быть, те, кто потерял своих близких и не знают, где они нашли покой. Что они скажут? Наверное: "Спасибо тебе, солдат! Подвиг твой бессмертен!" Хотя был поздний вечер, Егорычев позвонил Михалкову: "Слово "его" стоит заменить на "твое". Михалков подумал: "Да, - говорит, - это лучше". Так на гранитной плите появились выбитые в камне слова: "Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен".

23. Московская область (неофициально *Подмосковье*) — субъект Российской Федерации, входит в состав Центрального федерального округа. Административный центр Московской области не определён, фактически — город Москва, часть органов государственной власти расположена в Красногорске.

Область расположена в центральной части Восточно-Европейской равнины в бассейне рек Волги, Оки, Клязьмы, Москвы. Граничит на северо-западе и севере с Тверской областью, на северо-востоке и востоке — с Владимирской, на юго-востоке — с Рязанской, на юге — с Тульской, на юго-западе — с Калужской, на западе — со Смоленской, в центре — с городом федерального значения Москвой. Также существует небольшой северный участок границы с Ярославской областью.

Московская область образована 14 января 1929 года. Исторически области предшествовала Московская губерния, образованная в 1708 году. Область была как Центрально-Промышленная

область в ходе укрупнения единиц административного-территориального деления РСФСР, а 3 июня 1929 года была переименована в Московскую область.

Административно область состоит из 29 районов, 32 городов областного подчинения, 2 посёлков городского типа областного подчинения и 5 закрытых административно-территориальных образований^[11].

Своё название область получила по городу Москве, который, однако, является отдельным субъектом Российской Федерации и в состав области не входит. Органы государственной власти Московской области размещаются на территории города Москвы и Московской области^[12]. В 2007 году сдан в эксплуатацию Дом Правительства Московской области, расположенный на территории городского поселения Красногорск Красногорского района, в 350 м от МКАД, и большинство органов исполнительной власти было перемещено туда. В феврале 2016 года было объявлено, что с 2018 года административным центром **Московской области** станет город Красногорск.

Территория современной Московской области была населена уже более 20 тысяч лет назад (см. Зарайская стоянка). В пределах области известны фатьяновские могильники эпохи бронзы, многочисленные курганы, городища железного века. Широко распространены курганы X—XII веков. До IX—X веков территорию бассейна реки Москвы и прилегающие земли населяли в основном финно-угорские народы меряне и мещера. Активное освоение этих земель славянами началось лишь в IX—XI веках. Население занималось охотой, бортничеством, рыболовством, земледелием и скотоводством.

В середине XII века земли нынешней Московской области вошли в состав Владимиро-Суздальского княжества. К этому же времени относится основание первых городов на этой территории (Волоколамск, 1135; Москва, 1147; Звенигород, 1152; Дмитров, 1154). В городах сосредотачивались ремесло и торговля, они становились опорными пунктами княжеской власти. В первой половине XIII века вся Владимиро-Суздальская земля, в том числе и подмосковные земли, была завоёвана монголо-татарами; во время татаро-монгольского ига подмосковные территории неоднократно подвергались разграблению^[81]. Из удельных княжеств Владимиро-Суздальской земли в годы татаро-монгольского ига наиболее возвысилось московское; оно явилось центром объединения русских земель в XIV—XVI веках и оплотом борьбы с монголо-татарским игом. Города сохраняли оборонительную функцию вплоть до XVIII века. История Подмосковья неразрывно связана с военными событиями Смутного времени — Троицкой осадой, первым и вторым ополчениями

Все реки Московской области относятся к бассейну Волги (сама Волга протекает по территории области на небольшом участке, по которому проходит граница с Тверской областью). Уклоны русел рек Московской области невысокие (несколько сантиметров на километр длины), долины чаще широкие, с асимметричными берегами (как правило, правый берег крутой, левый же — плоский, террасированный). Питание рек — главным образом снеговое, с наибольшим стоком весной. В летнюю и особенно в зимнюю межень реки почти полностью переходят на подземное питание.

Северная часть области, включая всю Верхневолжскую низменность, орошается притоками Волги (Шошей, Ламой, Дубной, Сестрой, Яхромой), южная же — притоками Оки (Лопасней, Нарой, Протвой и др.), являющейся самой крупной после Волги рекой Московской области (но не самыми длинными). К бассейну Оки принадлежат и притоки реки Москвы, протекающей в пределах Московской области на большей части своего протяжения. Восточные и северо-восточные районы области, включая значительную часть Мещёры, орошаются притоками Клязьмы, являющейся второй по протяженности рекой с Московской области одним из главных притоков Оки и берущей в пределах Московской области своё начало^[50].

Всего в Московской области свыше 300 рек, имеющих протяжённость более 10 км. Все реки имеют спокойное течение, хорошо разработанные долины, поймы; половодье приходится на апрель — май. Летом уровень воды в реках Московской области низок и повышается лишь в случаях затяжных дождей. Реки области покрыты льдом с конца ноября до середины апреля. Из рек судоходны только Волга, Ока и Москва^{[46][37][51]}. Реки Московской области зарыблены более 30 видами. Несколько рыбных хозяйств ведут промышленный лов рыбы. На берегах рек гнездятся и останавливаются на отдых при перелётах огромное количество водоплавающих и околоводных птиц,

особенно уток и куликов. У воды обитают многие звери, среди которых редкие и ценные типа бобра, ондатры и выхухоли.

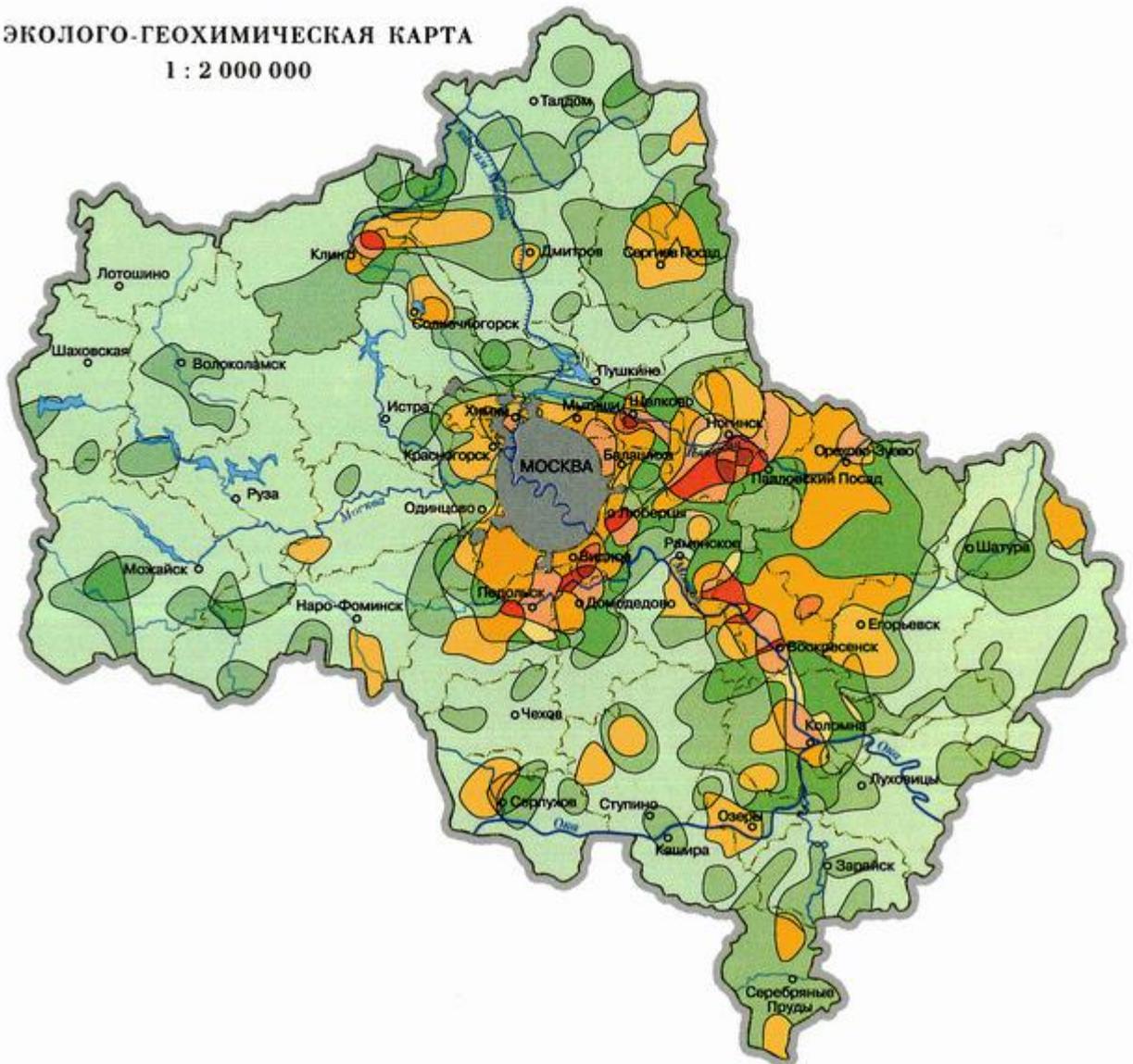
Северную часть Московской области пересекает канал имени Москвы, проходящий через Икшинское, Клязьминское, Пяловское и Пестовское водохранилища и соединяющий реки Волгу и Москву. В бассейне реки Москвы также образованы Озернинское, Можайское, Истринское и Рузское водохранилища, обеспечивающие Москву и Московскую область питьевой водой^{[52][50]}.

В Московской области немало озёр (около 350), почти все они неглубокие (5—10 м), многие имеют ледниковое происхождение (главным образом близ границы московского оледенения, где сохранился холмисто-моренный рельеф). Крупнейшие — Святое (12,6 км²) и Дубовое (Клепиковское), оба в Шатурском районе. Глубочайшие — Белое (Глухое) (34 метра), расположенное в Шатурском районе, и Глубокое (32 метра) в Рузском районе, на котором размещается гидробиологическая станция Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН.

На территории области нередки болота, особенно в пределах Мещёрской и Верхневолжской низменностей.

ЭКОЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКАЯ КАРТА

1 : 2 000 000

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ПО ВСЕМ ПРИРОДНЫМ СРЕДАМ

- Удовлетворительная обстановка
- Удовлетворительная оценка по всем природным средам
- Умеренно напряженная обстановка
- Напряженная оценка по одной природной среде
- Напряженная обстановка
- Напряженная оценка по двум природным средам
- Максимально напряженная обстановка
- Напряженная оценка по трем природным средам
- Умеренно критическая обстановка
- Критическая оценка по одной природной среде
- То же и напряженная оценка по одной природной среде
- То же и напряженная оценка по двум природным средам
- Критическая обстановка
- Критическая оценка по двум природным средам
- То же и напряженная оценка по одной природной среде
- Максимально критическая (потенциально кризисная) обстановка
- Критическая оценка по трем природным средам

Рузский район Московской области

Район находится на западе Московской области в 110 км от Москвы и граничит с Можайским, Одинцовским, Нарофоминским и с Волоколамским районами области. Площадь района составляет 1559 км²; 47,5 % всей территории приходится на леса.

Основные реки — Москва, Руза, Озерна. Самое глубокое озеро в Московской области — «Глубокое» Водохранилища — Озернинское, Рузское и Старорузское

Климат района умеренный континентальный с ярко выраженными временами года. Средняя температура января -10°C , июля $+17^{\circ}\text{C}$. Осадков выпадает около 600 мм в год.

Благодаря удаленности от основных промышленных районов Рузский район обладает экологически чистой средой. В районе множество водоемов: два водохранилища, занимающие около 4380 га, площадь озер — 860 га, рек и прудов — 1860 га. На территории района находится известное озеро Глубокое — самое глубокое озеро Московской области, его глубина составляет 32 метра.

Около половины всей территории района покрыто лесами, богатыми грибами и ягодами. В лесах встречаются олень и косуля, лось и кабан, лисица и енот, рысь и волк, куница и норка, а также много других животных. Из птиц — большое разнообразие водоплавающих и куликов, а также глухарей, тетеревов, рябчиков. В водоемах обитает более 20 видов рыб.

На территории Рузского района располагается бальнеологический курорт Дорохово.

История

Первое упоминание о древнем городе на берегах полноводной Рузы относится к 1328 году. Принадлежавшая московским князьям Руза, служила форпостом на границе с тверскими и смоленскими землями.

В XVIII веке Руза становится уездным центром Московской губернии и в последующее столетие это тихий провинциальный городок. Среди сохранившихся памятников самым древним является Рузское городище — остатки земляной крепости XIV века. А памятники каменного зодчества относятся в основном к XVIII-XIX векам.

Немало на территории района и памятников культурно-исторического наследия: Дмитровская церковь, основанная в 1792 году, Воскресенский собор XVII века, церкви Покровская (1781), Борисоглебская (1801), Казанская (1701) и другие, один из первых этнографических музеев Подмоскovie. В Рузе сохранились остатки земляных валов (высота до 30 м) на месте рузского кремля — Городка (XI-XII веков).

Также на территории Рузского района можно посетить усадебные ансамбли XVII-XIX веков — Аннино (Знаменское; было вотчиной бояр Милославских), Богородское (в первой четверти XIX века принадлежало графу Д. А. Гурьеву), Волинщино (вотчина бояр Волынских, с 1770 годов принадлежала князю В. М. Долгорукову-Крымскому), Васильевское (родовое имение И. А. Яковлева, отца А. И. Герцена), Никольское-Гагарино, Покровское-Шереметево (здесь провел детские годы поэт Ф. Тютчев, родственник князей Шереметевых). Маршрут: 84 км Минского шоссе, правый поворот на шоссе А108. На электричке с Белорусского вокзала, ст. Дорохово, а дальше автобусом до Рузы.

В центре города находится кирпичный Воскресенский собор, правда, сильно искореженный поздними перестройками. Борисоглебская церковь построена в несколько запоздалых формах барокко. Но наиболее интересна Дмитриевская церковь, возведенная в конце XVIII века, предположительно по проекту М. Ф. Казакова. Храм отличает необыкновенная форма-нижний ярус представляет собой восьмерик, но котором возвышается восьмигранник, увенчанный световым барабаном с луковичной главкой. В городе сохранились двухэтажные дома конца XVIII века, дополняющие особую картину неспешной жизни провинции.

На улице Социалистической, в доме № 1 находится краеведческий музей, где представлены археологические материалы, документы и фотографии, рассказывающие об истории района.

Окрестный пейзаж неузнаваемо изменился с появлением на реках Руза и Озерне водохранилищ. Рузское водохранилище начинается у деревни Палашкино, где русло реки преграждает плотина. Довольно узкая с крутыми берегами долина позволила создать водохранилище протяженностью 80 км при ширине 3 км. Этот живописнейший водоем является излюбленным местом отдыха.

Недалеко от Рузы находится старинная усадьба Волинщино-Полуэктово, принадлежащая в XV веке боярину Полуэктору Борисовичу Волынскому. Спустя 300 лет она перешла к князю Долгорукому. По заказу нового владельца был создан великолепный архитектурный ансамбль. Сегодня водохранилище вплотную подступает к белокаменной террасе усадьбы. Среди вековых

деревьев стоит церковь Трех Святителей-княжеская усыпальница, где покоится прах героя русско-турецкой войны фельдмаршала В. М. Долгорукого.

Состав района

С 2006 года в состав района входят 7 поселений, из них городских — 2, сельских — 7:

- Городское поселение Руза
- Городское поселение Тучково
- Волковское сельское поселение
- Дороховское сельское поселение
- Ивановское сельское поселение
- Колюбакинское сельское поселение
- Старорузское сельское поселение

Экономика

Ведущими отраслями промышленности являются: АПК, строительство и добыча полезных ископаемых, перерабатывающая. Наиболее крупными промышленным объектам относятся:

- рузская кондитерская фабрика (принадлежит компании Nestle),
- предприятия по выпуску строительных материалов:
 - ТМПСО «Рузский дом»,
 - «Дружба Монолит»,
 - ОАО «Бикор»,
- завод по производству кофе «Московской Кофейни на Паяхь»,
- агропромышленный комплекс представлен ОАО «Русское молоко» (объединяет колхозные хозяйства района и молочный завод ОАО «Русское молоко»),
 - производство водки ЗАО «Союз-Виктан»,
 - ЗАО «Колюбакинский игольный завод».

Транспорт

Через район проходит железная дорога «Москва—Минск» (станции Тучково, Дорохово; платформы Санаторная, Театральная, Садовая, Партизанская), до самой Рузы железная дорога не доходит.

Достопримечательности

- Церковь св. Димитрия Солунского в Рузе
- Воскресенский собор в Рузе
- Борисо-Глебская церковь в Рузе
- Покровская церковь в Рузе
- Преображенская церковь с. Нестерово
- Покровская церковь с. Покровского-Шереметьева
- Храм Святой Троицы с. Макеиха
- Усадьба Любвино в Тучково

Усадебные комплексы.

В 11 километрах восточнее Рузы расположена усадьба Аннино. История одноименного села уходит в далекое прошлое. Первое упоминание о нем, как о вотчине Милославских, относится к концу 17 века. Названием своим село обязано, по преданию, Анне Котловской или Анне Васильчиковой, одной из жен Ивана Грозного, сосланной в эти отдаленные места.

Храм, нетипичной для Подмосковья шатровой постройки, был возведен в Аннино по заказу И.М.Милославского в 1690 году. Но его архитектура очень проста и лаконична, что отличает его от роскошных шатровых храмов в Коломенском и Беседах. Композиционный ансамбль включает в себя притвор, объединенную с трапезной колокольню и четверик храма, завершенный узким восьмигранником, на котором покоится стройный шатер с миниатюрной главкой. Колокольня с неполным третьим ярусом несколько возвышается над храмом. Выстроена она позднее, в 18 веке и также увенчана шатром. Гладкие стены украшают незатейливые карнизы и рамочные наличники.

Усадебный дом конца 18 века, провинциальной постройки, сохранился до наших дней. Он декорирован плоскими наличниками, накладными досками и карнизами простого профиля. Нижний этаж рустирован.

Сейчас усадебный дом отдан под детский оздоровительный санаторий, храм действует.

Усадьба Поречье

От бывшей усадьбы, расположенной в Рузском районе, сохранилась лишь изумительно красивая церковь, возвышающаяся на берегу Москвы-реки, а господский дом начала 20 века сейчас разрушен.

Основал усадьбу во второй половине 18 века генерал-поручик М.А.Яковлев, владелец еще одного подмосковного имения – Перхушково. В середине 19 века хозяином поместья стал помещик И.А.Бартоломеус, а в конце столетия – А.В.Львов, передавший его в дальнейшем своим наследникам.

Каменная церковь была возведена еще при Яковлеве, в 1763 году. Здание ярусного типа выстроено на белокаменном фундаменте. Квадратное в основании, оно завершается световой ротондой с полукруглым куполом, опирающимся на арки. Храм увенчан глухим барабаном с миниатюрной главой, на которой расположен ажурный крест. Фасады украшают изящные карнизы, рустовка и резные наличники. Храм объединен трапезной с двухъярусной колокольной, построенной в конце 18 века. В целом церковная композиция, выдержанная в стиле барокко, смотрится очень гармонично.

Васильевское — деревня на левом берегу Москвы-реки в Рузском районе Московской области на границе с Одинцовским районом, входящее в сельское поселение Колубакинское. Через реку перекинут пешеходный висячий мост. Ранее село располагалось по обе стороны Москва-реки, но в XX веке административная граница между Рузским и Одинцовским районами прошла по реке: само село с церковью осталось в Рузском районе, а его правобережная часть с усадьбой Щербатова и замком отошла к Одинцовскому району и стала именоваться посёлком санатория имени Герцена^[2].

Советский военно-приключенческий и историко-биографический художественный фильм **«Эскадрон гусар летучих» С. Ростоцкого, посвященный Отечественной войне 1812 года** — снимался в деревне Васильевское в Московской области. После выхода на экран, фильм стал одним из лидеров проката, его посмотрело больше 23 миллионов зрителей

Усадьба Волинщина — Полуэктово (у А.Б. Чижкова — Полуектово) (Россия, Московская область, Рузский район, Волинщино)

Бывшая вотчина бояр Волинских, с 1770 — х годов принадлежала князю В.Н. Долгорукому — Крымскому, владевшему так же другой подмосковной — Знаменское-Губайлово. Именно при нём здесь был создан скромный по масштабам, но удивительно красивый архитектурный ансамбль. Автор проекта точно не установлен, предположительно — архитектор И.Е. Старов.

Круглый парадный двор образован главным домом и четырьмя флигелями стиля классицизма. Усадебный дом с антресолями на высоком полуподвале имеет трёхчастную композицию. Центр парадного фасада — четырёхколонная лоджия ионического ордера со свободным фронтоном, поле которого заполняет лепнина и гербовый картуш. К открытой лоджии ведут две боковые лестницы. Парковый фасад выделен эркером с закруглёнными гранями. К нему примыкает полукруглая открытая терраса со спуском в парк. Наружное убранство здания необычайно изысканно, тонкую пластику фасадов дополняют скульптурные рельефы.

Рождение российского «Великого Немого» (1898-1917)

Известно, что кино в Россию завезли французы. Было это в начале 1896-го. Однако многие русские фотографы сумели быстро научиться новому ремеслу. Уже в 1898-м документальные сюжеты снимались не только иностранцами, но и русскими операторами. Но до появления русских игровых лент оставалось еще целых 10 лет. Лишь в 1908 году режиссер и предприниматель Александр Дранков поставил первый русский фильм с актерами под названием «Понизовая вольница» («Степан Разин»). Картина была черно-белая, немая, короткометражная, костюмная, душещипательная. А дальше – пошло-поехало... В 10-х годах Владимир Гардин («Дворянское гнездо»), Яков Протазанов («Пиковая дама», «Отец Сергей»), Евгений Бауэр («Сумерки женской души», «Преступная страсть») и другие тогдашние мастера режиссуры создали вполне **конкурентоспособный жанровый кинематограф**, где нашлось место и экранизациям русской классики, и мелодрамам с детективами, и военно-приключенческим боевикам.

Ко второй половине 10-х годов в России зажглись настоящие суперзвезды серебристого экрана – Вера Холодная, Иван Мозжухин, Владимир Максимов...

В погоне за Красным «Октябрем» (1918-1930)

Но все когда-нибудь кончается. Октябрьский переворот 1917-го послужил многим известным российским кинематографистам эффектным трамплином на Запад. Так что первый «совдеповский» фильм «Уплотнение» (1918), поставленный заурядным конъюнктурщиком А.Пантелеевым, вышел не ахти каким художественным. Да и время братоубийственной гражданской войны, право, было не лучшим для развития кинематографа. Но уже через каких-нибудь пять лет охваченная революционным порывом и мечтой о мировой диктатуре пролетариата творческая молодежь поразила планету новизной киноязыка. Так на смену «серебряному веку» российского кино пришел советский киноавангард 20-х. Идеологическая цензура Кремля в те времена еще мало интересовалась формой художественного «текста». Именно это и позволило гению Сергея Эйзенштейна отважно экспериментировать с «монтажом аттракционов» в его знаменитых фильмах **«Броненосец Потемкин»** (1925) и **«Октябрь»** (1927). Их очевидная политическая ангажированность не помешала широкой известности на Западе. Откройте любую зарубежную книгу по истории мирового кино – и вы наверняка обнаружите специальную главу, посвященную кинематографу **Сергею Эйзенштейну** и его знаменитых современников – Льва Кулешова («По закону»), Всеволода Пудовкина («Мать», «Конец Санкт-Петербурга»), Александра Довженко («Звенигора», «Земля»), «ФЭКСов» (эту питерскую киногруппу возглавляли Григорий Козинцев и Леонид Трауберг, авторы «Шинели» и «СВД»), Дзиги Вертова («Человек с киноаппаратом»). Конечно, рядом с «эффектом Кулешова» и «монтажом аттракционов» существовало и вполне коммерческое, зрелищно-развлекательное кино Якова Протазанова («Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Праздник святого Йоргена») и Константина Эггерта («Медвежья свадьба»). Но лидерство Сергея Эйзенштейна с его метафорическими «Броненосцем» и «Октябрем» уже тогда не вызывало никакого сомнения.

В звуковых сетях «соцреализма» (1931-1940)

Приход звука в российском кино («**Путевка в жизнь**» Николая Эка, 1931) почти совпал с ликвидацией последних островков творческой свободы и торжеством так называемого «социалистического реализма». Сталинский тоталитарный режим спешил поставить на контроль практически каждую «единицу» тогдашнего кинопроизводства. Так что ничуть не удивительно, что вернувшийся из зарубежной поездки Эйзенштейн так и не мог добиться выпуска на экран своей картины «Бежин луг» (в итоге фильм был уничтожен). Да и другие лидеры 20-х (Д.Вертов, Л.Кулешов, В.Пудовкин) на практике ощутили железную хватку **кремлевской цензуры**. Фаворитами 30-х стали режиссеры, сумевшие не только освоить новые выразительные возможности звука, но и создать идеологическую мифологию Великой Революции, перевернувшей мировое устройство. Братьям Васильевым («**Чапаев**»), Михаилу Ромму («**Ленин в Октябре**», «Ленин в 18-м году») и Фридриху Эрмлеру («Великий гражданин») удалось войти в обойму обласканных властями кинематографистов, сумевших приспособить свой талант к жестким требованиям эпохи «обострения классовой борьбы» и массовых репрессий. Но надо отдать должное Сталину – он понимал, что кинорепертуар не может состоять из одних только «идеологических хитов». Недавний ученик и ассистент С.Эйзенштейна Григорий Александров («Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга») стал официальным «королем комедии» 30-х. А его жена Любовь Орлова – главной звездой экрана.

«Сороковые, роковые...» (1941-1949)

Война резко изменила тематический и жанровый спектр российского кино. После «пилотных» короткометражек «Боевых сборников» появились полнометражные фильмы о войне («Радуга», «Нашествие», «Она защищает Родину», «Зоя» и др.), где война уже не представляла чередой легких побед над карикатурно слабым противником. Именно в годы войны Сергей Эйзенштейн снимает свой последний в жизни шедевр – трагедию «Иван Грозный». Вторая серия этого фильма была, как известно, запрещена Сталиным. И не даром – в образе блестяще сыгранного Николаем Черкасовым жестокого и полубезумного царя Ивана не так уж трудно было увидеть намеки на порочность кровавого абсолютизма...

Завоеванная ценой десятков миллионов сограждан победа над нацизмом вызвала новую киновспышку «культы личности». В фильмах придворного режиссера Кремля Михаила Чиаурели («Клятва», «Падение Берлина») Сталин выглядел настоящим божеством, вызывающим экстаз массового поклонения рабоче-колхозной паствы.

Решили действовать по известному принципу – лучше меньше, да лучше. Пусть отборные российские кинематографисты снимут только 12 фильмов в год, но зато – это будут не какие-нибудь проходные середнячки, а настоящие шедевры. Например, эпопеи о Революции и Войне («Незабываемый девятнадцатый», «Сталинградская битва»). Или историко-биографические повести о не замеченных в «оппортунизме» ученых («Жуковский», «Пржевальский»), полководцах («Адмирал Нахимов», «Адмирал Ушаков») и деятелях искусства (Композитор Глинка, «Белинский»)

Авторами фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» получена награда в США – «Оскар»

К этим образцово-показательным сюжетам, в самом деле, подключились тогдашние лучшие киноилы (М.Ромм, В.Пудовкин и др.). Резко сузившийся развлекательный киносектор был представлен комедиями Григория Александрова («Весна») и Ивана Пырьева («Кубанские казаки»).

От «малюкартинья» - к «кинооттепели» (1950-1968)

Эпоха малюкартинья завершилась вскоре после смерти Сталина. «Оттепельная» либерализация кремлевского курса второй половины 50-х вызвала **резкое увеличение фильмопроизводства и приток режиссерско-актерских дебютов**. Наиболее заметной фигурой тех лет, бесспорно, стал **Григорий Чухрай** («Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо»). Однако и кинематографисты старшего поколения не спешили уйти с ковра. «Летят журавли» - подлинный шедевр режиссера Михаила Калатозова и оператора Сергея Урусевского - заслуженно завоевал «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля. К слову, эту «каннскую высоту» - ни до, ни после – не удалось взять ни одному российскому фильму... Чуть позже тот же дуэт снял еще два знаменитых фильма с новаторским стилем – «Неотправленное письмо» и «Я – Куба».

Второе дыхание пришло и к Михаилу Ромму. На мой взгляд, именно в 60-х он поставил свои лучшие фильмы – «Девять дней одного года» и «**Обыкновенный фашизм**».

По книге К. Симонова о Великой Отечественной войне «Живые и мертвые» снят пронзительный по исторической и художественной правде одноименный фильм.

Отказ от парадной помпезности в пользу проблем «простого человека» особенно ярко виден в скромных мелодрамах Марлена Хуциева «Весна на Заречной улице» (совместно в Ф.Миронером) и «Два Федора». Эти фильмы беспрепятственно вышли в широкий прокат. Зато попытка Хуциева выйти на уровень критического осмысления современности («**Мне 20 лет**», «Июльский дождь») вызвала резкое противодействие властей, начавших постепенную «заморозку» кинооттепели. Самой знаменитой жертвой этих цензурных холодов стал легендарный фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» (1966). В середине 60-х Кремль фактически объявил войну российскому «авторскому кино», не укладывавшемуся в замшелые рамки «соцреализма».

Вместе с тем «оттепель» позволила выйти на экраны не только «артхаусным» фильмам Андрея Тарковского («Иваново детство»), Глеба Панфилова («**В огне брода нет**») и Ларисы Шепитько («Крылья»), но и подарила зрителям удовольствие настоящего развлечения в комедиях Леонида Гайдая («**Операция «Ы**», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука»), Эльдара Рязанова («Берегись автомобиля!») и Георгия Данелия («**Я шагаю по Москве**»). Нельзя не упомянуть и нашумевшие экранизации мировой классики – «оскароносную» «Войну и мир» Сергея Бондарчука, «Анну Каренину» Александра Зархи, «Гамлета» Григория Козинцева и «Братьев Карамазовых» Ивана Пырьева...

Кинооттепель стала звездным часом для Татьяны Самойловой, Анастасии Вертинской, Людмилы Савельевой, **Вячеслава Тихонова** (А.Болконский в киноэпопее С. Бондарчука «Война и мир»), **Олега Стриженова**, Алексея Баталова, Иннокентия Смоктуновского, Евгения Урбанского, Олега Ефремова и многих других замечательных актеров нового поколения. И это притом, что в эти годы еще продолжали играть Борис Андреев, Алексей Черкасов, Михаил Жаров, Лидия Смирнова, Николай Симонов и другие известные артисты 30-х – 40-х годов.

«В тихом киноомуте...» (1969-1984)

Немало незаурядных картин оказалось на цензурной полке: сильный фильм о войне «Проверки на дорогах» Алексея Германа, фантазмагорическая «Агония» Элема Климова, психологические драмы «Долгие проводы» Киры Муратовой и «Тема» Глеба Панфилова)... Иные выдающиеся фильмы иезуитски наказывались минимальным тиражом и прокатом («Зеркало» и «Сталкер» Андрея Тарковского, «Парад планет» Вадима Абдрашитова, «Мой друг Иван Лапшин» Алексея Германа). Но

вопреки всему сквозь тихий киноомут отшлифованного цензурой российского кино то и дело прорывались ленты мастеров класса «А». Василий Шукшин («Печки-лавочки», «Калина красная»), Глеб Панфилов («Начало», «Прошу слова»), Никита Михалков («Неоконченная пьеса для механического пианино», «Пять вечеров», «Несколько дней из жизни И.И.Обломова», «Родня»), Вадим Абдрашитов («Слово для защиты», «Охота на лис»), Илья Авербах («Чужие письма», «Объяснение в любви»), Роман Балаян («Полеты во сне и наяву», «Поцелуй»), Ролан Быков («Чучело»), Динара Асанова («Пацаны»), Сергей Соловьев («Спасатель», «Наследница по прямой»), Георгий Данелия («Осенний марафон»), Петр Тодоровский («Военно-полевой роман»), Андрей Кончаловский («Дядя Ваня», «Сибиряда»)… Это далеко не полный список заметных имен и фильмов той эпохи.

Посещаемость кинозалов в России в ту пору была одной из самых высоких в мире. Десятки миллионов зрителей смотрели комедии Леонида Гайдая («12 стульев», «Иван Васильевич меняет профессию»), Георгия Данелия («Афоня», «Мимино»), Эльдара Рязанова («Ирония судьбы», «Служебный роман», «Вокзал для двоих»), зрелищные ленты Владимира Мотыля («Белое солнце пустыни») и Александра Митты («Экипаж»). Абсолютными рекордсменами тех лет стали мелодрама Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» (приз «Оскар») и боевик «Пираты XX века» Бориса Дурова. А какие были звезды – Владислав Дворжецкий (1937-1978), Владимир Высоцкий (1938-1980), **Олег Даль** (1941-1981), Анатолий Солоницын (1934-1982), Юрий Богатырев (1947-1989), Анатолий Папанов (1922-1987), Андрей Миронов (1941-1987), Евгений Леонов (1926-1994), Александр Кайдановский (1946-1995), Николай Еременко (1949-2001)!

Вопреки превратностям судьбы именно в это время полюбившаяся зрителям по «оттепельной» комедии «Карнавальная ночь» Людмила Гурченко снова взошла на актерский Олимп («Двадцать дней без войны» А.Германа, «Пять вечеров» Н.Михалкова). А рядом снимались Маргарита Терехова («Зеркало»), **Нонна Мордюкова** («Трясина», «Родня»), Елена Соловей («Раба любви»), Инна Чурикова («Начало», «Васса»)…